

Е.В. Карих

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРОЦЕССЕ
ЕЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ
XIX - начало XX в.**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ**

Е.В. КАРИХ

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРОЦЕССЕ
ЕЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ
XIX – НАЧАЛО XX в.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

УДК 947.081-083
ББК 63.3(2)47-52
К23

Научный редактор – д-р ист. наук. В.П. Зиновьев
Рецензент – д-р ист. наук Л.И. Шерстова

Карих Е.В.

К23 Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 232 с.

ISBN 5-7511-1871-5

Книга посвящена изучению процессов межэтнического взаимодействия, возникших в Западной Сибири во время ее хозяйственного освоения в XIX – начале XX в. В ней также анализируются межэтническое разделение труда и особенности взаимодействия этносов в различных хозяйственно-климатических зонах края.

Для специалистов этнологов, историков, студентов и преподавателей гуманитарных факультетов вузов.

УДК 947.081-083
ББК 63.3(2)47-52

ISBN 5-7511-1871-5

© Е.В. Карих, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Бурные события XX в. убедительно доказали правоту немецкого социолога Вернера Зомбарта, утверждавшего, что кроме борьбы классов, продолжается борьба народов за место под солнцем. Как развивающиеся, так и успешные индустриальные страны столкнулись сейчас с международными противоречиями. Для многонациональной России, кризисы которой всегда сопровождались территориальным распадом и конфликтами на окраинах, проблемы межэтнических коммуникаций всегда являлись значимыми.

Россия имеет многовековой опыт мирного и взаимовыгодного сосуществования разных этносов в одном государстве, который сейчас особенно важен. В современных исторических исследованиях эти сюжеты обращают на себя все больше внимания. Наиболее популярным стало изучение межэтнических отношений в сфере культуры и образования. Не умаляя значимости этой темы, отметим, что проблемы взаимоотношений между народами начинаются с повседневных хозяйственно-бытовых отношений: с дележа земель, угодий, рабочих мест и пр. Для многонациональной Сибири характер межэтнических отношений играет особо важную роль.

Первыми к этой важной теме обратились современники: ученые, путешественники, бытописатели, чиновники, жившие и работавшие в XIX в. в Западной Сибири: М.А. Кастрен, И.С. Поляков, А. Павлов, Ю. Гагемейстер, П. Костров и др. (подробнее речь о них пойдет при анализе источников).

В дореволюционной областнической литературе к проблеме межэтнических отношений коренного и пришлого населения обращались

неоднократно. Поражает точность оценок и взглядов на взаимоотношения аборигенов и русских, высказанных Г.Н. Потаниным¹ в заметках о Западной Сибири: "Говоря о застое народонаселения, обычно обвиняют оспу. Мне кажется, за этой причиной скрывается другая, именно дурное состояние народной экономики". По его мнению, народы в неразвитом социальном состоянии всегда медленно размножались, а при неблагоприятных экономических условиях, разумеется, должны умереть, и все равно, от какой болезни. Однако он не считает их обреченными, но полагает, что одно государство усилиями чиновников и вахтеров хлебомагазинов ситуацию не спасет, а усугубит. Для нормализации жизни аборигенов, по мнению Г.Н. Потанина, необходимо дать свободу русской колонизации, позволить вплотную столкнуться двум культурам, предоставить возможность остякам искать лучшей судьбы, учась у русских, а не оставлять их на милость татар: "Когда народ решается умереть за свою национальность, то это такой подвиг, которого нельзя не желать, но если какая-нибудь внешняя сила заставляет народ жертвовать своим экономическим бытом для спасения своей национальности – в этом поступке нет ничего нравственного". Он считал, что не всегда "младенческие племена" играют страдательную роль в столкновении с цивилизацией, и приводит в пример энергичное развитие казахов. А для исправления ситуации на Севере он предлагал меры, направленные на аккультурацию аборигенов вместе с сохранением их традиционных религиозных мировоззрений.

Масштабны материалы Н.М. Ядринцева². Он, так же как и Г.Н. Потанин, отрицает неизбежность вымирания аборигенов, оценивает их состояние как экономический кризис. Н.М. Ядринцев писал, что нет никаких данных о вымирании целого племени. Одни коренные народы увеличивают свою численность (алтайцы), другие уменьшают (северные народы). Более того, разные части одного и того же племени в разных местах имеют противоположную динамику численности (тоболо-иртышские татары). Рассматривая причины вымирания в конкретных случаях, он приходит к выводу, что нет места, где оно было бы загадочно и необъяснимо. Но в отличие от Г.Н. Потанина, он считал виновным в этом русское население, жившее возле аборигенов, низ-

кие нравственные качества русских, отнимавших уголья у коренных жителей, эксплуатировавших и спаивавших их. Н.М. Ядринцев полагал, что взаимодействие русских и аборигенов привело первых к метисизации, падению культурного уровня, усвоению образа жизни и суеверий коренных жителей, а вторых – к обнищанию, так как условия существования их изменились, а привычки – нет. Он считал, что только распространение более высокой культуры, христианства и гражданственности может изменить положение вещей. Выход он видел в поднятии умственного развития всего населения, указывал на большие успехи татар в этой области – распространение ислама в XVIII в., уже после завоевания Сибири Ермаком. В целом опыт общения аборигенов и русских оценен неоднозначно, и скорее негативно для обоих народов. А предлагаемые им меры по изменению ситуации к лучшему слабо связаны с реальностью. Но в общем нельзя не оценить серьезность собранного Н.М. Ядринцевым материала и проведенного исследования по межэтническим отношениям в Сибири.

Тезис о вымирании инородцев в Сибири в конце XIX в. становится аксиомой, о нем пишут все, кто так или иначе касается нужд коренного населения. Нравственные терзания по этому поводу сменяются хладнокровными утверждениями о неизбежности упомянутого процесса, но в самом утверждении почти никто не сомневается.

Как набат звучат статьи профессора А.И. Якобия³ о бедственном положении аборигенов Тобольского Севера. В своей работе он подсчитал, опираясь на данные церковных приходов, динамику численности хантов и манси за весь XIX в., в результате чего пришел к выводу, что имеет место процесс волнообразного угасания этих племен и это дело рук русских торговцев. На угасание самоедов к тому же повлияли “воровские дела ижемцев”. На волны угасания везде влияют местные факторы: хорошие и плохие уловы рыбы и зверя; эпидемии; дешевая или дорогая мука; высокие или низкие цены на продукты инородческого промысла. Все временные факторы действовали, по его мнению, постоянно, а десятилетия угасания не случайно совпадали с прибылью русских в приходах. Подробно описав быт аборигенов и зависимость их хозяйства от “торгующих крестьян”, он, разумеется, предложил альтер-

нативное попечение их государством: больше хлебомагазинов, церквей; выселение зырян; уменьшение податей, помощь в заведении скота, государственное торговое пароходство – все меры искусственные и дорогие, но искренние и гуманистические.

Обличительным пафосом характеризуется труд С.С. Шашкова “Сибирские инородцы в XIX столетии”: несовершенство налогообложения, ужасы христианизации, притеснения и эксплуатация аборигенов крестьянами и зырянами, злоупотребления чиновников и т.д. В довершение всего он отмечает еще вредные для здоровья занятия инородцев в тяжелых природных условиях (охота, рыболовство), негарантированность доходов от промысла и незащищенность от болезней и природных катаклизмов. В результате он приводит строгие цифры необратимого процесса вымирания и обрусения аборигенов. “Нищета и дикость инородческого быта всегда влекла за собой голод и болезни”, – писал в своем сочинении С.С. Шашков⁴.

Какую-то ясность по этому вопросу, на мой взгляд, вносит статья С. Авесова: “Сибирские инородцы”: “При совершенном отсутствии торговли для населения и самый хищный сырьевой характер промышленности оказывается сносным, как для Сибири до завоевания; с развитием торговли звероловный промысел оказывается уже губительным, но скотоводческий еще может быть терпим; с дальнейшим движением сношений до той бойкости, какую дают им железные дороги, кризис постигает и земледельческое население. Различная комбинация этих условий, по всей вероятности, и производит ту хаотическую картину, о которой мы говорили выше. Итогом общения северных народов с русским стала их специализация на зверовой охоте – регресс. Скотоводы и земледельцы находятся в лучшем положении, но и они тоже “сырьевщики”, их выгоды колеблются вместе с живостью торговых сношений с ними”⁵. На фабричном рынке меньше неожиданностей, так как он более подвержен искусству человека и берет сырье там, где оно дешевле. По сути дела, С. Авесов обосновал причину сокращения численности аборигенов как последствие экономического кризиса в отраслях аграрного хозяйства на фоне начавшейся индустриализации края.

Большими прагматиками оказывались люди, долгое время жившие и работавшие среди коренного населения: В.В. Бартенев, Н.А. Абрамов, А.А. Дунин-Горкавич, А.Ф. Плотников, С.П. Швецов и др.

В.В. Бартнев⁶ видел целесообразность в хозяйстве ненцев и обусловленность их быта и образа жизни природно-климатическими условиями. Он также отмечал целеустремленность и коммерческую хватку зырян, составлявших конкуренцию ненцам-оленеводам и русским торговцам. Однако и он считал, “что дикий народ, которому природа ставит свои пределы развития, неминуемо должен погибать, раз он сталкивается с цивилизацией”. В.В. Бартнев связывал вымирание аборигенов прежде всего с истощенностью их развития, с отсутствием перспектив и прогресса в их жизни.

Н.А. Абрамов⁷ был смотрителем училищ в Тобольской губернии и долгое время жил в Березове. Он был недоволен государственными мерами по обеспечению инородцев и выражал надежду на их лучшее будущее.

Самаровский лесничий А.А. Дунин-Горкавич тоже писал о влиянии русских на “инородцев”⁸. Он полагал, что о нем можно говорить главным образом по отношению к “обским остякам” (хантам), жившим в постоянном соседстве с русскими. Положительной стороной он считал перенимание ими хозяйственного быта крестьян (избы, мебель, самовары и пр.), а отрицательным – пьянство. Соответственно, в спаивании русскими торговцами аборигенов он тоже не видел ничего хорошего, наоборот, один вред для экономического развития края. А.А. Дунин-Горкавич, как и В.В. Бартнев, считал зырян “полезным народом”, который нуждался в землеустройстве и легализации своего положения в регионе, отчего с ними и возникали проблемы. Он также отмечал сокращение коренного населения из-за пьянства и болезней.

Б. Шостакович в своей статье “Промыслы Нарымского края” утверждал, что “все, что составляет здесь промысел, все, что является здесь первой необходимостью для человека, на какой бы степени развития он не стоял, - все это создание инородческого ума”, - признавая, таким образом, приоритет за культурой жизнеобеспечения аборигенов в этом северном регионе⁹.

Об этом же писал Н. Григоровский в своих статьях, не понимая, однако, целесообразности хозяйственной жизни русских старожилов, которые “умственно опустились почти до степени инородца”¹⁰. Он неоднозначно оценивает опыт торговых отношений крестьян и абориге-

нов. С одной стороны, торговцы спасают аборигенов от голодной смерти, с другой – спаивают, эксплуатируют, обманывают. Как и большинство исследователей XIX в., он пророчил коренному населению вымирание или слияние с более высокой культурой.

А.Ф. Плотников об отношениях русских и аборигенов писал следующее: “Цивилизующее влияние русских на инородцев приняло деморализующий характер, так как последние, кроме употребления в пищу хлеба, научились пьянству и разврату – порокам, действующим на них разорительно и растлевающе”¹¹. Русские торговцы закабалили аборигенов, сделав их своими постоянными потребителями, завладели их угодьями, заразили болезнями. Государственные хлебные магазины только усугубляли положение, так как предоставляли товары по более дорогим ценам вследствие больших накладных расходов. От всего этого происходило, по его мнению, вымирание “инородцев”, в доказательство чего он приводил свои подсчеты за XIX в., – они показывали сокращение коренного населения на 57%. Для улучшения дел он предлагал ряд культурных мероприятий, передвижные школы, уменьшение налогов; а также поселить среди них крестьян для приучения к земледелию, “с обязательством не производить с ними никакой торговли на первое время”.

Поземельным отношениям в Нарымском крае посвятил свою статью Г. Жерновков¹². Он писал о том, что большинство земель в крае принадлежит аборигенам, а русское старожильческое население просто вынуждено арендовать необходимые для жизни угодья, спаивая хозяев, или напрямую захватывать земли, что, безусловно, приводило к конфликтам. Кроме прочего, Г. Жерновков отметил, что обрусение уже состоялось и пора насаждать гражданственность.

О межэтнических отношениях русских и казахов в южной Сибири много писали исследователи казачества: Ф. Усов, Г.В. Катанаев, Г.Д. Гребеньщиков, уже упомянутый выше Г.Н. Потанин.

О населении Алтая этнографические и статистические работы опубликовали Н.М. Ядринцев, С.П. Швецов, В.И. Вербицкий, В.В. Радлов и др.

Суждения о причинах вымирания инородцев, об условиях их хозяйствования содержатся в статистико-экономических исследованиях: “Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян

и инородцев Западной Сибири”¹³; “Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства”¹⁴.

С.К. Патканов первым произвел серьезное этнодемографическое исследование населения Сибири в XIX в. В 1910 г. вышла его книга о динамике численности инородческого населения в Сибири¹⁵. В ней приведены все имевшиеся достоверные сведения по коренным народам Сибири, основанные на данных ревизий и первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Динамика численности аборигенов давалась им отдельно по округам и по народам, разделенным на языковые семьи. В результате им были сделаны выводы о том, что ханты в XIX в. уменьшились в числе в четырех округах, а в одном – немного увеличились; кочевые манси вымирали, а оседлые имели положительный прирост. Тюрки Западной Сибири в XIX в. имели ежегодный естественный прирост 8–10 %, за исключением барабинцев и ясколбинцев, численность которых сократилась. Он также отметил заметное уменьшение числа казахов в сибирских губерниях, но уточнил, что они не вымирали, а откочевывали на другие территории.

В книге С.К. Патканов анализирует статистические данные и приходит к выводу, что “при улучшении санитарных и экономических условий Сибири и при вполне возможном устранении, или по крайней мере, ослаблении голодовок и эпидемий инородческое население далекого Севера и востока Сибири... перестанет вымирать и будет давать стране полезных граждан”¹⁶. Он полагал, что, несомненно, благоприятное влияние окажет на них все возрастающее сближение с русскими и приобщение их к русской культуре, особенно если на начальном этапе оградить их от оборотной стороны этого сближения (пьянство, болезни).

С.К. Патканов дал негативную оценку сложившейся на Севере экономической ситуации, когда аборигены, являясь хозяевами богатых рыбных промыслов, живут практически в нищете, будучи “не в состоянии выдержать борьбу за существование со своими лучше вооруженными и богаче одаренными соседями”. И высказал соображение, что все это окончится либо полным вымиранием, либо смешением с русскими.

Он провел специальную обработку данных переписи 1897 г.: сличил собранные сведения по родному языку и вероисповеданиям и вычислил

максимально точно племенной состав Сибири. Он собрал данные отдельно по городам и селам, как в переписи, и составил погубернские и поуездные таблицы. Далее С.К. Патканов разделил население региона по времени своего появления в стране и по месту происхождения на две категории: пришлое и коренное, причем рубежом стало появление здесь русских в конце XVI в. Затем он описал расселение, занятия и вероисповедания каждой группы. Особенно много внимания С.К. Патканов уделил коренному населению. Он составил подробные таблицы по округам, в которых можно узнать, какие народы и в каком количестве, на каком языке говорят. Проанализировав эти данные, он пришел к выводу, что мелкие коренные этносы легко усваивают язык своих более сильных соседей, но даже при прочих равных условиях некоторые народы, например финны и тунгусы, легче расстаются со своим прежним языком, чем другие.

Важнейшим фактором он считал “высоту культуры”: “...чем ниже племя по своему культурному развитию, тем легче оно попадает под влияние соседей...”. Таким образом, бродячие племена в конце XIX в. усваивали культуру и языки соседей, в Западной Сибири – русских, в восточной – якутов, русских и бурят. Он считал, что религия отражает определенный уровень развития культуры. В его понятие культуры входила прежде всего материальная культура: образ жизни и занятия населения. “Как правило, результатом культурного взаимодействия является переход инородцев к более культурной жизни, но лишь там, где она вообще возможна и при существующих условиях в частности. В лесостепных полосах средней и южной Сибири, где земледелие сторицей вознаграждает труд пахаря, местные инородцы под влиянием культурного воздействия со стороны русских начинают переходить к оседлому образу жизни с главным занятием хлебопашества... Но по всей северной, лесисто-тундровой полосе Сибири культурная жизнь невозможна и там русская культура понизилась и приблизилась к инородческой”¹⁷.

По его мнению, все три основные религии: христианская, мусульманская и буддийская – равносильны и способствуют ассимиляции и закреплению определенной культуры и языка. Кроме прочих факторов, на скорость ассимиляции оказывают влияние численность народов и характер расселения. Малой численностью и диффузным расселением

он объяснял исчезновение коттов, аринов, ассанов, камасинцев. Это, безусловно, так, по сути дела, он описывал аккультурацию, которая легко меняет свои направления и не всегда приводит к ассимиляции, иначе сейчас в Сибири жило бы всего 4–5 народов. И вообще, до полного исчезновения этноса трудно говорить, сумеет ли он пережить трансформацию и увеличить численность или же растворится в другом.

Массу сведений о взаимоотношениях народов в Тобольской губернии содержит исследование чиновника особых поручений при переселенческом управлении И.А. Андронникова “Материалы по землепользованию и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии”¹⁸. Он исследовал округа, населенные тобольскими татарами и бухарцами: Тобольский, Тюменский, Тарский и северную часть Ялуторовского округа. В книге собрана исчерпывающая информация о поземельном законодательстве Российской империи в отношении татар и крестьян, история поземельных отношений татар, бухарцев и переселенцев из Европейской России и современное положение дел по этому вопросу. Подробно по волостям им даются выкладки по составу населения, по наличию у них земли и ее качеству (в абсолютных цифрах и в процентах). В книге описана история появления и расселения отдельных этнических групп населения, их правовое положение, подати и реальное владение землей. И.А. Андронников собрал много фактического материала по поземельным конфликтам всех упомянутых народов за XVIII–XIX вв., и его вполне можно использовать в качестве источника.

В начале XX в. внимание публицистов привлекла еврейская диаспора в Сибири. О них писали Т.И. Тихонов, Ю. Островский¹⁹. В статье Т.И. Тихонова рассматриваются история законодательства о евреях в Сибири, а Ю. Островский посвятил сибирским евреям книгу, в которой постарался осветить все их проблемы в регионе. Оба автора отметили отличие сибирских евреев от “российских”. Ю. Островский описал добрососедские отношения русских и евреев в Сибири.

Таким образом, межэтнические отношения в Западной Сибири до революции 1917 г. попутно с другими вопросами освещались в работах публицистов, бытописателей, чиновников, путешественников, этног-

рафов. Специальных исторических трудов по теме не было. Дореволюционные исследователи отметили сложность взаимоотношений пришлого (в основном русского) населения с коренными народами, различные последствия этих контактов: ассимиляцию, аккультурацию, вымирание, взаимообогащение культур и способов хозяйствования.

Историографию после 1917 г. по данному вопросу можно условно разделить на следующие периоды: ранняя советская историография 1920–1930-х гг.; советская историография 1950–1960-х гг.; поздняя советская историография 1970–1980-х гг.; с 1991 г. – постсоветская историография.

Отличительной чертой литературы 1920–1930-х гг. является то, что на волне революционного оптимизма она хоронит тезис о вымирании аборигенов, а в остальном нередко придерживается дореволюционных традиций.

По результатам экспедиций 1910–1913 гг. вышли статистические исследования Н.Я. Нагнибеды²⁰. В его работах собраны все сведения о населении Томской губернии на начало XX в.: описано административное деление, указана численность аборигенов и переселенцев по языковым семьям. Население разделено на старожилов, новоселов и туземцев, и затем все остальные данные даются уже по этим трем группам (это деление становится в данный период традиционным). Автор представил подробные статистические сведения по переселенческим поселкам, по Нарымскому и Причулымскому краям. В его экономических таблицах можно найти все данные об основных занятиях населения, о промыслах как по отдельным районам, так и по каждому краю в целом. А в книге о Причулымском крае приведены сведения по районам о соотношении русского и аборигенного населения и о степени обрусения последнего.

В 1928 г. вышло исследование Е.Н. Орловой “Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт”²¹. В нем население также делится на три основные группы: туземцы, переселенцы и старожилы. В книге приводятся данные о количестве и составе населения во всех населенных пунктах по Кети и Тыму, а также подробно описываются занятия русских и селькупов, отмечается их взаимозависимость. Отдельно рассказывается о хозяйственной жизни нарымских эвенков.

В 1929 г. вышел сборник статей “Советский Север”, в который вошли статьи о составе населения Сибири, об охоте, оленеводстве, об административных реформах, предоставлении медицинской помощи и пр. В числе прочих С.В. Бахрушиным была написана статья: “Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г.”²² Он подробно описал эволюцию отношений русских и аборигенов начиная с XII в. и заканчивая современностью. С.В. Бахрушин отметил, что коренное население Западной Сибири уже давно знакомо с русскими, вместе с ними участвовало в освоении новых земель в XIV–XVII вв. Он также отметил приоритет купцов и других торговцев перед государством в деле эксплуатации ресурсов региона и “облапошивании” аборигенов: “Эта конкуренция частного капитала ставила в весьма затруднительное положение казну, которая из фискальных соображений боялась и лишиться охотничьей добычи, и потерять выгоды от развития торгов и промыслов”. Далее С.В. Бахрушин указал на тот факт, что в основе охранительной политики правительства лежал чисто фискальный интерес, как и в основе отношений русских промышленников и торговцев с коренным населением края. Именно поэтому правительство не смогло быть последовательным в деле охранения северных народов и в начале XX в. изменило свою позицию на прямо противоположную, так как большие финансовые выгоды стали представлять уже сибирские крестьяне. С.В. Бахрушин писал, что “по вопросу об охране туземцев от торговой эксплуатации русскими власть оказалась бессильной” и вынуждена была “частью сознательно отступить от системы покровительства туземцам, частью не смогла бороться за их интересы, не нарушая тем более близких ему интересов русских колонистов и торговцев”.

В книге Л.Н. Шнейдер и А.Р. Добровой-Ядринцевой “Население Сибирского края (русские и туземцы)” значительное место занимают межэтнические отношения в Сибири²³. В ней указывались приближительная численность народов края и административные районы их расселения. Зауральский регион авторы поделили на три природно-хозяйственные зоны: северную (промысловую); среднюю (земледельческую); южную (скотоводческую). В каждой зоне, описывая хозяйственный быт коренного населения, авторы анализировали влияние на него

связей с пришлыми народами, констатировали расширение потребностей аборигенов. Они также исследовали процессы приспособления русских к местным условиям и смешения их с местными жителями. В частности, авторы отмечали, что на Севере русские тоже вели промысловые хозяйства и от аборигенного оно отличалось “сравнительной усложненностью”. “Не отказываясь вполне от привычных отраслей сельского хозяйства, хотя бы в форме чахлого огорода да пары лошадей с телушкой, русский поселенец в покос урывает время высмотреть “завод” или съездить на неводьбу, а в пору белкования успевает, в обиду “азиатцу”, опромыслить и наволоку и каменную сторону реки”.

В земледельческой зоне они отмечали присутствие пришлого населения (на 80 %) и коренного - тюрков. Описывая принятие аборигенами быта русских, авторы говорили о смешении и ассимиляции части татар – кузнецких, барабинских, бийских, чулымских. Они также упомянули об исключительном явлении по энергии и культурному развитию – немецких и прибалтийских поселках.

В южной зоне авторы описывали процесс оседания кочевников (алтайцев, казахов и др.) и стеснение их в землепользовании. В частности, отметили, что алтайцы легче поддаются обрусению, чем казахи. И в конце книги они оптимистично добавили: “Ряд специальных исследований с совершенной очевидностью показал, что подавляющее большинство туземных народностей Сибирского края жизнеспособны и по своей жизнеспособности не уступают смешанно с ним живущему русскому населению”. Они, разумеется, подчеркнули тот факт, что аборигены выжили, несмотря на 3 века жестокой эксплуатации, и что теперь революция 1917 г. открыла им свободу к национальному самоопределению.

В литературе 1920–1930-х гг. широко используются дореволюционные наработки. Сами работы отличаются свободой мысли, живым интересом к народам Сибири и к проблеме их отношений в частности. В этот период высказывается много свежих идей и поднимаются вопросы, которые до сих пор не получили должного исследования.

Далее в литературе по теме образуется перерыв, вызванный напряженной политической ситуацией в стране и Второй мировой войной.

В 1950-х гг. снова появляются исследования по истории Сибири, в том числе по истории населяющих ее народов. Характерной чертой литературы 1950–1960-х гг. является ее сильная идеологизация, веду-

шая иногда к искажению действительности. Непременным атрибутом в описании межэтнических отношений стал тезис о дружбе угнетенных масс и их совместной борьбе против самодержавия и эксплуататоров. Второй аксиомой стало утверждение о прогрессивном значении русской колонизации края, прогрессивность которого ограничивал колониальный режим. Но, оставляя в стороне упомянутые утверждения, нельзя не отметить, что эти работы содержали ценные сведения и выводы по истории и этнографии народов Сибири: о казахах писали Е.Б. Бекмаханов и Н.В. Алексеенко²⁴, о народах Севера – Л.В. Хомич, М.А. Сергеев и др.²⁵; об алтайцах – Л.Н. Потапов²⁶. Об узбеках в Сибири писали Х.З. Зияев²⁷, Ф.Т.-А. Валеев; о западных переселенцах – Л.В. Малиновский²⁸. Н.П. Митина²⁹ изучала быт и деятельность польских революционеров в западносибирской ссылке, особенно в 1860-е гг. В книге В.В. Покишишевского³⁰ “Заселение Сибири” подробно рассмотрены губернии выхода населения по хронологическим периодам и районы заселения. Вместе с тем складывается впечатление, что в книге речь идет об одном этносе, живущем в разных географических поясах. В коллективном пятитомном труде по истории Сибири³¹ даются подробные этнографические очерки о народах Сибири. Однако они даны отдельно от истории русской Сибири, поэтому проблема взаимоотношений народов в многотомном труде даже не поставлена.

В целом литература 1950–1960-х гг. затрагивает небольшое число этносов и, как правило, содержит самые общие сведения о них. Процесс извлечения позитивной информации из нее затрудняется идеологической перегруженностью.

Однако никакая идеология не в состоянии совершенно испортить серьезное исследование. В 1970–1980-е гг. выходили весьма содержательные работы по истории и этнографии народов Сибири, которые не были посвящены межэтническим отношениям специально, но так или иначе рассматривали их. Особенно много внимания межэтническим контактам уделила в своей работе “Происхождение и история селькупов” Г.Н. Пелих³². Об истории ненцев и энцев писал Б.О. Долгих, о хантах – В.Н. Кулемзин и Н.В. Лукина, об эвенках – В.А. Туголуков, о чулымских тюрках – Э.Л. Львова³³. По истории татар и бухарцев Западной Сибири вышли книги Ф.Т.-А. Валеева, Н.А. Томилова³⁴. В работе Н.А. Томилова “Очерки этнографии Томского Приобья” содер-

жаты сведения о межэтнических отношениях русских и томских татар в XIX в. О происхождении, истории и контактах алтайцев писал Т.А. Сатлаев³⁵. Появились работы по истории диаспор на территории Западной Сибири: о сибирских казахах писала О.М. Проваторова³⁶, об эстонцах – В.А. Маамяги³⁷, о поляках – Л.П. Рощевская, Л.К. Островский³⁸. Э.Ш. Хазиахметов³⁹ рассмотрел национальный состав политической ссылки в начале XX в. Исследования по национальной политике российского государства в Сибири велись Л.М. Дамешеком⁴⁰, по административному устройству и управлению “инородцами” – Н.А. Миненко⁴¹, по юридическим обычаям и традициям коренного населения Сибири – В.А. Зибаревым, В.Г. Марченко⁴² и т.д.

Попутно затрагивали вопросы межэтнических отношений исследователи, занимавшиеся экономической историей Сибири: Г.Х. Рабинович, В.П. Зиновьев, Т.С. Мамсик⁴³. Идет теоретическое осмысление проблемы Ю.В. Попковым и В.В. Мархининым⁴⁴. Причем в работе Ю.В. Попкова “Процесс интернационализации у народностей Севера” в гл. 4 идет речь о торговом обмене между разными народами в досоветский период. Автор отмечает взаимное влияние коренного и русского населения. Аборигены специализировались на охоте и рыболовстве для получения продукта, необходимого для торгового обмена с русскими. Старожильческие группы русских перенимали у аборигенов элементы культуры; образ жизни и пр. Появление под русским влиянием земледелия и животноводства у северных народов способствовало большей стабилизации хозяйства, прекращению голодовок и снижению смертности. Автор отмечает также, что отношения между народами не были антагонистическими, что, безусловно, так. Правда, спорным представляется утверждение, что отрицательная сторона колонизации состояла в том, что русская культура разрушила первобытное равенство.

В целом необходимо отметить, что литература 1970–1980-х гг. по истории народов Сибири значительно расширила круг изучаемых вопросов и глубину исследований по теме, были введены в научный оборот новые фактические данные и использованы работы дореволюционных авторов.

Литература постсоветского периода отличается широтой тематического охвата и разнообразием излагаемых концепций. К современным статистическим исследованиям относятся работы В.М. Кабузана⁴⁵. В них приводятся подсчеты роста населения Западной Сибири, дается статистика переселенческого движения, указываются преобладающие народы и их процентное соотношение. Также В.М. Кабузан произвел вычисление естественного прироста и других демографических показателей для региона в период с XVII по XX в., которые используются в работе.

Вышли различные сборники статей, как правило, по итогам региональных конференций по этнологии. Вот некоторые из них: "Этнические факторы в жизни общества" (М., 1991); "Северная Сосьва. Исторические и современные проблемы коренного населения" (Шадринск, 1992); "Косум-ех" (Шадринск, 1993); "Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе" (Тобольск, 1995); "Народы Сибири и сопредельных территорий" (Томск, 1995); "Полиэтнические сообщества Алтая. Итоги и перспективы" (Новосибирск, 1997); "Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности" (Томск, 1998); "Региональные процессы в Сибири в контексте Российской и мировой истории" (Барнаул, 1998); "Этнография Алтая и сопредельных территорий" (Барнаул, 1998); "Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи" (Томск, 2000). В основном в них проводился анализ современного положения местного населения, а также делались исторические экскурсии в прошлое взаимоотношений коренных и пришлых народов края. Были изданы сборники документов по истории коренных народов региона: "Судьбы народов Обь-Иртышского Севера" (Тюмень, 1994); "Ямал – знакомый и неизвестный" (Тюмень, 1995).

В 1993 г. издается книга советского историка А.Г. Данилина⁴⁶, написанная в 1930-е гг. XX в., – "Бурханизм". Опубликовать ее в свое время помешали идеологические разногласия и Великая Отечественная война. В своей работе он оценил бурханизм как национально-освободительное движение алтайцев, принявшее религиозную форму, чем

оно и являлось. О современных межэтнических отношениях на Севере вышли социологические работы В.В. Мархинина и И.В. Удаловой⁴⁷.

Также в 1990-х гг. проводятся исследования диаспор пришлого населения в Западной Сибири. О русских старожилах написала монографию П.Е. Бардина⁴⁸, о балтийской диаспоре - И.В. Лоткин и М.И. Колоткин⁴⁹ о чувашских переселенцах – Д.Г. Коровушкин⁵⁰, о немцах – П.П. Вибе, И.В. Нам⁵¹, о евреях – Ю.М. Мучник, М.Н. Савиных и др.⁵², а в 2000 г. вышел сборник об истории белорусов в Сибири, хроника общественной и культурной жизни в Томской губернии, отражающая жизнь национальных меньшинств⁵³.

В последнее время появляется особенно много работ по этнической истории тюркских народов Сибири. О поземельных отношениях кочевых алтайцев и русских подготовила монографию В.Я. Кыдыева, о бачатских телеутах – Д.А. Функ, о барабинских татарах – А.Г. Селезнев, об истории сибирских казахов – А. Феоктистов⁵⁴. В работе Л.И. Шерстовой⁵⁵ “Этнополитическая история тюрков южной Сибири в XVI–XIX веках” история тюркских этносов рассмотрена во всем комплексе межэтнических отношений в регионе.

Взаимоотношения русских торгово-промышленных людей и коренного населения Сибири, этнический состав сибирской буржуазии рассматриваются в трудах В.П. Бойко, В.Н. Разгона, Т.К. Щегловой и др.⁵⁶

Итак, вопросы взаимодействия народов Сибири привлекают все большее внимание исследователей в силу своей актуальности. Научная значимость этих трудов заключается в том, что вместе они позволяют увидеть в целом картину взаимоотношений народов в хозяйственной сфере на территории Западной Сибири в XIX – начале XX в. Вместе с тем специальных работ, даже статейного характера, в которых бы внимание исследователей концентрировалось на межнациональных отношениях, так и не появилось. По этой причине и оправданно настоящее исследование.

Хронологические рамки исследования охватывают начало индустриального развития края и значительные изменения в этническом составе населения. Одна граница – начало XIX в. – не имеет точной даты, так как важно было только охватить средневековую Сибирь, а другая граница – 1917 г. - обусловлена революционными событиями в стране, которые привели к изменению всего комплекса культурно-хозяйственных связей в регионе.

Территориальные рамки исследования очерчены современными границами Западной Сибири, которая географически расположена на Западно-Сибирской низменности. В исследуемый период в нее входили Тобольская и Томская губернии и Омский уезд Акмолинской области. Данные рамки обусловлены спецификой колонизации края в XIX в. Основная масса новопоселенцев обосновывалась сначала в Западной Сибири, а на восток переселялось уже адаптированное население. Важность выделения Западной Сибири основана на том, что она являлась буферной зоной в отношениях Европейской России и колонизируемой Средней Азии.

В наиболее целостном виде концепция исторического процесса, принятая автором, представлена теорией постиндустриализма⁵⁷. Данная теория, сложившаяся в полемике с марксизмом, является его логическим преемником. Она делит процесс исторического развития по доминирующим в обществе отношениям на три стадии: доиндустриальную (аграрные, или традиционные общества), индустриальную и постиндустриальную (информационную). Это делает теорию удобной для исследования самых разных обществ и государств. Настоящее исследование охватывает период начала индустриального развития Западной Сибири на фоне господствовавших в обществе аграрных отношений.

В работе также использован историко-этнологический метод С.В. Лурье - метод эмпатии, погружения в логику представлений других людей, в данном случае людей той или иной культуры жизнеобеспечения в конкретной исторической эпохе⁵⁸.

Источники, использованные в работе, можно разделить на следующие группы: 1) законы и акты материалы; 2) статистические и справочные издания; 3) периодическая печать; 4) свидетельства современников; 5) делопроизводственная документация.

1. К законодательным источникам относятся: Устав об инородцах 1822 г. (далее Устав 1822 г.); Полное собрание законов Российской Империи (2-е собрание) и Положение об инородцах 1891 г. Они дают представление о правовом поле, в котором развивались межэтнические отношения в XIX – начале XX в. в Сибири.

Обращение генерал-губернатора П.М. Капцевича к тарским татарам освещает события 1825 г., связанные с переводом их в разряд

оседлых инородцев по Уставу 1822 г. Документ отражает позиции обеих сторон и содержит доклад чиновника особых поручений Д.Н. Бантыш-Каменского, изучавшего ситуацию на месте. Он сопоставил реальные и возможные доходы татар, привел факты и сделал выводы об их настоящем положении.

Дело о погроме в Томске в 1905 г. представляет собой отчет окружного суда. Оно содержит хронику упомянутого погрома по часам, с указанием имен и фамилий участников, а также материалы слушания по всем обвиняемым. Максимально полно представлены факты о еврейских погромах и антипольской пропаганде.

2. Статистические данные содержатся в различных по форме и происхождению источниках. В первую очередь это данные Министерства внутренних дел Российской империи: списки населенных мест по сведениям 1859 г. в Томской губернии и списки населенных мест по сведениям 1868 – 1869 гг. в Тобольской губернии. Помимо прочих сведений о губернии, в каждом томе есть этнографический статистический очерк, где приведены описания всех народов, живших в это время в губернии. Там же содержатся подсчеты населения по вероисповеданиям и сословиям.

Статистические данные более широкого спектра можно получить из Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В работе использованы 3 тома: Т. 78 – Тобольская губерния; Т. 79 – Томская губерния; Т. 81 – Акмолинская область. Необходимые данные в них дают следующие таблицы: XI “Распределение иностранных поданных по государствам”; XII “Распределение население по вероисповеданиям”; XIII “Распределение населения по родному языку”; XIV “Распределение населения по вероисповеданию и родному языку”; XXII “Распределение населения по основным занятиям и по народностям на основании родного языка”. Сведения содержатся по губернии в целом и по каждому уезду отдельно, что позволило составить таблицы по межэтническому разделению труда в 1897 г. (табл. XXII). К недостаткам этого источника следует отнести тот факт, что данные по вероисповеданию и языку не точно отражали этнический состав населения.

Ценными источниками являются издания статистических комитетов – обзоры Томской и Тобольской губерний, Акмолинской области.

В них приводятся сведения о численности населения по вероисповеданиям и сословиям. Это дает возможность выделить коренное население, относящееся к сословию инородцев, и определить примерную численность этнических групп, имеющих четкую конфессиональную принадлежность: католики (в основном поляки); протестанты (немцы и выходцы из Прибалтики); иудеи (евреи); магометане (татары, бухарцы, казахи); язычники (северные народы и алтайцы). Однако необходимо учитывать неточность этих сведений.

В работе также использованы данные из статистического сборника переселенческого управления "Азиатская Россия" о динамике численности коренного и пришлого населения Сибири в исследуемый период.

Памятные книжки Тобольской и Томской губерний и Акмолинской области также содержат статистические данные, подробные описания народов, их населяющих: нравы и обычаи, образ жизни.

При составлении таблицы о динамике коренного населения Западной Сибири для сравнения были использованы данные Всесоюзной переписи населения 1937 г. Используемые сведения находятся в табл. 14 "Национальный состав населения СССР по республикам, краям и областям". Административное деление 1897 и 1937 гг. существенно различаются. В 1937 г. административных единиц было больше, поэтому некоторые из них при подсчетах были сгруппированы под губернии и области 1897 г. Тобольской губернии соответствовала Омская область; Томской – Новосибирская область и Алтайский край. Омский уезд в 1840 г. входил в состав Тобольской губернии, так же как и в 1937 г. в состав Омской области. А данные 1897 г. по Омскому уезду прибавлены к данным по Тобольской губернии. Однако точного совпадения границ добиться невозможно и приходится признать эти данные относительными.

Статистические сведения за 1840 г. взяты из делопроизводственной документации Главного управления Западной Сибири⁵⁹. Это отчеты губернаторов, содержащие сведения о народонаселении, о состоянии земледелия у кочующих инородцев, о состоянии городов и многое другое.

Точно так же сведения за 1860 г. взяты из отчета генерал-губернатора Западной Сибири Второму Сибирскому комитету⁶⁰. Отчеты гене-

рал-губернаторов содержат более подробное сословное деление: например, дворовые люди делились на русских и калмыков; оседлые инородцы - на земледельцев и торговых (бухарцев); кочевые и бродячие инородцы - на христиан и иноверцев (в южных округах Тобольской губернии это казахи; в Березовском округе – северные народы). Существенно дополняют эти сведения таблицы по вероисповеданиям.

Статистические сведения о численности казахов и об их отношениях с пришлым населением содержатся в отчете Главного управления Западной Сибири за 1836 г. по Омской области⁶¹; в переписи 1897 г. (Т. 81); в Памятной книжке Семипалатинской области за 1902 г. В отчете и Памятной книжке имеются сведения о казахах во внешних и внутренних округах, в различных районах южной Сибири и об их состоянии – кочевом или оседлом.

В работе также использовались статистические исследования авторов XIX–XX вв. Например, при составлении табл. 2 о численности этнических групп населения в 1897 г. привлечены данные сводной таблицы С.К. Патканова, выполненной на основе специального анализа материалов переписи 1897 г. с целью установления этнического состава Сибири. Его исследование дает исчерпывающую информацию по этому вопросу.

Статистические и экономические сведения о бытовых и хозяйственных отношениях русских и аборигенов содержатся в “Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири”. Необходимая информация находится в главах: “Население”, “Земледелие”, “Скотоводство”, “Промыслы и ремесла”, “Торговля”. В работе использованы данные выпусков: 1, 2, и 4 – по Тюменскому округу Тобольской губернии; 3, 5 – по Ишимскому округу; 6 – по Тюкалинскому округу; 7 – по Мариинскому округу; 8 – по Курганскому округу; 9, 11 и 13 – по Туринскому округу; 10, 12, 19 и 22 – по Тобольскому округу, вып. 14 – по восточной части Томского округа и Северо-западной части Мариинского округа Томской губернии; 17 – по северо-западному участку Каинского округа. Из них 1, 10, 12, 19 и 22-й выпуски написаны С.К. Паткановым. Автором 9, 11, 13 и 14-го выпусков был А.А. Кауфман; автором 4 и 7-го – П.И. Соколов; 2-го – С.С. Пчелин; 8-го – Н.О. Осипов; 17-го – Е.С. Филлимонов. Характерно, что только С.К. Патканов, А.А. Кауфман и

Е.С. Филимонов разделили население на этнические группы и дали статистические сведения отдельно по группам. Они также оставили описания быта, хозяйства и взаимоотношений коренного и пришлого населения. Хозяйственные исследования других авторов не всегда даже содержали сословное деление населения. Напротив, «Материалы...» С.К. Патканова изложены в контексте межэтнических отношений. Особенно подробные данные приводятся в выпусках, посвященных северу Тобольского округа. А в главе «Торговля» специально выделена и описана кредитная система, имевшая место быть в промысловых отраслях хозяйства между русским и автохтонным населением Севера, которая подробно изложена в тексте.

К таким же работам относятся «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе» под редакцией С.П. Швецова и П.М. Юхнева. В них так же подробно описано административное и территориальное устройство округа; племенной и сословный состав; грамотность и занятость населения; экономическое положение дел и поземельные отношения. Достаточно достоверные «Материалы...» имеют другой недостаток – не всегда названия народов XIX в. совпадают с современными.

В качестве статистических источников также используются работы Н.Я. Нагибеды, в частности данные книги «Нарымский край» – для составления таблиц.

Важным статистическим источником является «Объяснительная записка к этнографической карте Сибири»⁶². В ней собраны данные всех переписей до 1929 г.: 1897 г., 1920 г., 1926 г. и других источников. По всем народам Сибири, как пришлым, так и коренным, описано расселение, указана численность и процентное соотношение в округах, с упоминанием их религий, основных занятий и языков.

Совокупный статистический и справочный материал по динамике численности коренного населения Западной Сибири содержит этнографический альманах «Народы Сибири и Севера России в XIX веке»⁶³. Группа специалистов собрала воедино все накопленные сведения о численности, расселении, родовом составе, ведении хозяйства и других аспектах жизни аборигенов в XIX в.

Вспомогательные статистические сведения по численности этнического состава населения региона предоставляет коллективная работа

новосибирских ученых “Население Западной Сибири в XX веке”⁶⁴. В главе “Национальный состав” есть данные об этническом составе региона в начале XX в.; в 1939 г. и отдельные сведения о росте численности алтайцев, северных народов и других в XX в., вплоть до 1989 г.

В качестве справочного материала в работе использовались сведения из “Сибирского торгово-промышленного календаря” (СПб., 1896)⁶⁵. В нем можно найти перечни купцов всех гильдий в городах Сибири с указанием рода их деятельности. Полные сведения о торговых и промышленных предприятиях в городе Томске в 1900 г. можно узнать также из материалов Томской губернской казенной палаты⁶⁶.

Также справочный материал предоставила Сибирская советская энциклопедия⁶⁷. В ней можно найти необходимые сведения о народах, населяющих край.

3. Периодическая печать в работе представлена центральными и местными газетами и журналами. Для подбора необходимых изданий были использованы библиографический справочник В.И. Межова; журналы “Сибирские вопросы”, “Ежегодник Тобольского губернского музея”, “Записки Западносибирского отдела Императорского Российского географического общества”, “Алтайский сборник”, «Томские епархиальные ведомости», газеты “Восточное обозрение”, “Томские губернские ведомости”, “Сибирь”, “Сибирская жизнь”. В них публиковались аналитические статьи и заметки Н.М. Ядринцева, А.И. Якобия, С. Авесова, Н.П. Григоровского, Г.И. Жерновкова и др. Также представляют интерес информация с мест, уголовная хроника, хроника происшествий, которые сообщают о положении аборигенов края, об их отношениях с пришлым населением. Наибольшее внимание публицистов привлекала защита прав коренного населения – северных народов, алтайцев. Отдельным сюжетом являлись отношения с казаками: баранта, столкновения на границе.

4. К свидетельствам современников относятся записки, дневники, рассказы и исследования ученых, путешественников, бытописателей, чиновников, живших и работавших в XIX в. в Западной Сибири. Одним из них был М.А. Кастрен. Он оставил подробное ироничное описание своего путешествия в 1845–1849 гг., содержащее оригинальные лингвистические изыскания и этнографические сведения о хантах, селькупях и других северных народах. Кроме прочего, М.А. Кастрен

отмечал влияние русского населения на хантов, живших по Оби и занимавшихся рыболовством: “Русское влияние всюду: в религии, в нравах, обычаях и в чувствовании, и в мышлении...”⁶⁸. Он также писал о зависимости хантов-рыбаков от “проходимцев”, нанимавших их на работы в артели и арендовавших их “пески” за ничтожные суммы. Причиной тому М.А. Кастреи называл лень и бедность аборигенов. “Вообще трудно сказать, чем эти люди занимаются серьезно и ревностно, за исключением еды, спанья и пьянства, в чем их превзойдут разве одни самоеды...” – писал он о хантах.

И.С. Поляков⁶⁹ оставил “Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби”, в которых привел многочисленные примеры хозяйственных взаимоотношений аборигенов и русских в рыболовстве. Он собрал множество сведений об аренде угодий, артелях, ценах на рыбу и на хлеб, об отношениях хантов с рыбопромышленниками. Говоря об отрицательных сторонах этого общения, Поляков выступал не как обличитель, а как ученый. Он полагал, что расточительность и недальновидность аборигенов сформировалась еще до прихода русских, когда они охотились и рыбачили всякий раз, когда это было им нужно для пропитания. Несмотря на то, что обстоятельства жизни аборигенов изменились, сами они остались прежними, от чего и обеднели. О характере местных русских он писал следующее: “Окраины разных областей всегда привлекают к себе людей, по преимуществу жаждущих наживы...”. Кроме того, И.С. Поляков оставил подробное исследование об отношении аборигенов к спиртному и о злоупотреблении русских этой их страстью.

Путешественник А. Павлов также проехал в XIX в. по рекам Западной Сибири и оставил подробное описание своего вояжа. В его работе содержится много данных о движении населения Березовского, Сургутского и Нарымского краев; о хозяйстве, о ценах, о состоянии культурных учреждений⁷⁰.

Ю. Гагемейстер составил статистическое обозрение Сибири в 1854 г. в котором, имеются сведения о динамике численности, расселении, занятиях коренных народов и пришлого населения в первой половине XIX в.⁷¹

Массу разнообразных сведений содержат статистические и историко-этнографические сочинения князя Н. Кострова⁷². В его работах о

коренном населении Западной Сибири собраны сведения об их происхождении, религии, занятиях, быте и контактах с пришлым населением. Последних он делил на старожилов – “натуральных” и переселенцев – “ненатуральных”. В частности, Н. Костров отмечал зависимость коренного населения от старожилов, предсказывал барабинцам скорую ассимиляцию с русскими. Он полагал, что нарымские аборигены могли бы жить безбедно за счет промыслов, но чем больше добыча, тем больше “возбуждаются в них страсти, из которых... особенно пагубно для них пьянство...”.

Н.М. Ядринцев собрал массу фактического материала по межэтническим контактам в регионе, об этом подробнее написано в историографической части. Так, он провел подробный анализ хода переселения на Алтай и выявил особенности кочевого быта алтайцев по сравнению с казахами и пр.

В.В. Бартенева, сосланный в Обдорск в конце XIX в., оставил свои заметки: “На крайнем северо-западе. Очерки Обдорского края (СПб., 1896). В его книге содержатся сведения об истории торговых отношений аборигенов и русских, описание бунта Ваули Пиеттомина, а также есть информация о зырянах и об их контактах с ненцами и русскими.

Книга Н.А. Абрамова дает представление об успехах культурно-образовательной деятельности на Севере, описание местных исторических событий и хозяйственных связей населения.

Основной труд А.А. Дунина-Горкавича – это его двухтомное сочинение “Тобольский Север”. Это серьезное исследование, описывающее все стороны культурной и хозяйственной жизни как коренного, так и пришлого населения, их численность, расселение, занятия и взаимоотношения по всему Тобольскому Северу на основе личных наблюдений автора.

Подробное историко-статистическое описание Нарымского края представил в 1901 г. А.Ф. Плотников, становой пристав, проживший в Нарымском крае 4 года. Работа содержит исчерпывающие сведения по истории, географии, демографии, этнографии и экономике района, а также очерки о состоянии управления, культуры и здравоохранения.

В “Статистическом описании сибирского казачьего войска, составленном войсковым старшиной Ф. Усовым”⁷³ содержится много исторических и статистических сведений о закреплении казаков на южных границах Западной Сибири. Подробно описана каждая из трех казачь-

их линий, ее население, хозяйственный быт, доходы и особенности отношений между русскими и казаками на каждой из них: торговля, поземельные отношения, конфессиональный состав.

Г.Н. Потанин (в очерке "Сибирские казаки") и Г.В. Катанаев⁷⁴ (в работе "Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке") большое внимание уделили хозяйственным взаимоотношениям казаков и казахов. Они отмечали глубокое проникновение быта, языка и обычаев казахов в культуру казаков. Более того, они отмечали факт зависимости хозяйства прииртышских казаков от работников казахов. Изучая кочевое хозяйство казахов, Г.В. Катанаев пришел к выводу, что подобная система возможна только на больших площадях, а при их ограничении неизбежно приводит к оседанию последних.

В трудах путешественника В. Радлова⁷⁵ содержатся этнографические и статистические сведения об алтайских народах и описание хозяйственно-бытовых отношений аборигенов с русскими.

В книге В.И. Вербницкого⁷⁶ "Алтайские инородцы" наряду с лингвистическими и этнографическими сведениями имеются ценные данные о численности алтайцев по волостям.

Экономическое положение алтайцев исследовал С.П. Швецов⁷⁷ в своем труде "Горный Алтай и его население". Он описал историю Алтая, этнографический и сословный состав населения, его расселение и численность. Он разделил Алтай на 6 специфических районов по составу населения и хозяйственным особенностям. По каждому району Швецов собрал подробные данные о состоянии земледелия, скотоводства и неземледельческих промыслов у каждой группы населения, в том числе подробно описал быт займочников, образование и судьбу переселенческих поселков, миссионерских станов и пр. В работе содержится масса фактического материала о хозяйственных отношениях аборигенов и пришлого населения.

Свидетельства современников, безусловно, субъективны и передают информацию в контексте взглядов авторов, но особенно важным является то, что они отражают повседневное содержание межэтнических отношений и психологический фон в общении между народами.

Много интересных деталей, характеризующих взаимоотношения коренного и пришлого населения, содержат этнографические рассказы современников: о жизни северных народов “Ильдиа”, “Лаача”, “Эзе” Л.Х. Симоновой (СПб., 1884–1895); “Среди инородцев” Я.Я. Полферова (СПб., 1889); “У вогулов” К.Д. Носилова (СПб., 1904); “Вогулы” В.Г. Павловского (Казань, 1907); “Этнографические рассказы из жизни татар, киргиз, калмыков, башкир, вогулов и самоедов” П.П. Инфантьева (СПб., 1903); “У ледовитого океана. Самоеды” Е.Э. Сно (СПб., 1904); “У остяков. Картины остяцкой жизни» М.Н. Слепцовой (СПб., 1908); “На рыбной реке” Н.И. Леонова (М., 1927), “Самоеды”, “Остяки” Г.А. Старцева (Л., 1928–1930); “Остяки и тунгусы Принарымского края”, “Ваховские остяки” М.Б. Шатилова (Томск, 1927–1931); “Татары среднего течения Чулыма” И.Г. Иванова (Томск, 1931).

5. Значительную часть источниковой базы монографии составила делопроизводственная документация Главного управления Западной Сибири; Томского губернского управления; Тобольского общего губернского управления; Тобольского губернского управления; Главного управления Алтайского горного округа; Главного управления Алтайского округа; Алтайского горного управления; а также материалы Алтайской Духовной Миссии; губернских управлений земледелия и государственных имуществ (в Томске и в Тобольске); Томской губернской чертежной; Томской губернской казенной палаты и Томского губернского статистического комитета. Фонды этих учреждений содержат циркуляры местных и центральных органов власти, отчеты чиновников по особым поручениям и чиновников по крестьянским делам; рапорты уездных исправников, донесения крестьянских начальников, переписку губернаторов и исправников горных округов с генерал-губернатором, журналы губернского управления и присутствия главного управления Западной Сибири, прошения и приговоры крестьян, казаков и аборигенов на имя губернатора или на имя императора, отчеты алтайской духовной миссии, рапорты окружных и губернских землемеров, доклады лесничих.

Документы позволяют зримо представить себе межэтнические отношения различных этнокультурных групп населения в хозяйственном быту. Как правило, управление разбирало только конфликтные ситуации. Значительное количество однотипных дел создает представление о процессе взаимоотношений народов и его специфике в каждом районе. Важную информацию позволяют выявить составляющие одно дело разные документы. Обычно в дело входят прошения заинтересованных сторон (крестьян, аборигенов и пр.), рапорты ответственных лиц (исправников, полицмейстеров, землемеров и пр.) и заключения главного управления (губернатора, генерал-губернатора или совета управления). В том случае, если реакцию населения вызвало правительственное распоряжение, структура дела иная: первоначально следует правительственный циркуляр в изложении губернатора или генерал-губернатора на имя местных чиновников; отчеты исправников и крестьянских начальников, старшин и пр. о реальном положении дел на местах; а также приговоры и прошения сельских обществ и инородческих сходов, недовольных нововведением.

Материалы дел губернского управления и главного управления Западной Сибири нередко дублируются, что также позволяет уточнить детали и отражает достоверность информации. Некоторые судебные дела содержат многолетнюю переписку обеих сторон конфликта, исторические справки чиновников и распоряжения администрации, охватывающие весь спектр отношений между народами на протяжении значительного отрезка времени. Таково, например, дело об отводе земель и угодий коренным народностям Сибири в Томской губернии 1905–1919 гг.⁷⁸ Оно содержит донесение нарымского и чулымского лесничих в Управление государственными имуществами Томской губернии, прошения крестьян и аборигенов края и отражает отношения коренного и пришлого населения на фоне изменения «инородческой» политики правительства. Или, например, дело о грабежах в Ишимском и Курганском округах в 1870–1880-х гг.⁷⁹ Дело повествует о главе конокрадов казахе Т. Тлемисове, воспитанном русским купцом Меньшиковым, и рассказывает о взаимоотношениях оседлого русского населения и кочевых казахов на юге Тобольской губернии в середине XIX в.

Наиболее полную информацию представляют специальные доклады чиновников, проводивших исследование в течение нескольких лет по какому-либо вопросу или непосредственно участвовавших в событиях. Часть их опубликована – труды А.Ф. Плотникова, А.А. Дунина-Горкавича, С.П. Швецова и др., а часть так и осталась в архивных фондах. Например, доклады чиновника по особым поручениям Главного управления Западной Сибири А. Трофимова в разной редакции содержатся в трех архивах: ГАОО, ГАТО и ЦХАФ АК. Окончательный вариант дела о кочевых киргизах 1847 г. находится в ГАОО⁸⁰. Доклад А. Трофимова содержит информацию о казахах, кочующих во внешних округах, внутри линии и на землях заводского ведомства. Заголовки сами говорят о его содержании: “Состояние общее”, “Здоровье и болезни”, “Нравы их”, “Обычай”, “Торговля”, “Способы пропитания”, “Кому они себя подчиняют”, “Разделение на разряды по степени сближения с оседлостью. До этого Трофимов делал отдельные доклады о разных группах казахов и об их жизнедеятельности, а также составил записку о злоупотреблениях в районе седьмого полка. Доклад А. Трофимова и сейчас представляет интерес как публикация.

В мир конфликтов горной конторы и кочевых казахов в начале XIX в. приглашает нас донесение главного начальника Колывано-Воскресенских заводов Ковалевского на имя генерал-губернатора от 16 сентября 1832 г.⁸¹ Им собраны все известные случаи грабежа мастеровых и возчиков упомянутых заводов кочевниками за начало века. В деле также приведены материалы одного расследования.

О столкновениях бухтарминских крестьян и китайских подданных казахов Киреевского рода повествует донесение члена Совета Главного управления Западной Сибири, управляющего IV отделением Заборовского министру внутренних дел⁸².

Аналогичными по степени информативности являются доклады земского заседателя Кондинского участка Березовского округа титулярного советника Алексея Титова от 12 мая 1878 г.: “О значении Самаровской ярмарки для Березовского края” и “Обдорская ярмарка по рассказам очевидцев и деятелей”⁸³. В первом докладе автор подробно осветил сложность торгового обмена в Березовском округе, связан-

ную с труднодоступностью края; причины падения охотничьего промысла и доходность рыболовства, в результате чего он обосновал необходимость ярмарки в Самарове на пересечении торговых путей многих ясачных народов. В довершение он приложил карту района с торговыми путями. Во втором докладе А. Титов описал Обдорскую ярмарку. Он проследил эволюцию Обдорска с его основания: резиденция князей Тайшиных, суглан для сдачи ясака, миссионерский стан и, наконец, торговый город. Затем обозначил два основных продукта для обмена с аборигенами на продукты их промыслов: хлеб и вино, описал способы торговли развозную и ярмарочную, жизнь в Обдорске и привел примеры людей, которые за несколько лет нажили здесь себе состояние. Под конец Титов поэтапно обрисовал саму зимнюю ярмарку, сопровождавшуюся поголовным спаиванием аборигенов края и нарушением всех правил виноторговли.

О специфике торгового обмена на Севере сообщает донесение отдельного заседателя Афанасьева от 18 июня 1863 г.⁸⁴ В нем он пишет о причинах обеднения аборигенов вверенного ему участка, одну из которых он называет зависимостью от “торговых”.

Разнообразные сведения о хозяйственной жизни аборигенов и русских крестьян на Севере содержатся в описании Нарымского края купцом 2-й гильдии Иваном Родюковым⁸⁵. В нем можно найти сведения о промышленности Нарымского края, о крестьянском населении, а также “об ясачных инородцах, или остяках, и их промышленности”. Особенно подробно описывает Родюков рыбопромышленность и трудности торговли с аборигенами, возникшие в связи с законом 1844 г., ограничившим торги двумя сроками (январь и с 15 июля по 1 сентября).

Об устройстве польских переселенцев в Тобольской губернии в 1866 г. писал в своем отчете чиновник общего губернского управления Олендзкий, объехавший с комиссией округа, в которых водворились поляки⁸⁶. Ему удалось установить, сколько поляков и как обосновались в регионе и по каким причинам не устроились остальные.

Общими недостатками этих источников являются: несовпадение названий этносов в XIX в. и современных; субъективность и односто-

ронность в изложении информации миссионерами, купцами, просителями, лесничими, исправниками и другими авторами документов.

Центральные архивы ГАРФ и РГИА содержат входящие документы с мест и исходящие циркуляры, непосредственно от центральных органов власти – министерств и императора. Они лучше помогают уяснить позиции правительства по вопросам межэтнических отношений в регионе и одновременно содержат более полную и обобщенную информацию из Западной Сибири.

В работе использованы материалы Государственного архива Российской Федерации 102-го фонда Департамента полиции – 4-й отдел и особый отдел. Эти документы освещают политический аспект межэтнических отношений в крае: аграрное движение во время землеустройства, общественные настроения, а также включают в себя краткие сводки о беспорядках по поводу призыва инородцев на тыловые работы в 1916 г.

Материалы Российского государственного исторического архива в работе, к сожалению, задействованы в незначительном количестве, хотя его фонды содержат массу информации о межэтнических отношениях в Западной Сибири во всех аспектах. Особенно интересными представляются фонды Кабинета, Сибирских комитетов, Переселенческого управления, Департамента министерства государственных имуществ, ревизий и пр.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Томские губернские ведомости. Томск. 1858. № 2. 189–214.

² Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое население. СПб., 1885; Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884. 32 с.; Начало оседлости. СПб., 1894. 23 с.; Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1891. 308 с.; Сибирь как колония. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1882. 472 с. О взглядах Н.М. Ядринцева на межэтнические отношения в Сибири смотрите подробнее: Сосновская О.Н. Проблемы взаимоотношения русского и коренного населения Сибири в трудах Н.М. Ядринцева // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 107–116.

³ Якобий А.И. Остатки северной части Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского музея. Тобольск, 1895. Вып. 4. С. 1–25; Угасание инородческих племен Тобольского Севера. СПб., 1900.

⁴ *Шашков С.С.* Сибирские инородцы в XIX столетии // Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 548–632.

⁵ *Авесов С.* Сибирские инородцы // Сибирь. 1876. № 27–28.

⁶ *Бартнев В.В.* На крайнем Северо-западе: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. 154 с.

⁷ *Абрамов Н.А.* Описание Березовского края. М., 1993.

⁸ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. СПб., 1904–1911. Соч.: В 2 т. 634 с.; Особенности условий рыбопромышленности на реке Оби. СПб., 1904. 54 с.

⁹ *Шостакович Б.* Промыслы Нарымского края // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1880. Кн. 2. С. 1–40.

¹⁰ *Григорьевский Н.П.* Неведомые места и Васюганская тундра. // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1884. Кн. 6. С. 10–25; Крестьяне – старожилы Нарымского края // Записки ЗСО ИРГО. СПб., 1879. Кн. 1. С. 1–28.

¹¹ *Плотников А.Ф.* Нарымский край. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1901. 366 с.

¹² *Жерновков Г.И.* Нарымский край // Сибирские вопросы. СПб., 1906. № 4. С. 74–83.

¹³ Материалы для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1883–1893. Вып. 1–19; 22; 25.

¹⁴ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул, 1899–1900. Т. 1.

¹⁵ *Патканов С.К.* Краткий очерк колонизации Сибири // Ежегодник России 1907. СПб., 1908. С. XXII–LXII; О приросте инородческого населения Сибири. СПб.: Изд-во Академии наук, 1910. 210 с.; По Демьянке. Омск, 1894. 64 с.; Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1911–1912.

¹⁶ *Он же.* О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1910. С. 163, 178–179.

¹⁷ *Он же.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб. 1912. Т. 1. С. 133, 135–136.

¹⁸ *Андронников И.А.* Материалы по землепользованию и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911.

¹⁹ *Тихонов Т.И.* Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 271–309; *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб., 1911. 62 с.

²⁰ *Нагибеда В.Я.* Нарымский край. Томск, 1927; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии: Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагибеда. Томск, 1913. Вып. 1. 29 с.; Томская губерния. Томск, 1917. 31 с.; Экономическое положение населения Причумышского края бывшей Томской губернии. Томск, 1927. 153 с.

²¹ *Орлова Е.Н.* Население по рекам Кети, и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928. 55 с.

²² *Бахрушин С.В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. Вып. 1. М., 1929. С. 67–98.

²³ *Шнейдер А.Н.* Доброва-Ядринцева А.Р. Население Сибирского края: (Русские и туземцы). М.: Сибкрайиздат, 1928. 105 с.

- ²⁴ *Бекмаханов Е.Б.* Исторические корни дружбы казахского народа с великим русским народом. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1950. 284 с.; *Алексеев Н.В.* Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Наука, 1967. 36 с.
- ²⁵ *Хомич Л.В.* Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 329 с.; *Сергеев М.А.* Народы Обского Севера. Новосибирск: Кн. изд-во, 1953. 151 с.
- ²⁶ *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 145 с.
- ²⁷ *Зияев Х.З.* Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: Фан, 1968. 74 с.; *Валеев Ф.Т.-А.* Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент: Наука, 1965. 16 с.
- ²⁸ *Малиновский Л.В.* Сельское хозяйство западных национальных меньшинств. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 202–213.
- ²⁹ *Митина Н.П.* Во глубине сибирских руд. М.: Наука, 1966. 144 с.
- ³⁰ *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1951. 208 с.
- ³¹ История Сибири с древнейших времен и до наших дней: В 5 т. Л.: Наука, 1968.
- ³² *Пелих Г.Н.* Происхождение и история селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 576 с.
- ³³ *Долгих Б.О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 269 с.; *Кулемзин В.М. Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX века. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 224 с.; *Туголуков В.А.* Тунгусы Средней и Западной Сибири (эвены и эвенки). М.: Наука, 1985. С. 237–271; *Львова Э.Л.* Чулымские тюрки. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Наука, 1978. 21 с.
- ³⁴ *Валеев Ф.Т.-А.* Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX века. Казань, 1980. 232 с.; *Томилов Н.А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 208 с.; Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 216 с.; Проблемы реконструкции экономической истории юга Западной Сибири. Омск: Омский университет, 1987. 80 с.
- ³⁵ *Сатлаев Т.А.* Кумандинцы. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. 200 с.
- ³⁶ *Проваторова О.М.* Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 19 с.
- ³⁷ *Маамяги В.* Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). М.: Наука, 1990. 200 с.
- ³⁸ *Роцевская Л.П.* Члены польской партии “Пролетариат” в западносибирской ссылке // Советское славяноведение. 1976. № 6. С. 31–42; Участники польских гмин в русских колониях политических ссыльных Западной Сибири в 80-х гг. XIX века // Освободительное движение в России: Межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. Вып. 8. С. 70–84; *Островский Л.К.* Численность, состав и размещение польских ссыльных в Сибири (середина 90-х гг. XIX

века – 1917 г.) // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 140–149.

³⁹ *Хазиахметов Э.Ш.* Изучение в XX веке национального состава политических ссыльных Сибири 1905–1917 гг. // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 202–210.

⁴⁰ *Дамешек Л.М.* Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 82 с.; Ясачная политика царизма в Сибири в XIX–начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. 134 с.

⁴¹ *Миненко Н.А.* Северо-западная Сибирь в XVII – первой половине XIX века. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.

⁴² *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX веков). Томск: Изд-во ТГУ, 1990. 204 с.; *Марченко В.Г.* Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис. ... учен. степ. канд. ист. наук. Томск, 1985. 18 с.

⁴³ *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 328 с.; *Зиновьев В.П.* Рабочие из коренных народов на капиталистических предприятиях // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 61–64.; *Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири во второй четверти XIX века. Новосибирск: Наука, 1987. 268 с.; *Она же.* Хозяйственное освоение южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. 239 с.

⁴⁴ *Мархинин В.В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 145 с.; *Попков Ю.В.* Процесс интернационализации у народов Севера. Новосибирск, 1990. 200 с.

⁴⁵ *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX века: Численность и национальный состав. М.: Наука, 1992. 214 с.; Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–XX веках. М.: Наука, 1998. 269 с.

⁴⁶ *Данилин А.Г.* Бурханизм. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1993. 205 с.

⁴⁷ *Мархинин В.В.* *Удалова И.В.* Межэтническое сообщество: Состояние, диалектика, взаимодействие культур. Новосибирск: Наука, 1996. 189 с.

⁴⁸ *Бардина П.Е.* Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 223 с.

⁴⁹ *Лоткин И.В.* Современные этнические процессы у латышей и эстоицев в сельских районах Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993. 20 с.; *Колоткин М.И.* Балтийская диаспора в Сибири. Новосибирск, 1994. 166 с.; Латгальские поселения в Сибири. Новосибирск, 1994. 67 с.

⁵⁰ *Коровушкин Д.Г.* Чуваша Западной Сибири. Новосибирск: СО РАН, 1997. 93 с.

⁵¹ *Вибе П.П.* Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX века // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 5–58; *Нам И.В.* Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте

проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М.: Готика, 2000. С. 17–31.

⁵² Мучник Ю.В. Очерки из истории евреев в досоветской Сибири. Томск: Пилад, 1997. 59 с.; Савиных М.Н. Законодательная политика Российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 22 с.

⁵³ Белорусы в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2000. Вып. 146 с.; Кутилова Л.А., Нам И.В. Наумова Н.И. Черняк Э.И. Национальные меньшинства Томской губернии. 1895–1919. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 295 с.

⁵⁴ Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае (конец XIX – начало XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 21 с.; Функ Д.А. Бачатские телеуты в XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 19 с.; Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.; Феоктистов А. Русские, казахи и Алтай. Москва: Усть-Каменогорск: Альфа и Омега, 1992. 47 с.

⁵⁵ Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков южной Сибири в XVII – XIX веках. Томск: ТПУ, 1999. 433 с.

⁵⁶ Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII – XIX века: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 309 с.; Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в.: Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: АГУ, 1999. 660 с.; Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века: Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 501 с.

⁵⁷ См.: Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 3–64.

⁵⁸ Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального “Я”. М., 1991. 169 с.; Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. 240 с.; Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989; Арутюнян С.М. Нация и ее психологический склад. Краснодар, 1966; Геллнер Эрнст. Нации и национализм. М., 1995. 320 с.; Зомбарт В. Социализм и социальное движение в XIX столетии. Ростов н/Д, 1905. 124 с.; Козьмина О., Пучков П. Основы этнодемографии. М., 1994; Лебон Г. Психология народов и масс. М., 1956; Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. 446 с.; Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998. 186 с. Поздняков Э.А. Нации. Национализм, Национальные интересы. М., 1994. 125 с.; Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000. 303 с.; Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996. 204 с.; Она же. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. 202 с.; Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. Томск, 1998; Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999. 433 с. и др.

⁵⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1995.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 10.

⁶¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1630.

⁶² Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л.: АН СССР, 1929. 104 с.

⁶³ Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М.: ИАЭ РАН, 1994. 272 с.

⁶⁴ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: СО РАН, 1997.

⁶⁵ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь. Томск: Изд. Романова, 1893–1905.

⁶⁶ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 34.

⁶⁷ Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929–1933.

⁶⁸ *Кастрен М.А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849 гг.). Тюмень, 1999. 351 с.

⁶⁹ *Поляков И.С.* Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. СПб., 1877. 187 с.

⁷⁰ *Павлов А.* 3000 верст по рекам Западной Сибири. Тюмень, 1878. 162 с.

⁷¹ *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири: В 3 т. СПб., 1854.

⁷² *Костров Н.* Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1869. 117 с.; Иногородцы Нарымского края // Томские губернские ведомости. 1858. № 16.; Нарымский край. Томск, 1872. 96 с.; Каинская Бараба. Томск, 1874. 69 с.; Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1896. 117 с.

⁷³ *Усов Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

⁷⁴ *Потанин Г.Н.* Сибирские казаки // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 11; *Катанаев Г.В.* Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. 115 с.; Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда. Омск, 1893. 24 с.

⁷⁵ *Радлов В.В.* Этнографический обзор тюркских племен южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1887. 26 с.; Из Сибири. М.: Наука, 1989. 749 с.

⁷⁶ *Вербицкий В.И.* Алтайские иногородцы. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1993. 272 с.

⁷⁷ *Швецов С.П.* Горный Алтай и его население: В 4 т. Барнаул, 1900–1903.

⁷⁸ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 486. 395 л.

⁷⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16266. 400 л.

⁸⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1112.

⁸¹ Там же.

⁸² ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9523.

⁸³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15201.

⁸⁴ Там же. Оп. 4. Д. 5619.

⁸⁵ Там же. Оп. 3. Д. 3569.

⁸⁶ Там же. Оп. 4. Д. 6627.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

1.1. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Для анализа межэтнических отношений в Западной Сибири в XIX – начале XX в. необходимо, прежде всего, установить динамику численности, этнический состав и характер размещения населения региона.

Специфика исследуемого периода состоит в том, что в XIX в. в Сибири шел процесс активного аграрного освоения, а на рубеже XIX–XX вв. – и интенсивного индустриального развития, которые осуществлялись за счет активной колонизации региона.

Исследователь Сибири конца XIX в. С.К. Патканов¹ разделил население на пришлое и коренное. Он отнес к пришлым народам всех, кто появился с Ермаком в Сибири и после него. Деление это сейчас чисто условное, но для XIX в. оно имело смысл, так как большинство русских и других выходцев из Европейской России появилось в Западной Сибири в течение этого века.

Расселение коренных жителей края в XIX в. было относительно стабильным, сложившимся за предыдущие века. Миграции аборигенов проходили уже в пределах ранее очерченных территорий, и их численность менялась в основном за счет естественного прироста или ассимиляции. Этнический состав также мало изменился. Северные районы занимали представители финно-угорской языковой семьи: к угорской языковой группе относились ханты и манси, к самодийской – ненцы и селькупы. Таежные и лесные зоны населяли тюркские народы: тобольско-иртышские татары, сибирские бухарцы, барабинские, томские и

обские татары, чулымские тюрки. Представители этой же языковой семьи обитали на Алтае: тубалары, шорцы, челканцы, кумандинцы, бачатские телеуты и алтайцы, процессы этнической консолидации которых еще до конца не завершились. На северо-востоке Западной Сибири кочевало небольшое количество кетов (сино-тибетская языковая семья) и эвенков (тунгусо-маньчжурская языковая семья).

Картина расселения пришлых этносов значительно изменилась в течение XIX столетия. Главным фактором, определившим эти изменения, стал механический прирост.

Подавляющее большинство пришлого населения принадлежало к индоевропейской языковой семье. Самой многочисленной была славянская группа. К ней относились восточные славяне – русские, украинцы, белорусы и западные – поляки. К литовско-латышской языковой группе принадлежали литовцы, латгалцы, латыши; к романской – молдаване; к германской – немцы. Были также немногочисленные группы других индоевропейцев-иностранцев, армян, цыган. Евреи представляли семито-хамитскую языковую семью. Значительную долю пришлого населения Западной Сибири составляли финно-угорские народы: удмурты, марийцы, мордва, зыряне, пермяки, финны, эсты, карелы и пр. Многочисленные тюркские этносы представляли выходцев из Европейской России и Средней Азии: казанские татары, башкиры, чуваша, узбеки, сарты, туркмены, монголы и др.

Соотношение и динамика численности коренного и пришлого населения Западной Сибири в двух губерниях – Тобольской и Томской представлены в табл. 1. Видно, что все население увеличилось за XIX в. в 5,6 раза, а с 1897 по 1911 г. – еще в 1,6 раза. Причем в Тобольской губернии население увеличилось в 4,5 раза, в Томской – в 23,4 раза. Количество коренного населения (инородцев) численно также увеличилось в 2 раза. (В Тобольской губернии – в 1,2 раза; в Томской – в 3,9.) Наряду с этим удельный вес аборигенов края сократился с 20 до 4 %.

Естественный прирост населения Западной Сибири на протяжении всего XIX в. оставался не просто высоким, а самым высоким в Российской империи, в основном за счет прибыли славянских и тюркских народов: с 1804 по 1810 г. – 30 промиллей; с 1811 по 1820 г. –

Таблица I

**Динамика численности коренного населения Западной Сибири
в XIX – первой трети XX в.**

Показатели	1797 г.	1840 г.	1864 г.	1897 г.	1911 г.	1937 г.
Тобольская губерния						
Все население, чел.	440 840	779 846	1 012 948	1 433 595	1 975 239	2 329 361
В том числе инородцы	82 363	74 274	76 306	84 925	102798	235675
Доля инородцев от всего населения, %	18,68	9,52	7,53	5,8	5,2	10,1
Томская губерния						
Все население, чел.	157 269	507 404	715 040	1 927 932	3 673 746	6 436 150
В том числе инородцы	34 332	34 052	63 838	116 497	133870	189 724
Доля инородцев от всего населения, %	21,82	6,71	8,93	6	3,6	2,9
Западная Сибирь						
Население, чел.	598 109	1 287 250	1 727 988	3 361 527	5 648 986	8 765 511
В том числе инородцев, чел.	116 695	108 326	140 144	201 422	236 668	425 399
Доля инородцев от всего населения, %	19,5	8,4	8,11	5,99	4,19	4,85

Источники: *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. С. 58; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1995. Л. 54–55; 360–36; Оп. 4. Д. 5644. Л. 1–20; Д. 5643. Л. 5–7; *Азиатская Россия.* СПб., 1914. С. 86; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. М., 1991. С. 85–96.

26,5; с 1821 по 1830 г. – 24; с 1831 по 1840 г. – 29,1; с 1841 по 1850 г. – 23,1; с 1851 по 1860 г. – 19,9; с 1861 по 1870 г. – 13,7; с 1871 по 1880 г. – 15; с 1881 по 1890 г. – 16,3; с 1891 по 1900 г. – 17,4; с 1901 по 1910 г. – 22,3; с 1911 по 1916 г. – 17,1 промиллей².

Механический прирост населения³ в первой половине XIX в. в Сибири составлял 28 % от прироста населения вообще. Основу его долгое время составляли ссыльные. Долевое соотношение ссыльных и переселенцев сравнялось только в середине века. В начале XIX в. ссыльных принимала в основном Западная Сибирь. Так в 1803–1805 гг. в Томскую губернию прибыло 7196 человек. А в 1825–1833 гг. из 80,4 тыс. ссыльных 51,4 % также водворились в Западной Сибири. Но в 1830–1840-е гг. ситуация изменилась: ссыльные стали размещаться в Восточной Сибири, а в Западной стали оседать добровольные переселенцы. В 1846–50-м гг. в Тобольской губернии водворилось 34% всех крестьян-переселенцев из Европейской России. С 1796 по 1858 гг. в Сибирь прибыло 520 тыс. крестьян, большинство из которых осело в Западной Сибири. Это были переселенцы из северо-западных и западных губерний России, и обосновались они в пригодных для земледелия районах. Можно предположить, что хорошо заметное сокращение численности инородцев, особенно в Тобольской губернии, связано с началом аграрной колонизации Западной Сибири. Это стало реакцией аборигенного населения края на изменение этнической и социально-экономической ситуации.

Во второй половине XIX в. механический прирост за счет свободных переселенцев в Западной Сибири становится определяющим, причем переселенцев принимают, главным образом, Томская губерния, Алтайский край. За период с 1871 г. по 1896 г. сюда въехало 696,5 тыс. человек (без вернувшихся крестьян), в том числе 595,1 тыс. в Томскую губернию⁴. Изменилась картина губерний выхода, основными регионами, поставляющими переселенцев, стали Центрально-земледельческий, левобережная Украина, Среднее Поволжье, Северное Приуралье и Центрально-промышленный районы. Процентное соотношение основных этнических групп переселенцев начала XX в., по подсчетам В.Я. Нагнибеды, выглядело так: 38,4% русских, 28,3% украинцев, 16,6% белорусов, 10,8% немцев и 5,9% прочих. Из последней категории можно также выделить 2,5% католиков (по большей части поляков) и 1,6% мусульман (татар из Поволжья и Приуралья)⁵.

В табл. 2 приведена численность основных коренных и пришлых этносов Западной Сибири в 1897 г. (Тобольская, Томская губернии и Омский округ).

Более подробный анализ численности и размещения населения показывает следующее. Манси (вогулы) в XIX в. занимали северо-запад Тобольской губернии, селились по рекам Пелыму, Лозьве, Сосьве, Туре, Тавде и в верховьях Конды. В административном отношении они располагались в основном в Туринском округе (11 волостей), на юго-западе Березовского (2 волости) и на севере Тобольского округа (4 волости). В 1830-е гг. манси перешли к оседлости и наряду с промыслами занимались земледелием. Во второй половине XIX в. в их деревнях и селах стали селиться русские (37,7%), а на севере еще и коми-зыряне (21,4% коми; 5,5% русских).

Ханты (остяки) жили по среднему течению Оби и Иртышу с его многочисленными притоками. В Тобольской губернии – на севере Тобольского округа (7 волостей), в южной половине Березовского (11 волостей) и Сургутского (14 волостей) округов; в Томской губернии в бассейне реки Васюган (1 волость). Часть их осела по Оби и Иртышу, но большинство продолжало вести кочевой или полuosедлый образ жизни. В конце XIX в. в их волостях стали селиться русские (6,8%), зыряне (5,4%) и манси (1,9%)⁶.

Восточнее их в Нарымском крае по течению реки Оби и ее притоков Тыму, Кети, Чижалке и Парабели обитали селькупы (остяко-самоеды) в 32-х инородческих волостях. Среди них по Тыму, Кети, Чулыму жила небольшая группа кетов, которые постепенно вошли в состав селькупов и чулымцев. В волостях селькупов русские составляли 21,5 % населения. Они проживали как отдельными селениями, так и совместно с аборигенами⁷.

Манси, ханты, селькупы и кеты принадлежали к одному хозяйственно-культурному типу, центральное место в котором было отведено полuosедлому рыболовству в сочетании с земледелием в южных районах, а в северных – с охотой и кедровым промыслом⁸.

Ненцы (юраки, самоеды, пян-хасово) занимали самые северные районы Березовского и Сургутского округов Тобольской губернии. Они, так же как и европейские ненцы, как энцы и нганасаны Туруханского края, вели кочевое оленеводческо-охотничье хозяйство. Русские поселения в их владениях, по реке Оби, были редки и малочисленны. В Березовском округе на их территориях кочевали зыряне-оленоводы.

Наиболее точными сведениями по динамике численности коренных народов Севера считаются данные ревизий. Их использовал в своем

Таблица 2

Этнический состав населения Западной Сибири в 1897 г., чел.

Пришлые народы	Численность этносов	Коренные народы	Численность этносов
Русские	2 977 049	Тоболо-иртышские татары	37 648
Украинцы	141 387	Барабинские татары	4 422
Белорусы	9 058	Томские татары	8 164
Поляки	13 240	Сибирские бухарцы	11 601
Татары (пришлые)	18 348	Чулымские тюрки	9 606
Немцы	5 795	Ненцы	4 436
Евреи	11 339	Ханты	17 202
Казахи	70 542	Манси	7 475
Башкиры	615	Селькупы	4 821
Чуваши	3 468	Тубалары	6 342
Мордва	16 760	Шорцы	13 902
Коми-зыряне	9 020	Щелканцы	907
Пермяки	559	Кумандинцы	4 092
Удмурты	123	Бачатские телеуты	9 200
Марийцы	357	Алтайцы	26 084
Эсты	2 451	Остальные коренные тюрки Томской губернии	3 093
Финны	1 171	Остальные коренные народы Томской губернии	65
Литовцы	1 284		
Латыши	5 018		
Цыгане	3 947		
Выходцы с Кавказа	473		
Прочие	1 050		
Итого	3 293 054	Итого	169 060

Источник: Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. Т. I. С. 20–76.

труде С.К. Патканов, ими же пользовались авторы альманаха “Российский этнограф”⁹.

Эти данные позволяют заметить нестабильность и незначительность в приросте северных народов. Это объясняется их подвижностью и зависимостью промыслового хозяйства от природных условий. Резкое сокращение численности аборигенов Севера в конце XIX в. заметили многие исследователи того времени – С.К. Патканов, А.И. Якобий, Н.М. Ядринцев, А.Ф. Плотников, И. Ерлексов и др. Опираясь на сведения церковных приходов, администрации, ревизий, они также наблюдали сокращение численности северных туземцев. Это приводило их к мысли о вымирании инородцев. Корнем всех бед они считали русскую и зырянскую экспансию, которая привела к сокращению угодий, кабале, а потом и к ухудшению экономического положения, быта, к голоду и болезням. Однако, несмотря на усиление русской колонизации в начале XX в., все народы севера дали положительный прирост (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика численности народов севера Западной Сибири
в XIX – начале XX в., чел.**

Народы	1795 г.	1816–1830 гг.	1850–1858 гг.	1897 г.	1911 г.
Ханты	16 435	17 015	17 364	16 745	19 418
Манси	6 446	6 996	7 242	6 937	6 814
Ненцы	4 435	5 162	6 055	5 049	6 091
Селькупы	–	5 795	–	4 557	6 559

Источники: Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М., 1994. С. 42–43, 46–49, 52, 55, 56, 191–193; Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л., 1929. С. 37–39.

В современной литературе сокращение численности населения принято объяснять неточностью подсчетов, миграциями, ассимиляцией, эпидемиями. Но и в XX в. численность народов севера осталась нестабильной, склонной к неожиданным сокращениям¹⁰.

Кроме основных этносов, населяющих север Западной Сибири, на северо-востоке Томской губернии в Нарымском крае в бассейне рек Кети, Тыма, Васюгана и Чижапки обитало несколько семей бродячих охотников эвенков, которых там встречал еще Кастрен. Но данные об их численности имеются только на начало XX в. и то приблизительные – 45–50 семей в 1920 г., по одним данным¹¹, около 910 человек – по другим¹².

Лесостепные полосы Западной Сибири населяли так называемые сибирские татары, бывшие подданные Кучума. В этнографической литературе их принято разделять на тоболо-иртышских, барабинских и томских татар.

Тоболо-иртышские татары в XIX в. населяли бассейн Иртыша, Тобола, Вагая и других рек. В административном отношении – это были юг Туринского (2 волости) и Тобольского (6 волостей) округов; а также Тюменский (4 волости), Тарский (4 волости) и Ялуторовский (2 волости) округа Тобольской губернии¹³. Они, в свою очередь, делились на 5 основных этнических групп (табл. 4).

Таблица 4
Динамика численности тоболо-иртышских татар в XIX в., чел.

Этнические группы тоболо-иртышских татар	1795 г.	1816 г.	1834 г.	1858 г.	1897 г.
Тюменско-туринские	–	7 669	9 757	10 081	12 967
Тобольские	–	8 783	9 800	11 247	15 105
Ясколбинские	1160	1 394	1 563	1 742	1 425
Курдако-саргатские	3 665	4 023	3 709	3 961	4 617
Тарские	2 160	2 420	3 366	3 299	3 534
Всего	21 306	24 289	28 195	30 325	37 648

Источники: Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М., 1994. С. 222–223; 226.

Основой благосостояния татар было сельское хозяйство с различными сочетаниями торговли, промыслов и ремесел. Ясколбинцы, пожалуй, были исключением, так как их основным занятием было рыболовство.

Таблица 5

Динамика численности барабинцев в XIX в., чел.

Этнические группы татар	1795 г.	1816 г.	1834 г.	1858 г.	1897 г.	1926 г.
Каинские	5 060	4 630	4 876	4 411	4 433	7 528

Источники: Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М., 1994. С. 223; 227;

Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки, этносы, культуры. Новосибирск, 1994. С. 4–5.

Барабинские татары населяли Барабинскую степь и числились в 4 волостях Каинского округа Томской губернии (табл. 5).

Сокращение численности барабинцев в конце XIX в., так же как и ясколбинцев, было замечено исследователями того времени Н.М. Ядринцевым, С.С. Шашковым, С.К. Паткановым. Они объясняли это последствиями реформы 1822 г., когда в 1836 г. их внесли в разряд оседлых инородцев, что обозначало уравнивание их в податном обложении и в натуральных повинностях, кроме рекрутской, с крестьянами. Резко возросший налоговый пресс не соответствовал возможностям нестабильного промыслового хозяйства. Поселки барабинцев размещались обособленно от русских селений, но по соседству с ними, поэтому в XIX в. имел место процесс аккультурации аборигенов русским старожильческим населением. В начале XX в., кроме улучшения экономического положения, на росте численности барабинцев сказалось вхождение в их состав пришлых тюркских этносов¹⁴.

Томские татары в XIX в. жили в бассейне рек Томи, Черной, Искитима и др. на юге Томского и севере Кузнецкого округов. Они так же делились на этнические группы (табл. 6).

Таблица 6

Динамика численности томских татар в XIX в., чел.

Этнические группы татар	1795 г.	1805 г.	1834 г.	1858 г.	1897 г.
Эуштинцы	160	159	255	270	290
Чаты	706	706	744	900	999
Калмаки	400	429	393	500	688
Итого	1 266	1 384	1 476	1 770	2 197

Источники: Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М., 1994. С. 223–

В XIX в. завершилась консолидация томских татар в единый этнос и шла аккумуляция их русскими крестьянами, которые на рубеже веков стали селиться в их деревнях. В состав томских татар постепенно вошли группы сибирских бухарцев и пришлых татар¹⁵.

По соседству с ними на реке Оби жили обские татары, в конце XVIII в. они составляли примерно 1020 человек. Далее они приняли христианство и в XIX в. уже смешались с русскими и чулымцами. К началу XX в. их ассимиляция стала фактом¹⁶.

Чулымцы, обитавшие в Среднем и Нижнем течении реки Чулыма в Томском (4 волости) и Мариинском (5 волостей) округах Томской губернии в XVIII в. также приняли христианство. В XIX в. их численность росла (табл. 7). Культурное сближение их с русскими, выразившееся в большем обращении их к земледелию и скотоводству, особенно активно шло в инородческих волостях Томского округа. Однако большая часть чулымцев Мариинского округа еще в начале XX в. вела неоседлый образ жизни и уходила на промысел в Енисейскую губернию. В этом районе были только займки русских промысловиков, которые составляли 6,7 % населения.

Таблица 7

Динамика численности чулымских тюрков в XIX – начале XX в., чел.

Этнические группы тюрков	1816 г.	1858 г.	1897 г.	1912 г.	1927 г.
Чулымские тюрки	3 200	4 300	4 825	3 854	2 642

Источники: Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М., 1994. С. 260; Нагнибеда В.Я. Экономическое положение Причулымского края. Томск, 1927. С. 68–105; ГАО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2.

В.Я. Нагнибеда, проводивший исследование края в 1912–1913 гг., обнаружил значительные признаки обрусения чулымцев, особенно в западной части их территории. В их селах проживало 34,6 % русских. В 114 семьях жены глав семей были русские, а 1 211 человек не знали родного языка, тогда как по-русски понимали все. 223 семьи совсем обрусели. В 1927 г., по данным Комитета Севера, их было 2 642 чело-

века. Вероятно, сокращение численности чулымцев в XX в. имело внеэкономические причины – ассимиляцию¹⁷.

Первые бухарские колонии в Западной Сибири возникли еще в XIV в. Тогда их единственным занятием была караванная торговля. Большинство их переселилось сюда после вхождения Сибири в состав Российского государства, продолжали они переселяться вплоть до XIX в. (табл. 8). Русское правительство предоставляло им льготы – беспошлинную торговлю в сибирских городах, а в XVIII в. обложило их фиксированной податью. С 1834 г. их права были ограничены. Право торговать без гильдейских повинностей было оставлено только за торговлей азиатскими товарами, кроме того, они стали платить подымную подать и выполнять натуральные повинности¹⁸.

Таблица 8

Динамика численности сибирских бухарцев в XIX в., чел.

Губернии	1795 г.	1816 г.	1834 г.	1858–1859 гг.	1897 г.
Тобольская	5 120	6 433	8 128	9 908	11 307
Томская	150	242	267	307	294

Источники: Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М., 1994. С. 230.

В XIX в. торговля отошла на второй план и главным занятием бухарцев стали земледелие и ремесла¹⁹. В Тобольской губернии в XIX в. бухарцы населяли главным образом Тобольский, Тюменский и Тарский округа, составляя в каждом Бухарскую волость, а также Томский округ Томской губернии. Бухарцы обычно образовывали свои отдельные селения в полосе поселений коренных и пришлых татар. Численность их в XIX в. росла.

Томские бухарцы к концу XIX в. ассимилировались с томскими татарами, тобольские – в начале XX в. В 1926 г. сибирских бухарцев насчитывалось 15 тыс. чел.²⁰

На юге Томской губернии в Алтайском крае обитали коренные тюркские народы Сибири со сложным составом и происхождением. Отталкиваясь от этих факторов, Л.П. Потапов делит их на северных и южных алтайцев²¹. Северные алтайцы более раннего происхождения. Они сложились в XVII–XVIII вв. на основе отюречивания кетских, самодийских и угорских народов. К ним он отнес тубаларов (черневых татар), челканцев (лебединцев), кумандинцев и шорцев.

Тубалары в XIX в. населяли лесную полосу отрогов Алтая, долины рек Большой и Малой Иши, Сара-Кокши, Кара-Кокши, Пыжи, Уйменя и др. Административно они были разделены на 6 инородных управ в Бийском округе. В 60-е гг. XIX в. их считали: В. Радлов – 6 342 человека, В.И. Вербицкий – 3 449 человек²², в конце XIX в. С.К. Патканов – 6 342 человека и С.П. Швецов – 4 526 человек²³. В объяснительной записке к этнографической карте Сибири их данные так и приводятся параллельно. В 1926 г. тубаларов учтено было 1 350 человек²⁴.

Челканцы жили в долине реки Лебедь в Бийском округе и в долине реки Конды в Кузнецком округе. В источниках XIX в. их редко выделяли из черневых татар. По данным В.И. Вербицкого, в Кондомо-Щелканской инородной управе жили в 1860-х гг. 514 кочевых инородцев, что составляло их большую часть. Кумандинцы населяли долину реки Бии от реки Лебедь до города Бийска, низовья Катуня, образуя две волости кочевых инородцев в Бийском округе. По данным В.И. Вербицкого, в 60-е гг. XIX в. их было 2 177 человек; по данным В. Радлова – 2 147 человек; в 1897 г. – 4 092 человека.

Шорцы в XIX в. обитали в Кузнецком Алатау, в верхнем течении реки Томи и ее притоков Кондомы и Мрассу, составляя 21 инородческую волость в Кузнецком округе. Численность их в 1860-е гг., по данным В.И. Вербицкого, была 10 194 человека; по данным В. Радлова – 10 688 человек. А в 1897 г. С.К. Патканов насчитал их уже 13 902 человека. В 1926 г. в Горно-Шорском автономном округе проживало 22 тыс. человек.

В документах XIX в. и описаниях современников всех их обычно называли черневыми татарами, по названию черни – черногого леса, в котором они жили. В их полуседлом хозяйстве первостепенное место

занимали лесные промыслы (охота, рыболовство, сбор кедровых орехов, пчеловодство) в сочетании с мотыжным земледелием и ремеслами (металлургия). Земледелие и скотоводство были известны им давно, но даже в исследуемый период они имели второстепенное значение.

Южные алтайцы, бывшие подданные Джунгарии, частью ее данники, частью недавние беженцы из нее, в XIX в. единого этноса еще не составляли. Л.П. Потапов разделил их на теленгитов (чуйцев; калмыков-двоеданцев), собственно алтайцев (белых калмыков, ойротов), телесов (тоже чуйцев) и телеутов. Все они, за исключением части телеутов, жили в Бийском округе. Теленгиты жили по берегам рек Чуи и Аргута, телесы – по рекам Чулышману, Башкаусу и Улагану. Административно они образовывали две Чуйские волости кочевых инородцев, за что и назывались чуйцами. Численность их в середине XIX в. называли приблизительно В. Радлов и В.И. Вербицкий – около 2 тыс. человек. С.К. Патканов в 1897 г. насчитал их 5 169 человек. В 1926 г. в Ойротской автономной области теленгитов было 5 740 человек.

Алтайцы расселялись в среднем течении Катунь и по ее притокам Чарышу, Кану, Песчаной. В административном порядке они образовывали 7 алтайских дючин. В конце 1860-х гг. В. Радлов насчитал их 11 824 человека, а В.И. Вербицкий – 11 827 человек. В конце XIX в. С.П. Швецов обнаружил 19 016 человек, а С.К. Патканов – 20 273 человека. В 1926 г. их было 30 063 человека.

Большая часть телеутов жила за пределами Горного Алтая – по рекам Большому и Малому Бочату, в отрогах Кузнецкого Алатау. Часть их уже в XIX в. переселилась в Бийский округ, основав миссионерские селения Улала, Мыюта. В Томском округе они жили по реке Искитиму в Телеутской инородной управе. В Кузнецком округе бачатские телеуты образовывали 3 инородные управы, в Бийском – тоже три. Кроме того, в Уймонской долине они жили вместе со старообрядцами, а также – в русской Ануйской волости. Томские телеуты вошли в состав томских татар, бийские вместе с теленгитами и телесами участвовали в образовании алтайского этноса. Бачатские телеуты сохранили этническую самостоятельность и в 1989 г. составили 1 900 человек²⁵.

В 60-е гг. XIX в., по подсчетам В.И. Вербицкого и В. Радлова, в Бийском и Кузнецком округах проживало 5 782 телеута. А в 1897 г., по данным С.К. Патканова, во всех трех округах их было 9 200 человек. В 1926 г. в Ойротской автономной округе их насчитывалось только 383 человека. Южные алтайцы, все, кроме оседлых и крещеных телеутов, в XIX в. – вели кочевое скотоводческое хозяйство, в большей или меньшей степени сочетая его с кедровым промыслом, а на рубеже XIX–XX вв. – с земледелием. Лесное и горное кочевание алтайцев в значительной мере отличалось от степного казахского кочевания дальностью перемещений и было больше привязано к конкретным местам²⁶.

Коротко охарактеризовав расселение коренных этносов Западной Сибири в XIX – начале XX в., перейдем к описанию расселения пришлых народов. Приблизительная динамика численности групп пришлого населения региона представлена в табл. 9–11, где отражено деление населения по вероисповеданиям.

В число православных в XIX – начале XX в. входили многие народы империи. Православные составляли основную массу среди восточных славян – 94%, цыган – 99%, финнов – 97%, пермяков – 99%, чувашей – 97%, мордвы – 97% и большинства коренных народов Западной Сибири²⁷. Аборигены севера к концу XIX в. были официально крещены и тоже входили в число православных. Из тюркских коренных народов христианство приняли чулымцы, обские татары, северные алтайцы и часть телеутов.

Сибирские бухарцы, тобольские, томские и барабинские татары приняли ислам. Южные алтайцы и часть ненцев были язычниками. Пришлые группы православных здесь появились только во второй половине XIX в. в ходе переселения, а в первой половине века православными были в основном русские.

Старообрядцы состояли из русских, а также небольшого количества татар, финнов и мордвы. Католиками были в большинстве своем поляки (97%), латыши (81%), литовцы (94%) и незначительная часть немцев (10%). Большинство немцев и эстов относились к протестантам. 99 % евреев были иудеями. К магометанам, кроме упомянутых групп коренных тюрков, относились пришлые татары, башкиры, каза-

хи, черкесы и пр. В группе “прочие” большинство составляли армяно-григориане, т.е. армяне.

В табл. 9–11 можно видеть абсолютный рост численности всех религиозных групп в XIX в. Особенно резкий скачок произошел в конце века, он отражает механический прирост разных этнокультурных групп. Доля православных по сравнению с долями католиков, протестантов и мусульман снижается и снова растет в начале XX в. Процент католиков сильно увеличивается в середине XIX в. за счет политических ссыльных поляков.

Таблица 9

Динамика численности населения Тобольской губернии по вероисповеданиям в XIX – начале XX в.

Вероисповедания	1840 г.		1859 г.		1897 г.		1913 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Православные	691 199	88,6	795 239	91	1 275 010	88,4	1 891 137	89,8
Раскольники	31 417	4,02	–	–	72 658	5	100 269	4,8
Католики	926	0,12	5 796	6,6	7 341	0,5	11 262	0,5
Мусульмане	48 219	6,18	37 153	4,3	74 880	5,2	74 519	3,5
Протестанты	988	0,13	457	0,05	6 119	0,4	18 842	0,9
Иудеи	622	0,08	1 406	0,16	2 463	0,2	2 668	0,1
Язычники	6 475	0,83	Неизв.	–	4 538	0,3	6 218	0,3
Прочие	–	–	–	–	34	0	–	–
Всего	779 846	100	871 354	100	1 443 043	100	2 104 915	100

Источники: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1995. Л. 60–61; 367; Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1868–69 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. С. СLI–CLXXVIII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Тобольская губерния. СПб., 1904. С. 30; Обзор Тобольской губернии за 1913 г. Тобольск, 1915. Ведомость № 10.

Процент протестантов растет в конце XIX – начале XX в. в момент активной аграрной колонизации, так же как и мусульман. Доля языч-

ников в Тобольской губернии не меняется на фоне увеличения других групп, хотя их абсолютная численность растет. В Томской губернии доля язычников падает, так как алтайцы на рубеже XIX–XX вв. приняли христианство и переходили к оседлости.

Таблица 10

Динамика численности населения Томской губернии по вероисповеданию в XIX – начале XX в.

Вероисповедание	1840 г.		1859 г.		1897 г.		1912 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Православные	440 825	86,9	706 994	92,5	1 743 451	90,4	3 671 207	91,5
Раскольники	38 895	7,67	10 417	1,4	99 055	5,1	163 212	4,1
Католики	949	0,19	7 519	1	8 977	0,5	43 325	1,1
Мусульмане	7 112	1,4	9 494	1,2	40 201	2,1	52 167	1,3
Протестанты	54	0,01	121	0,02	2 129	0,1	17 619	0,4
Иудеи	1 562	0,3	2 468	0,3	7 947	0,4	13 451	0,3
Язычники	16 007	3,15	27 664	3,6	25 882	1,3	21 526	0,5
Прочие	–	–	–	–	37	0	–	–
Всего	507 404	100	764 677	100	1 927 679	100	4 011 424	100

Источники: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1995. Л. 60–61, 367; Списки населенных мест по сведениям 1859 г. Томская губерния. СПб., 1868. С. LXXI; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Томская губерния. СПб., 1904. С. 18; Обзор Томской губернии за 1912 г. Томск, 1912. С. 4–5.

Большинство всего населения Западной Сибири и большинство пришлового населения края в XIX в. составляли русские. Ю.А. Гагемейстер в 1797 г. насчитал их в Тобольской губернии 358 457 человек и в Томской (без Алтая) – 137 427 человек²⁸.

По отчетам губернаторов, в 1840 г. в Тобольской губернии с Омским округом было 703476 русских, т.е. православных и раскольников за вычетом крещеных инородцев. В Томской губернии – 481 758 человек²⁹. По данным статистического комитета, в 1858 г. в Тобольской губернии русских было 891 105 человек, в Томской губернии – 705 459 человек³⁰. В Омском округе русские соперничали по темпам прироста населения с казаками (табл. 11).

Таблица 11

Динамика численности населения Омского округа Акмолинской области по вероисповеданию в XIX – начале XX в.

Вероисповедание	1836 г.		1877 г.		1897 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Православные	27 538	79,7	36 798	49,7	55 063	54,8
Раскольники	83	0,24	25	0,03	436	0,43
Католики	276	0,8	439	0,59	1 214	1,2
Протестанты	6	0,02	531	0,72	3 544	3,53
Иуден	3	0,01	416	0,56	1 147	1,14
Мусульмане	6 639	19,2	35 865	48,4	39 114	38,9
Итого	34 545	100,0	74 074	100,0	100 518	100,0

Источники: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1630. Л. 44; Оп. 9. Д. 15380. Л. 313; Первая всеобщая перепись населения Российской империи... Акмолинская область. СПб., 1904.

Состав славянского населения Западной Сибири по переписи 1897 г. показан в табл. 12. После массовых переселений восточных славян в 1904–1914 гг., в 1915 г. их было 1 757 028 человек в Тобольской губернии и 3 705 082 в Томской. В северных районах русские селились в основном в городах и небольших селениях по берегам Оби, Иртыша, Туры, Чулыма и других рек. В земледельческих округах поселки русских соседствовали с мусульманскими поселками. А с крещеными татарами русские жили совместно в одних селах.

Таблица 12

Численность восточных славян в Западной Сибири в 1897 г., чел.

Восточные славяне	Тобольская губерния	Томская губерния	Омский округ	Западная Сибирь
Русские	1 269 541	1 656 733	50 775	2 977 049
Украинцы	37 769	99 300	4 318	141 387
Белорусы	4 396	4 586	76	9 058
Всего	1 311 706	1 927 932	55 169	3 294 807

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Тобольская губерния. СПб., 1904. С. 222–225; Томская губерния. СПб., 1904. С. 70–99. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 48–51; Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. С. 2–10.

В южных округах, в переселенческих поселках все восточные славяне образовывали свои деревни и волости. На Алтае также были зимки и поселки русских крестьян. Еще они селились в миссионерских поселках и торговых пунктах на Чуйском и Уймонском трактах.

Белорусы и украинцы стали попадать в Сибирь с XVII в. как ссыльные. Позднее появились добровольные переселенцы, но число их до второй половины XIX в. было незначительным, и, поселившись с единоверцами, они просто растворялись в их среде. В 80–90-е гг. XIX в. набрала силу массовая крестьянская колонизация Западной Сибири. Украинцы и белорусы переселялись главным образом в Ишимский и Тюкалинский округа Тобольской губернии, в Барнаульский, Бийский и Каинский округа Томской губернии. Основными занятиями всех восточных славян были земледелие и скотоводство в сочетании с промыслами и ремеслами³¹.

Западные славяне – поляки попали в Сибирь благодаря политической ссылке. Первые ссыльные поляки, в основном дворяне, появились в Западной Сибири в 30-е гг. XIX в. По отбывании наказания их расселяли по волостям Томского округа. Шляхтичи, как люди грамотные, довольно быстро обосновались в городских конторах в качестве столоначальников и письмоводителей. Их было немного, и в 1856 г., по случаю коронации Александра II, полякам хорошего поведения, раскаявшимся, и пробывшим в Сибири не менее 5 лет, было дано прощение и разрешение вернуться на родину. Так они и поступили³².

Массовым было выселение в Сибирь поляков после восстания 1863 г. Кроме значительного числа дворян, среди ссыльных было много людей податных сословий неизвестного происхождения. Здесь всех их: дворян, лишенных прав состояния, ремесленников, солдат, однодворцев и пр. обращали в сословие государственных крестьян, вносили в оклад и давали пособие на домообзаводство³³. Дворян, сосланных без лишения прав и с лишением части прав, селили “на жительство” временно. Часть их вернулась на родину в 1868–1871 гг. Простолюдинов ссылали “на поселение”. Большими партиями их завозили с семьями и водворяли в старожильческих селениях. С 1865 г. по 1867 г. партии свыше 1 тыс. человек из Царства Польского и Западного края прибы-

вали регулярно³⁴. В Тобольской губернии в 1867 г. их расселили во всех округах, кроме северных, но основную часть – в Тобольском, Омском, Ишимском и Тарском округах. 1152 ссыльных обосновалось в городах, 127 – в округах и еще 3709 польских переселенцев находилось там на водворении. В Томской губернии поляков поселили в Томском, Мариинском и Каинском округах. В городах их было 847 человек, а в округах – 5078 человек на жительстве и на поселении. По подсчетам историков, всего в Западную Сибирь в 1860-е гг. выслали около 20 000 поляков³⁵. В 1883 г. они получили высочайшее прощение, и часть их вернулась на родину³⁶.

В 1897 г. поляки жительствоваали во всех округах Западной Сибири. По-прежнему их было мало в северных районах и в Горном Алтае. 28 % их жило в городах. По губерниям они распределялись так: в Тобольской губернии – 5 963 человека; в Томской губернии – 6 328 человек; в Омском округе – 949 человек.

В результате политических репрессий конца XIX – начала XX в. в Сибирь прибыли новые партии политических ссыльных поляков. Со словный состав ссыльных этого периода был мещанско-крестьянским (80%). В Западную Сибирь попадали в основном административные ссыльные: 337 человек в Тобольскую губернию и 579 – в Томскую. Большинство их были грамотны и знали какое-нибудь ремесло. Ссылно-поселенцев (21 человек) размещали на 3–4 года в северных районах: в Туринском и Березовском округах Тобольской губернии и в Нарымском крае Томской губернии³⁷. Часть их также вернулась в Польшу.

Следующее массовое переселение поляков в Сибирь в период Первой мировой и Гражданской войн составило 60 676 человек (1920 г.)³⁸, больше половины которых жили в западной ее части. Однако в 20–30-е гг. они в основном уехали обратно. В 1939 г. численность польской диаспоры в Западной Сибири составляла 13 568 человек (0,2 % населения)³⁹.

После славянского, наиболее многочисленным пришлым населением в Западной Сибири было тюркское. Поволжские и приуральские татары бывали за Уралом еще до Ермака, часть их участвовала в завоевании края в составе казачьих отрядов. Часть тюрков попала сюда в

результате ссылки. Однако до последней трети XIX в. число их было невелико. Обычно пришлые тюрки селились среди коренных татар и отличались от них какое-то время лишь сословным обозначением: захребетные татары, оброчные чувальщики, казаки. Много их оседало в городах.

С 1860 г. число пришлых татар стало расти за счет крестьянских переселений⁴⁰. В местах проживания коренных тюрков их численность росла так: 1816 г. – 507 человек; 1834 г. – 593; 1858 г. – 700; 1897 г. – 11838 человек⁴¹. Пришлые тюрки образовывали также свои селения в переселенческих районах, и в конце XIX в. они расселились во всех округах Западной Сибири, кроме северных. Скачок в их численности и увеличение доли среди населения Западной Сибири можно проследить по табл. 9–11, в которых в графе “Мусульмане” указаны в основном пришлые тюрки. Их было в Тобольской губернии 8 074 человека, в Томской – 9 423, в Омском округе – 851 человек (всего – 18 348 человек).

Из тюркских народов Поволжья и Приуралья в конце XIX в. в Западную Сибирь мигрировали чуваша, башкиры и др. Подавляющая часть башкир были мусульманами, переселяясь за Урал, они селились среди коренных татар. Большинство их обосновалось в Тюменском округе Тобольской губернии (61 %). Численность их в Западной Сибири в 1897 г. была следующая: в Тобольской губернии – 464 человека, в Томской – 109, в Омском округе – 42 человека. Позднее они также вошли в состав сибирских татар.

Чуваши в основном исповедовали православие, видимо, поэтому в “Списке населенных мест Томской губернии по сведениям 1859 г.” они указаны в числе финских народов. Тогда их было показано только двое в деревне Вороиовой Томского округа⁴². К 1897 г. они расселились в степных земледельческих округах Западной Сибири в одних деревнях с русскими, мордвой и марийцами. В Томской губернии их насчитывалось 2807 человек в Томском, Каинском, Барнаульском и Мариинском округах. В Тобольской губернии чувашей было 640 человек, и они сосредоточились в основном в Тарском округе. В Омском округе жил 21 чуваш. В 20-е гг. XX в. они продолжали аграрное переселение в Западную Сибирь. В 1989 г. чувашская диаспора в ре-

гионе насчитывала свыше 40 тыс. человек, 60 % которых жило в сельской местности⁴³.

Еще один пришлый тюркский этнос, в XIX в. прочно обосновавшийся в южных районах Западной Сибири, – это казахи (киргизы). Они появились в Прииртышье в конце XVIII в. после разгрома их непримиримого врага – Джунгарии Цинским Китаем⁴⁴. В 1771 г. указами государственной коллегии был разрешен пропуск верноподданных киргиз за Иртыш для зимовок, и более 15 тыс. кибиток Средней орды воспользовались этим и расселились по Кулундинской степи⁴⁵. В 1839 г. на заводских землях кочевало 15 казахских родов в составе 2 407 кибиток, то есть 10 234 человека⁴⁶. В 1870 г. в Кулундинской, Узкой, Карасукской степях, в Гатском и Северном борах кочевало 1 250 кибиток семипалатинских и павлодарских казахов⁴⁷. В конце 90-х гг. XIX в., когда переселенческое движение крестьян их уже сильно теснило, на свободных кабинетских землях в Барнаульском и Змеиногорском округах продолжали кочевать 1 440 кибиток с населением 7 511 человек и проживали в крестьянских селениях в качестве пастухов 1 010 казахов⁴⁸.

В Бийском округе в 1860-е гг. казахи стали оседать и принимать православие в миссионерских селах Тюдрала и Черный Ануй на территории, которую ранее занимали алтайцы. В этих обществах со смешанным этническим составом их оказалось в 1898 г. в Тюдрале – 96 человек, а в Черном Ануе – 454 человека, где они составляли 1/3 населения. Вместе с алтайцами казахи Черного Ануя образовали свое отдельное сельское общество, а русские – свое. Совместные дела решались на сходе двух общин⁴⁹.

В высокогорном районе Алтая в бассейне рек Чуи, Джазатора, Калгута и на плоскогорье Укок в конце XIX в. обосновались выходцы из Китайской империи рода Сарагалдак и казахи Чингистайской волости Усть-Каменогорского округа Семипалатинской области. Китайские подданные казахи кочевали с разрешения калмыков второй Чуйской волости за плату 350 рублей в год в бассейне реки Калгута⁵⁰. Чингистайцам, вследствие голода в Семипалатинской области в 1884 г., разрешили

арендовать земли в Бийском округе в урочище “Чабам-Бай”, где они и кочевали сначала, а в 90-х годах XIX в. обосновались в “Чуйской степи”⁵¹. В 1897 г. в долине реки Чуи и ее притоков вместе с чуйцами кочевали 102 кибитки (428 человек) казахов рода Сарагалдак и 23 кибитки (98 человек) чингистайцев. Число их было непостоянным, так как они периодически откочевывали в пределы Китая и обратно. В 1912 г. в Онгудайском лесничестве обитало уже 646 кибиток казахов рода Сарагалдак и 305 чингистайцев⁵².

Большинство казахов кочевало и оседало на линии казачьих укреплений – “10-верстной полосе”, которая от Иртыша вглубь степей занимала реально более 20 верст. В 1824 г. на линии во внутренних округах: Петропавловском, Омском, Семипалатинском, Усть-Каменогорском кочевали 30 193 казаха⁵³. А в 1902 г. 61 667 казахов ежегодно арендовали землю у казаков⁵⁴. В дальнейшем, при Советской власти, эти земли были присоединены к Казахстану, кроме Омского округа, оставленного в границах России. В 1824 г. в нем кочевали 1 552 казаха⁵⁵. В 1836 г. казахов здесь насчитывалось 6 634 человека⁵⁶. Далее округ входил в состав Тобольской губернии, а во второй половине XIX в. – в состав Акмолинской области. В 1897 г. в Омском округе проживало 38 185 казахов⁵⁷. И в конце XX в. (в 1989 г.) 60 % казахского населения Западной Сибири жило также в Омской области и составляло 75 тыс. человек⁵⁸ (3,5 % всего местного населения).

В Томской губернии казахи обосновались в юго-западных степных районах Алтайского края в Барнаульском и Змеиногорском округах, где в конце XIX–XX в. после выселения оттуда кочевников были образованы переселенческие участки. В Тобольской губернии их всегда было значительно меньше, но они также кочевали в южных степях Ишимского, Курганского и Тюкалинского округов, где на рубеже веков разместилась масса крестьянских переселенцев. После выселения кочевых казахов с юга Западной Сибири там осталось оседлое казахское население. В 1897 г. в деревнях русских и других крестьян, а также в селах коренных татар их было 5022 человека⁵⁹.

Таблица 13

Динамика численности казахов в
Тобольской и Томской губерниях
в XIX – начале XX в., чел.

Губерния	1838 г.	1897 г.	1911 г.
Тобольская	19 766	7 547	8 964
Томская	31 543	24 810	28 512

Источники: *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. С. 10–11; *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. С. 2–10; Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л., 1929. С. 46.

Источником появления евреев в Сибири, как и многих других жителей Европейской России, была ссылка. Ссылали их сюда с XVII в. Кроме ссылки, в XIX в. власти практиковали и высылку евреев обратно в черту оседлости (закон 1837 г. – детей ссыльных евреев по достижении ими 18 лет высылали в черту оседлости или отдавали в кантонисты)⁶⁰. Многие другие запреты и ограничения также не давали расти их численности в регионе. Либеральные реформы Александра I сказались и на резком притоке иудеев в Сибирь. Особенно этому способствовал указ 1865 г. о дозволении евреям-ремесленникам селиться по всей империи и заниматься на одних правах с русскими ремеслами и промыслами при условии предоставления свидетельств об их знании⁶¹. Динамику их численности можно проследить по табл. 9–11. Больше половины их селилось в городах, особенно губернских, где были синагоги. В 1897 г. они составляли 3,37 % городского населения Западной Сибири, тогда как в 1840 г. – только 0,7 %.

В Омском округе также сложилась значительная еврейская диаспора – 1 132 человека. В Тобольской губернии в 1897 г. их насчитывалось 2 458 человек, причём 51 % всех их жили в самом Тобольске. В Томской губернии в середине XIX в. евреев было в 2 раза больше, а в конце века в 3 раза больше, чем в Тобольской губернии, – 7 749 человек. Традиционно много евреев жило в Томском, Каинском и Маринском округах. Уникальность Каинского округа заключалась в том, что в нем проживала численно заметная колония евреев-земледельцев (352 человек). Основными занятиями остальных евреев были торговля, ремесло и промыслы. В 1920 г. евреев в Западной Сибири было

18 093 человека⁶², а в 1939 г. – 12 395 чел., 90% их проживало в городах⁶³.

Цыгане появились в Сибири благодаря ссылке и тоже в основном во второй половине XIX в. Подавляющее большинство их проживало в сельской местности. В Tobольской губернии в 1897 г. их было 1 685 человек, и расселились они по южным округам. В Томской губернии – 2 229 человек, и большинство их жило в Томском, Каинском и Мариинском округах. В Омском округе было 33 цыгана. И в начале XX в. их численность не изменилась, так как кроме уголовной ссылки и естественного прироста на нее ничто не влияло.

Таблица 14

Численность выходцев с Кавказа в Западной Сибири в 1897 г., чел.

Народы Кавказа	Тобольская губ.	Томская губ.	Омский округ	Всего
Осетины	7	6	2	15
Армяне	27	25	4	56
Грузины	46	51	14	111
Черкесы	153	55	–	208
Чеченцы	9	3	–	12
Лезгины	17	12	22	51
Мингрельцы	1	1	–	2
Кабардинцы	8	9	–	17
Карачаевцы	–	1	–	1
Итого	268	163	42	473

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Тобольская губерния. СПб., 1904. С.222-225; Томская губерния. СПб., 1904. С. 70–99. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 48–51; *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. С. 2–10.

Представители кавказских народов в Сибири (динамику численности см. в табл.14) тоже были, главным образом уголовные ссыльные, кроме армян, которые были торговцами. Это были мужчины среднего возраста, в основном они прибывали в 60–70-е гг. XIX в. для отбывания наказания с большими сроками – от 6 до 10 лет, а некото-

рые бессрочно – на поселение⁶⁴. В 1878 г. 800 человек горцев из Терской и Дагестанской областей сослали в Западную Сибирь “за возмущение”. По обосновании их на местах полагалось выслать их семьи (1 850 человек). В Тобольской губернии разместили 595 человек, в Томской губернии – 215 человек⁶⁵. Те, кому позволяли вернуться, возвращались.

Таблица 15

Численность выходцев из Прибалтики в Западной Сибири в 1897 г.

Народы Прибалтики	Тобольская губ.	Томская губ.	Омский округ	Всего
Литовско-латышские	3 670	2 345	312	6 327
В том числе				
Латыши	3 283	1 488	247	5 018
Литовцы	372	822	55	1 249
Жмудь	15	35	10	60
Финно-угорские	3 070	499	61	3 630
В том числе				
Эсты	2 047	361	43	2 451
Финны	1 017	136	18	1 171
Карелы	5	—	—	7
Чудь	1	—	—	1
Итого	6 740	2 844	373	9 957

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Тобольская губерния. СПб., 1904. С. 222–225; Томская губерния. СПб., 1904. С. 70–99. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 48–51; *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. С. 2–10.

В результате ссылки же попадают в Сибирь первые латышско-литовские и финно-угорские народы прибалтийских губерний России. Первое лютеранское поселение деревня Рыжово возникла в Тобольской губернии в Тюкалинском округе в 1803 г. Оно было основано латышами, участниками крестьянских восстаний в Вудземе в 1802 г. В 1804 г. сюда сослали ижорцев, ингерманландцев и финнов из Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. А с 1845 г. по указу императора все ссыльные лютеране должны были переселиться в деревню Рыжово. Однако в 1859 г. от нее откололись 4 побочные коло-

нии. Число ссыльных постепенно росло, и в 1861 г. евангельско-лютеранская консистория выхлопотала для прибалтийских колонистов новое место для поселения. В Еланской, Пановой и Сыропятской волостях Тюкалинского округа возникли латышская деревня Рига и эстонская деревня Ревель, а затем возникли и другие⁶⁶. В 1880–90-х гг. начинается добровольное переселение крестьян из Прибалтики в Западную Сибирь, количество их стало быстро увеличиваться (табл. 15).

Больше половины выходцев из Прибалтики проживали компактными колониями в Тобольской губернии в Тарском и Тюкалинском округах. В последнее десятилетие XIX в. в Сибири возникло 126 латышских поселений и 21 эстонское. В Томской губернии они расселились дисперсно в смешанных селениях с русскими, украинцами, мордвой в Каинском, Томском и Мариинском округах. В начале XX в. аграрная колонизация Западной Сибири выходцами из Прибалтики продолжалась. За 1900–1909 гг. в Сибири возникли 39 латышских и 44 эстонских поселений. Большинство – в Томской и Енисейской губерниях. А в 1914–1917 гг. часть их эвакуировалась из районов военных действий в Прибалтике и вернулась туда обратно в 20-е гг.⁶⁷ В 1939 г. эстонцев в Западной Сибири было 16 994 человека, латышей – 17 492 человека.

Результатом крестьянской колонизации Западной Сибири стало появление здесь во второй половине XIX в. немцев, молдаван, финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.

Молдаван было немного, и они селились в переселенческих поселках вместе с русскими, украинцами и мордвой. В 1897 г. их насчитывалось в Тобольской губернии – 80 человек, в Томской – 138 человек, в Омском округе – 10 человек.

В 40–50-е гг. XIX в. вследствие неблагоприятной ситуации в Архангельской области в Березовский округ Тобольской губернии прибыло несколько десятков семей коми-зырян (коми-ижемцев). Они основали село Саран-Паул (1842 г.) в бассейне реки Лямина в инородческих землях на договорных основаниях⁶⁹. С 1853 г. зыряне обосновались в Обдорске, с 1863 г. – в Березове, а с 1875 г. – в селе Щекурьевском, в этом же году основали поселок Мужы. В 1880–1890-е гг. они посе-

лились оседлыми селениями на реках Сосьве и Манье⁶⁸. Большая часть коми-ижемцев кочевала, занимаясь оленеводством. Оседлые ижемцы торговали и ловили рыбу.

В 1897 г. в Березовском округе их было 2 023 человека, в том числе в Березове 132 человека. В середине XIX в. зыряне обосновались также в южных округах губернии⁷⁰. По 2–3 тыс. зырян проживали в Тюкалинском и Ялуторовском округах. Здесь они занимались земледелием. Свообразно их расселение в Тобольской губернии. Если в Березовском округе они составляли значительную часть населения, как в городах, так и в селах, то в других округах губернии зыряне селились исключительно в сельской местности. Зыряне жили только в городах Кургане и Тюмени, а в окружающих селах их почти не было.

В Томской губернии они также появились в середине XIX в. в четырех деревнях Бийского округа в количестве 45 душ⁷¹. В 1897 г. они жили уже во всех округах, но, главным образом, в южных. В городах, за исключением Барнаула, их практически не было. Итак, в Тобольской губернии проживало в 1897 г. 7 110 зырян, в Томской – 1 875, в Омском округе – 35 (всего – 9 020 человек). В 1920 г. во всей Западной Сибири зырян насчитывалось 9 566 человек⁷².

Земледельческие колонии коми-пермяков возникли в конце XIX в. в Томской губернии в Томском, Барнаульском и Кузнецком округах. В 1897 г. их было в Западной Сибири 559 человек, в 1920 г. – 895 человек. В 1939 г. всех коми в регионе насчитывалось 22 458 человек, 83 % которых проживало в деревнях и селах.

Марийцы (черемисы) расположили свои крестьянские поселения в Тобольском и Тарском округах Тобольской губернии. В 1897 г. их здесь было 357 человек, а в 1920 г. – 1 921 человек.

Нельзя не отметить масштабности аграрной колонизации мордвы. В Томской губернии, куда их переселилось большинство, – они жили в 60-х гг. XIX в. в одних селах с русскими переселенцами из Поволжья и Приуралья – 957 человек. В 1897 г. мордва проживала во всех округах Томской губернии, но почти половина – в Барнаульском – 7 033 человека. В Тобольской губернии они обосновались в южных земледель-

ческих округах, и большая часть – в Тюкалинском – 741 человек. Численность мордвы в Западной Сибири в 1897 г. составляла 16760 человек, в 1920 г. – 49 867 человек⁷², в 1939 г. – 89 627 человек⁷³.

Самой поздней крестьянской колонизацией Западной Сибири в исследуемый период была немецкая. Она возникла только в последнее десятилетие XIX в. Основное переселение немцев за Урал происходило в 1898–1911 гг. из Поволжья и Новороссии⁷⁴. Первые колонии были основаны в Омском округе Акмолинской области – деревня Александровка (1893 г.), Привальное (1894 г.), Сосновка, Поповка (1895 г.) и др.

Таблица 16

Численность финно-угорских народов Поволжья и Приуралья в 1897 г.
в Западной Сибири, чел.

Финно-угорские народы Поволжья и Приуралья	Тобольская губ.	Томская губ.	Омский округ	Всего
Мордва	1 639	14 888	233	16 760
Коми-зыряне	7 110	1 875	35	9 020
Коми-пермяки	8	549	2	559
Марийцы (черемисы)	309	48	–	357
Удмурты (вотяки)	65	10	48	123
Тептяры	12	–	6	18
Мещеряки	17	–	–	17
Итого	9 160	17 370	324	26 854

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Тобольская губерния. СПб., 1904. С. 222–225; Томская губерния. СПб. 1904. С. 70–99; Акмолинская область. СПб., 1904. С. 48–51; *Латканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. С. 2–10.

Перепись 1897 г. застала в регионе 5 795 немцев. Причем 3 315 человек из них проживали в Омском округе, т.е. перепись застала самое начало их миграций. В 1910 г. в Акмолинской области проживало 19 827 немцев в 46 селах, а конкретно в Омском округе их было 6 296 человек в 16 селах.

В Тобольской губернии немцы образовали колонии в южных округах – Тарском, Тюкалинском, Ишимском. Первым немецким поселением стал поселок Березовский в 1897 г. в Тарском округе. В Тюкалинском округе немцы сначала селились в лютеранских поселках прибалтийских крестьян, а с 1907 г. стали основывать свои. В целом в Тобольской губернии немцев было в 1897 г. 1 105 человек, в 1915 г. – около 5 тыс. человек в 20 селах.

В Томской губернии они селились также на пригодные к земледелию места, в основном на отведенные под переселение участки Барнаульского и Змеиногорского округов. В переселенческих поселках на Кулундинской степи немцы составляли 53,1 % населения. Одними из первых немецких поселков на Алтае были деревни Желтенькая (Шенфельд), Александрополь, Мариенбург и др. Массовая крестьянская колонизация Кулундинской степи происходила в 1907–1909 гг. после выселения казахов-кочевников. Если в 1897 г. в Томской губернии было 1 375 немцев, то в 1915 г. в 113 поселках их проживало около 36 тыс. человек. По вероисповеданию большинство из них были меннонитами и лютеранами, немногие – католиками. Наиболее зажиточными считались меннонитские селения (59 колоний)⁷⁵. В 1939 г. немцев в Западной Сибири было 93 035 человек, в 1989 г. их было 416,6 тыс. человек и они входили в число наиболее многочисленных этносов региона. Основными занятиями немцев на рубеже веков были земледелие и ремесло.

Сложными по этническому составу являлись очаги индустриального развития в Западной Сибири – города. По данным 1897 г., их легко можно разделить на три группы: маленькие северные города (Березов, Обдорск, Сургут, Туринск, Нарым); крупные полиэтнические губернские города (Тобольск – 20 тыс. человек, Томск – 65 тыс. человек, Омск – 37 тыс. человек, а также Тюмень – 29 тыс. человек) и остальные уездные и заштатные города⁷⁶.

В маленьких северных городах проживали в среднем до 1 тыс. человек. Здесь обитали преимущественно русские торговые и промысловые люди и, как правило, жило несколько семей коренного на-

селения. В Березове во второй половине XIX в. традиционно большой была зырянская диаспора – 13 % населения. Остальные (евреи, украинцы, немцы, поляки, черкесы) составляли 4–6 % населения этих городов. Присутствие их объяснялось ссылкой и носило временный и вынужденный характер.

Таблица 17

Численность наиболее крупных этнических групп в наиболее крупных городах Западной Сибири в 1897 г., чел.

Народы	Тобольск	Тюмень	Омск	Томск
Евреи	1227	247	1127	3016
Поляки	586	395	785	1184
Татары	411	399	769	1624
Немцы	99	134	437	417
Украинцы	210	536	416	355
Русские	17800	27602	18206	57528

Источники: *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1911. Т. 2. С. 2–5.

Крупные и губернские города были многонациональными (см. табл.17). Русские здесь также доминировали, составляя более 80 % населения. В них проживали значительные диаспоры ссыльных, переселенцев и коренных татар. Более 100 человек в каждом из них составляли представители всех существовавших в Российской империи народов. Кроме того, было еще по 30 человек иностранцев – греков, китайцев, шведов, немцев, французов и т. д.

Уездные и заштатные города, так же как и северные, были населены в основном русскими (90%), с небольшими вкраплениями инациональных ссыльных и переселенцев. Больше 100 человек было только татар и, главным образом, потому, что в городах коренные и пришедшие тюрки жили вместе в одних слободах. В некоторых уездных городах выделялись этнические группы переселенцев: зыряне в Кургане (94 человека), коми-пермяки в Кузнецке (474 человека), казахи в Барнауле (105 человек), сибирские бухарцы в Таре (253 человека), евреи в Мариинске (828 человек) и в Каинске (938 человек).

Динамику этнического состава населения городов в XIX в. приблизительно можно представить себе по табл. 18. По ней хорошо видно, как сократилась доля православных за счет притока католиков, иудеев и мусульман. Раскольники и протестанты в основном селились в сельской местности.

Таблица 18

Динамика численности населения городов по вероисповеданию в XIX в.

Вероисповедание	1840 г.		1897 г.	
	чел.	%	чел.	%
Православные	76 399	96	22 2296	90,64
Раскольники	433	0,54	2 404	0,98
Католики	1 099	1,38	5 113	2,08
Протестанты	287	0,36	1 793	0,73
Иудеи	554	0,7	8 262	3,37
Мусульмане	803	1	5 312	2,17
Прочие	—	—	73	0,03
Всего	79 575	100	245 253	100

Источники: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1995. Л. 54–56; 360–367; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Тобольская губерния. СПб., 1904. С. 222–225; Томская губерния. СПб., 1904. С. 70–99; Акмолинская область. СПб., 1904. С. 48–51; *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. С. 2–10.

По соотношению и характеру расселения коренных и пришлых этносов Западной Сибири можно выделить 4 географических региона: северный, центральный, южный и Горный Алтай.

Северной промысловой полосой можно считать Березовский и Сургутский округа, северные части Туринского (Пелымский край) и Тобольского округов Тобольской губернии, а также Нарымский край (север Томского округа) Томской губернии.

В начале XIX в. (1810 г.) Север был сплошь населен ясачными народами, а города представляли оазисы русского населения⁷⁷. Постепенно к едничным семьям русских крестьян и разночинцев, живущих среди инородческих поселений, стали подселаться русские

переселенцы, главным образом вдоль рек Оби, Иртыша и их притоков. В течение XIX в. на Тобольском Севере картина расселения менялась. По табл. 19 хорошо видно, что при небольшом увеличении численности аборигенов значительно сократилась доля их относительно пришлого, русского и зырянского населения, а в начале XX в. – несколько увеличилась.

Таблица 19

Динамика численности коренного и пришлого населения Тобольского Севера в XIX – начале XX в.

Показатели		1836 г.	1897 г.	1904 г.
Березовский округ, чел.		22 859	22 493	24 730
В т.ч. коренные народы	Чел.	19 630	15 727	19 386
	% от всего населения	85,9	69,9	78,4
Сургутский округ, чел.		Показан в составе Березовского округа	8 865	9 137
В т.ч. коренные народы	Чел.		5 629	6 762
		% от всего населения	63,5	74
Оба округа		22 859	38 220	33 867
В т.ч. коренные народы	Чел.	19 630	21 356	26 148
	% от всего населения	85,9	68	77,2

Источники: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1630. Л. 500; Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1911. Т. 2. С. 2–5; 130–133; ГАНУ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

В Нарымском крае в XIX в. сокращение доли коренного населения шло еще интенсивнее (табл.20).

В XIX – начале XX в. здесь произошло как абсолютное, так и относительное уменьшение численности коренного населения по сравнению с пришлым. Но, несмотря на это, пришлое население занимало на севере очень небольшие территории. Населяя города и поселки по берегам крупных рек, русские оставляли бесконечные урманы во владении аборигенов. Последние, за исключением уже осевших, рассредоточивались по всему пространству, свободно меняя место жительства.

Таблица 20

Динамика численности коренного и пришлого населения Нарымского края в XIX – начале XX в.

Показатели		1797 г.	1853 г.	1906 г.	1927 г.
Нарымский край, чел.		9 413	11 350	17 831	48 375
Коренные народы	Чел.	5 513	4 474	3 117	6 816
	% от всего населения	58,5	39,4	17,5	14,1

Примечания: *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. С. 58; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3569. Л. 38, 40; *Жерновков Г.* Нарымский край // Сибирские вопросы. СПб., 1906. № 4. С. 74–83; *Юданов И.Г.* Нарымский край. СПб., 1927. С. 7.

К центральной полосе, земледельческо-промысловой, можно отнести юг Туринского и Тобольского округов, Тюменский, Ялуторовский, Тарский округа Тобольской губернии, юг Томского округа, Каинский, Кузнецкий и Мариинский округа Томской губернии (см. табл. 21, 22).

Таблица 21

Динамика численности коренного и пришлого населения в центральной полосе Тобольской губернии в XIX в.

Округ		1836 г.	1897 г.
Тобольский округ, чел.*		87 272	148 328
В том числе инородцев	Чел.	19 356	25 039
	% от всего населения	22	16,9
Туринский округ, чел.*		41 210	71 961
В том числе инородцев	Чел.	3 626	3 923
	% от всего населения	8,8	5,4
Тарский округ, чел.		57 655	166 894
В том числе инородцев	Чел.	8 760	11 737
	% от всего населения	15,2	7
Тюменский округ, чел.		74 999	150 657
В том числе инородцев	Чел.	7 485	11 301
	% от всего населения	9,9	7,5
Ялуторовский округ, чел.		113 338	191 861
В том числе инородцев	Чел.	3 407	4 792
	% от всего населения	3	2,5

Таблица 22

Динамика численности коренного и пришлого населения в Томской губернии в XIX в.

Округ		1858 г.	1897 г.
Томский округ, чел.*		138 080	342 354
В том числе инородцев	Чел.	13 797	14 662
	% от всего населения	10	4,3
Мариинский округ, чел.		52 399	145 994
В том числе инородцев	Чел.	2 439	3 318
	% от всего населения	4,7	2,3
Кузнецкий округ, чел.		91 425	164 824
В том числе инородцев	Чел.	14 872	26 290
	% от всего населения	16,3	16
Каинский округ, чел.		81 841	193 020
В том числе инородцев	Чел.	4 454	4 442
	% от всего населения	5,4	2,3

Источники: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1630. Л. 500; Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1911. Т. 2. С. 2–5; 130–133; Списки населенных мест по сведениям 1859 г. Томск, 1868. С. LXXXIX.

*Включены также северные народы, динамика численности которых рассмотрена выше.

Характерным для центральной полосы является ее сплошное заселение коренными тюркскими и пришлыми народами на протяжении всего исследуемого периода. Соседство русских и других пришлых этносов с коренными оседлыми тюрками выразилось в росте их численности и сокращении удельного веса в массе населения.

Расселение коренных и пришлых народов в центральной полосе было чересполосным. У татар были свои отдельные волости, но их административные образования не всегда имели свою территорию и четкие границы, поэтому нередко татарские села располагались среди крестьянских волостей. Татары и русские пользовались одними угодьями или пашнями (особенно в Томской губернии). Для расселения определяющим оказывался религиозный фактор: пришлые мусульманские народы селились в деревнях коренных татар – мусульман. А в

поселениях православных татар традиционно много было русских, мордвы, украинцев.

К южной полосе относились Курганский, Ишимский, Тюкалинский округа Тобольской губернии, Омский округ, Барнаульский и Змеиногорский округа и юго-запад Бийского округа Томской губернии. Ее специфика заключалась в почти полном отсутствии коренного населения. Пришлые стали заселять степи по мере возрастания их безопасности. В XIX в. опасность от набегов кочевников продолжала существовать вплоть до аграрного освоения степей Казахстана. К концу XIX в. в округах Тобольской губернии большая часть казахов уже осела (в Тюкалинском они составляли 2,5 %). В Томской губернии осела половина казахского населения (в Змеиногорском округе – 5,6 %). В Омском округе большинство казахов кочевали. Там росла численность казахов и их доля в населении округа: в 1836 г. – 6 634 человека (19,2 %); в 1897 г. – 38 185 человек (27,7 %). На освобождавшихся от кочевников местах формировали переселенческие участки, куда в конце XIX в. переселялись русские, украинцы, немцы, мордва и пр.

Особое положение занимал Бийский округ (Горный Алтай). Здесь коренное население состояло из кочевых калмыков, полуоседлых черневых татар, которых насчитывалось в 1858 г. 22 698 человек (14,8 %); в 1897 г. – 41 883 человека (16,5%). Часть их крестилась и перешла к земледелию.

В начале XIX в. русские поселки располагались здесь только на юге округа в долинах рек Нарыма и Бухтармы, и главным образом это были старообрядческие колонии в Верхнем Уймоне. В отличие от других районов Западной Сибири, в Горном Алтае раскольники составляли значительный процент населения: в 1858 г. – 5,2 в 1897 г. – 7,8⁷⁸. А с 1865 г. благодаря указу о свободном переселении на Алтай⁷⁹ сюда стали ежегодно переселяться от 400 до 600 человек из Европейской России, в основном русские и мордва.

Во второй половине XIX в. здесь появились казахи⁸⁰. Часть их кочевала в высокогорье с алтайцами, а часть осела в миссионерских селах. В конце XIX в. их было 2 133 человека (0,6 % населения района).

Расселение этносов в Горном Алтае в исследуемый период было смешанным. Миссионерские села, изначально задуманные как общие для русского и коренного православного населения, так и состоялись. Торговые поселения на Чуйском тракте тоже были полиэтничны⁸¹. Новые поселки возникали из заимок русских крестьян и телеутов среди кочевий калмыков, а затем превращались в переселенческие села. Таким образом, на Алтае была этническая чересполосица.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. Т. 1. С. 20.

² *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–XX веках. М.: Наука, 1998. С. 104–105.

³ Там же. С. 68–72.

⁴ Там же. С. 136–137.

⁵ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии: Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск, 1913. Вып. 1. С. 59.

⁶ Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М.: ИАЭ РАН, 1994. С. 158–193. *Кулемзин В.М. Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. С. 3.

⁷ Там же. С. 138–157.

⁸ *Долгих Б.О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. С. 115.

⁹ Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М.: ИАЭ РАН, 1994. С. 42–43; 46–49; 52, 55, 56, 191–193. Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л., 1929. С. 37–39.

¹⁰ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: СО РАН, 1997. С. 161.

¹¹ *Орлова Е.Н.* Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928. С. 48–55.

¹² *Тугалуков В.А.* Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. С. 237–271.

¹³ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888–1892 гг. Вып. 1–22.

¹⁴ *Селезнев А.Г.* Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. С. 5.

¹⁵ *Томилов Н.А.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 7–10.

- ¹⁶ Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М.: ИАЭ РАН, 1994. С. 223, 235, 241.
- ¹⁷ *Нагнибеда В.Я.* Экономическое положение Причудымского края. Томск, 1927. С. 68–105; *Тюрки Таяжного Причудылья.* Томск, 1991. С. 26–105.
- ¹⁸ *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск: СО РАН, 1996. С. 39–50.
- ¹⁹ *Валеев Ф.Т.* Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX века. М.: Наука, 1965. С. 6–9.
- ²⁰ Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л.: АН СССР, 1929. С. 49.
- ²¹ *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. С. 12.
- ²² *Радлов В.* Этнографический обзор тюркских племен южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1887. С. 7–8; *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1898. С. 21–22.
- ²³ *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. СПб., 1912. С. 68; *Швецов С.П.* Горный Алтай и его население. СПб., 1900. Т. 1. С. 31–57.
- ²⁴ Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л.: АН СССР, 1929. С. 54–56.
- ²⁵ *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XIX–XX веках. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. С. 6–19.
- ²⁶ *Ядринцев Н.М.* Начало оседлости. СПб., 1894.
- ²⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1904. Томская губерния. С. 18–20; Тобольская губерния. С. 30–31. Акмолинская область. С. 18.
- ²⁸ *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. С. 58.
- ²⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1995. Л. 60–61, 367.
- ³⁰ Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859 г. Тобольская губерния. СПб., 1871. С. CLI–CLXXVIII.
- ³¹ Белорусы в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2000. С. 65.
- ³² ГАТО. Ф. 3. Оп. 36. Д. 229. Л. 2–235; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 3. Д. 1360. Л. 1–4.
- ³³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1318, 1319; Оп. 54. Д. 676.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6627. Л. 283–290.
- ³⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7544. Л. 5–7; 9–11. *Митина Н.П.* Во глубине сибирских руд. М.: Наука, 1966. С. 13.
- ³⁶ *Нам И.В.* Формирование этнодисперсных групп в составе населения Сибири в XIX – начале XX века // Американский и Сибирский фронтир. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 186.
- ³⁷ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 20. Д. 203. Л. 8–163; ГАТО. Ф. 3. Оп. 56. Д. 191, 197, 105. *Островский Л.К.* Численность, состав и размещение польских политических ссыльных в Сибири (середина 90-х гг. XIX века–1917 г.). // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 143, 146.

- ³⁸ Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л.: АН СССР, 1929. С. 29.
- ³⁹ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: СО РАН, 1998. С. 154.
- ⁴⁰ *Валеев Ф.Т., Тамилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск: СО РАН, 1996. С. 52–59.
- ⁴¹ Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М.: ИАЭ РАН, 1994. С. 240.
- ⁴² Список населенных мест по сведениям 1859 г. Томская губерния. СПб., 1868. С. LXXXII.
- ⁴³ *Коровушкин Д.Г.* Чуваши Западной Сибири. Новосибирск: СО РАН, 1997. С. 4–5.
- ⁴⁴ *Зиновьев В.П.* Определение южных границ Западной Сибири в XVIII–XX веках // *Сибирь и Центральная Азия: Проблемы региональных связей.* Томск, 2000. Вып. 2. С. 5–9.
- ⁴⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16474^а. Л. 1.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1112. Л. 40–41, 107.
- ⁴⁷ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9378. Л. 11–12.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 33–119.
- ⁴⁹ Там же. Д. 2457. Л. 49, 61.
- ⁵⁰ Там же. Д. 2682. Л. 16, 44.
- ⁵¹ Там же. Д. 2770. Л. 49.
- ⁵² Там же. Д. 2336. Л. 19–21.
- ⁵³ Там же. Д. 2770. Л. 49, 54.
- ⁵⁴ Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. Семипалатинск, 1902. С. 3.
- ⁵⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 312. Л. 35–51.
- ⁵⁶ Там же. Д. 1630. Л. 41.
- ⁵⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб., 1904. Т. 81. Акмолинская область. Табл. XXV.
- ⁵⁸ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1998. С. 159.
- ⁵⁹ Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М.: ИАЭ РАН, 1994. С. 240;
- Проваторова О.М.* Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири. Л., 1986. С. 8–13.
- ⁶⁰ *Мучник Ю.М.* Очерки из истории евреев в досоветской Сибири. Томск: Пиллад, 1997. С. 4–14.
- ⁶¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2742. Л. 1.
- ⁶² Объяснительная записка для этнографической карты Сибири. Л.: АН СССР, 1929. С. 32.
- ⁶³ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: СО РАН, 1998. С. 154.
- ⁶⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9694. Л. 1–21.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 9. Д. 25537. Л. 1–35.
- ⁶⁶ ГАОО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–95; *Маамяги В.А.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. С. 10.
- ⁶⁷ *Лоткин И.В.* Современные этнические процессы у латышей и эстонцев в сельскохозяйственных районах Западной Сибири. Новосибирск, 1993: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 5–20.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 10. Л. 201.

⁶⁹ Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 259. Л. 83.

⁷⁰ *Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири во второй четверти XIX века. Новосибирск: Наука, 1987, С. 44–49.

⁷¹ Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. Т. 60. С. LXXXII.

⁷² Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л.: АН СССР, 1929. С. 33–35.

⁷³ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: СО РАН, 1998. С. 154.

⁷⁴ *Нам И.В.* Формирование этнодисперсных групп в составе населения Сибири в XIX – начале XX века // *Американский и Сибирский фронтир.* Томск, 1997. С. 185.

⁷⁵ *Виле П.П.* Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков // *Немцы. Россия. Сибирь.* Омск, 1997. С. 20, 31, 34, 37; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии: Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск, 1913. Вып. 1. С. 59.

⁷⁶ *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав Сибири. СПб., 1911. Т. 2. С. 2–5.

⁷⁷ Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810.

⁷⁸ Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. Т. 60. С. LXXXII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. С. 72–75.

⁷⁹ *Ядринцев Н.М.* Заселение Алтая и движение современной колонизации // ЗСО ИРГО. Омск, 1880. Ки. 2. С. 113.

⁸⁰ *Зиновьев В.П.* Алтайский округ Кабинета во внешней политике России XVIII – начале XX века // *Актуальные вопросы истории Сибири.* Барнаул, 2000. С. 9–15.

⁸¹ ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 1–61.

1.2. МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Для выяснения межэтнического взаимодействия в хозяйственной сфере необходимо также представить себе общую картину занятости разных народов в отраслях экономики Западной Сибири. В XIX – начале XX в. здесь интенсивно шло промысловое, аграрное и лишь на-

чиналось индустриальное освоение. Народы, сосредоточившиеся в этом регионе: ссыльные поляки, русские крестьяне, ненцы-оленеводы, бродячие охотники-эвенки находились на различном уровне социально-экономического развития. Именно этот фактор во многом обусловил сложившееся здесь разделение труда. Представление о нем можно получить из таблиц, составленных на основании данных, взятых из погубернских томов Первой всеобщей переписи населения 1897 г.¹ Кроме всего прочего, там содержатся сведения о распределении населения по основным группам занятий на основании родного языка. Таблицы составлены по округам, как они выделены в самой переписи. Одни данные показывают соотношение народов в каждой отрасли хозяйства, другие отражают доли занятости каждого народа во всех отраслях экономики региона.

На Севере основными видами деятельности были охота, рыболовство, лесные промыслы, в Березовском округе – животноводство. В более южных районах значимым становится земледелие (см. табл. 24–27).

Основными занятиями русских, как и всех остальных, были охота и рыболовство, а в Сургутском округе 20 % их занималось лесными промыслами (сбор кедрового ореха, ягод, грибов и пр.), 6–8% русского населения торговали зерном и другими продуктами сельского хозяйства. Около 4% русских обрабатывали животные продукты, дерево, металлы, шили одежду. Довольно значительной – около 5 % была среди русских доля чиновников, занятых в администрации и государственных учреждениях, тогда как большинство населения здесь было “инородческое”.

Ханты, наиболее многочисленный народ Тобольского Севера, главным образом тоже охотились и добывали рыбу. Комбинации этих промыслов были различными, но, как правило, ханты охотились зимой (для сдачи ясака), а летом и в начале осени рыбачили. В Березовском округе 16,5 % хантов жили за счет оленеводства; 0,5 % их обрабатывали шерсть, кожи, меха и пр., столько же торговали продуктами.

У зырян Березовского округа было два основных направления деятельности: рыболовство (41 %) и оленеводство (36 %). Почти 5 % их занимались обработкой дерева и металлов, шили одежду. 1,3 % зырян торговали всем, в частности кожами и мехами. Торговля предметами

первой необходимости (одежда, посуда, утварь) сочеталась у них с оленеводством. Товар перевозили на оленях. Исследователи Севера А.А. Дунин-Горкавич и В. Бартенев отмечали полезность зырян для местного края, указывая на то, что именно они сделали тундровое оленеводство товарным². В этом они составляли конкуренцию аборигенам края – ненцам.

Более 70 % ненцев были оленеводами. Ненцы-оленеводы также занимались охотой для сдачи в ясак и для торговли, а при случае и рыбачили для себя. Кроме того, более 20 % ненцев главным образом охотились и рыбачили.

Большинство манси жило в Туринском округе, и почти 70 % их занимались земледелием. Однако 25 % их главными занятиями считали охоту и рыболовство.

Необходимо отметить тот факт, что на севере животноводство и лесные промыслы были если не главными, но все же обязательными и широко распространенными занятиями всего населения. Русские, как правило, держали коров, лошадей, овец, собак, иногда оленей, коренное население – ханты и ненцы – преимущественно собак и оленей³. Лесные промыслы носили временный, сезонный характер и удачно сочетались с основными видами деятельности.

Если взглянуть на соотношение народов в отраслях хозяйства Тобольского Севера, то можно обнаружить, что все сферы коммуникаций, управления и торговли сосредоточивались в руках пришлого населения. На 95 % администрация здесь была русской, причем оставшиеся до 100 проценты наряду с хантами добирали ссыльные поляки. Довольно значительный по численности этнос – ненцы – во власти практически не был представлен.

В основном русские пробовали здесь заниматься земледелием (огородничеством). Они же главным образом специализировались на эксплуатации лесных ресурсов (52–99 %), большинство торговцев тоже были русскими (65–98 %). Небольшую конкуренцию в торговле им составляли ханты (5,4–18 %), а в Березовском округе – еще зыряне и евреи. Больше половины животноводов севера были ненцами, а 33% – хантами и 12% зырянами. 60–80% охотников рыболовов являлись

хантами, менее 20% – русскими, около 7% – ненцами и зырянками. Незначительная часть татар, живших на севере, занималась ремеслами и рыболовством.

Данные по Нарымскому краю невозможно выделить из таблицы по Томскому округу. Для того чтобы представить себе картину хозяйственного взаимодействия народов в регионе, удобнее воспользоваться данными Н.Я. Нагнибеды, собранными им в 1910–1911 гг.⁴ В сводной таблице по Нарымскому краю он привел все виды деятельности населения и доходы от них. Не выделяя для каждого хозяйства основное занятие, он показал в каждом виде деятельности количество занятых им хозяйств, что позволяет представить разделение труда еще точнее.

Как видно из табл. 26, больше половины русских хозяйств занималось земледелием, более 90% держали скот, более 70% ловили рыбу и 30% охотились, тогда как у коренного населения только 2% хозяйств в основном занимались земледелием и 7,8% – скотоводством. Дополнительные занятия населения выделены у Н.Я. Нагнибеды отдельно. Наиболее популярными у русских были лесные промыслы, затем ремесла (особенно у новоселов), торговля и батрачество. Коренное население было активно в основном в ремесле и рыболовстве⁵. Одни и те же русские хозяйства сочетали в себе все сельскохозяйственные занятия с охотой, рыболовством и лесными промыслами, тогда как селькупские и хантыйские хозяйства комбинировали обычно рыболовство, охоту и животноводство. Большая часть русских пашенно-промысловых хозяйств в Нарымском крае располагалась по рекам Оби, Кети, Ягодной, Чае и Парабельскому кряжу. Основная масса “туземных” промысловых хозяйств в начале XX в. – по рекам Кети, Тыму, Парабели и Васюгану. В их число входили также охотничье-оленьеводческие эвенкийские хозяйства.

Из всего вышеописанного видно, что промысловое освоение Севера в XIX – начале XX в. сопровождалось господством пришлых этнических групп в сферах торговли и управления и проникновением их на хозяйственные угодья коренного населения, что привело к усвоению пришлыми этносами местных способов жизнеобеспечения.

В центральном сельскохозяйственном районе главным источником благосостояния населения было, конечно, земледелие. В северных округах его дополняли лесные промыслы, охота и рыболовство, а в более южных существенный вес приобретали ремесла и животноводство.

Более 80% русского населения региона занимались земледелием. Меньшей доля земледельцев была только в Томском, Тобольском и Тюменском округах, где находились большие города, центры ремесла и торговли. 3–5% русских содержали себя за счет ремесел и кустарной промышленности, в Тюменском округе – 13%, в Томском и Кузнецком – 9,5%, в Мариинском – 7,3%. Причем в двух последних эта доля вырастает благодаря занятости в добывающей промышленности. Процент русских, основным занятием которых являлась торговля, колебался от 0,8 до 1,6, кроме Тюменского (3,9%), Томского (4,8%) и Тобольского (2,7%) округов. Занятость их в администрации была не очень высока – не выходила за пределы 1%. Разумеется, за исключением округов с крупными городами: в Тобольском – 2,4%, в Тюменском – 1,3%, в Томском – 1,4%. Лесными промыслами специально занимались только 2% русских в Томском и Кузнецком округах. А охота и рыболовство были главными источниками доходов для 4% русских только в Тобольском и Томском округах. И это легко объяснить, ведь в них существовали обширные северные зоны, где население жило за счет этих промыслов. В Туринском округе, где северный Пелымский край населяли манси, 70% которых уже занимались земледелием, процент русских охотников и рыболовов был незначителен. Зато лесные промыслы как подсобный вид деятельности были широко распространены среди всего населения.

Так же как у русских, распределялась занятость украинского и белорусского населения Западной Сибири. Восточные славяне успешно комбинировали основные занятия с побочными – торговлей, промыслами и ремеслами.

Под наименованием “татары” в таблицах переписи подразумеваются все коренные тюрки региона, пришлые татары и прочие мусульмане, в Сибири входившие в одну социокультурную общность. Основными занятиями “татар” были земледелие, рыболовство, торговля;

70–80% их занимались земледелием. Только в Томском и Кузнецком округах доля пахарей-татар составляла 50 %, так как большая часть коренного населения промышляла охотой и рыбной ловлей: 40 % шорцев в Кузнецком округе и 17% чулымцев – в Томском. В Томском округе также была самая большая доля торгующих татар – 8,4%; в Тюменском несколько меньше – 3,4%. В остальных округах процент наиболее зажиточных “татар”, занимающихся в основном торговлей было 1–2 %. Главным образом это были бухарцы и пришлые казанские татары. Столько же “татар” жило за счет ремесел и кустарных производств? В Томском и Тарском округах их доля доходила до 4%. Охотой и рыболовством по округам занималось разное число “татар”. Самый большой процент был в Мариинском округе у чулымцев – 15,8, затем в Тобольском – 5,8 (у ясколбинцев), в Тюменском и Каинском округах – 3,8 (у тюменских татар и барабинцев), в Тарском округе – 3, в Ялуторовском – 1. В Кузнецком, Тарском, Тобольском и Томском округах 1–2 % тюрков работали в лесопромышленности (заготовка леса, пилка, изготовление теса и плах)⁶. В администрации края тюрков практически не было. Все они сочетали свои основные виды деятельности с лесными промыслами, сенокошением и извозом.

Поляков в Западной Сибири проживало значительно меньше тюрков, однако их доля в администрации была значительной в каждом округе: в Кузнецком – 15,3%, в Тобольском – 14,6, в Тюменском – 7,6, в Туринском – 5,7, в Ялуторовском – 4,5, в Томском – 4 % и т. д. Но все же основными занятиями поляков в центральной полосе Западной Сибири были ремесла и кустарные производства: изготовление одежды; обработка волокнистых веществ, дерева, металлов; пиво-вино-медукурение и пр. Доля их среди ремесленников сильно варьируется: от 12 до 32 % в разных округах. Особенно много поляков в этой сфере было занято в Кузнецком и Мариинском округах, где они работали также в добывающей промышленности и практически не занимались земледелием, тогда как в большинстве других округов поляки-земледельцы составляли около 20 % от своего этноса, а в некоторых и больше (в Тарском – 60%, в Мариинском – 47%, в Каинском – 58%). Доля поляков-торговцев колебалась: от 5,6% в Тарском округе, 7–9 % в Ка-

инском, в Туринском, в Ялуторовском, в Тюменском и Томском округах, 12–13 % в Марининском и Кузнецком до 17,4 % в Тобольском округе от численности самодельных лиц своего этноса. Торговали они всем понемногу, но главным образом продуктами питания, вели питейную торговлю, содержали буфеты и рестораны. Охотой и рыболовством они практически не занимались, животноводством – только в Каинском округе (2,3 %), а лесными промыслами – только в Томском округе (3,7%).

Основными занятиями евреев центральной полосы были также торговля и ремесло. Во всех округах, кроме Томского, большая часть евреев торговала (от 30 до 50%). Ремесла и кустарные производства были основными способами получения доходов для 16,5–29,3% евреев центральной полосы, особенно в Томском округе. Единственная заметная по численности колония евреев-земледельцев была в Каинском округе (355 человек) – 15% от всех евреев в округе. Чуть больше 30 человек евреев обрабатывали землю в Тарском и Марининском округах, в остальных округах еврейских земледельческих колоний не сложилось.

Интересной представляется специализация зырян в земледельческой полосе Западной Сибири. В Тюменском округе их главным занятием было ремесло, во всех остальных – земледелие (90%). Основным делом мордвы, чувашей, башкир, пермяков было тоже земледелие (см. табл. 27–35).

Межэтническое разделение труда в центральной полосе Западной Сибири в конце XIX в. было таково: более 90% людей в администрации, суде, полиции и на службе были русскими, что неудивительно, так как здесь они составляли большинство населения. Социокультурная общность “татары”, в состав которой входили в основном коренные тюрки, в управлении практически не участвовала, тогда как поляки стабильно составляли 2–3 % в администрации округов. Их доля увеличивалась в губернских округах и в округах, связанных с добывающей промышленностью. Земледелие в центральной полосе было, естественно, основным занятием большинства населения. И это большинство составляли русские – 80% всех земледельцев. Их существенно дополняли украинцы, белорусы, мордва, зыряне, пермяки и пр. Доля

“татар” в этой области деятельности рознилась по округам. Наиболее значительной среди хлебопашцев была доля “татар” в Томском округе – 20,2%, в Тюменском – 12,5%, в Кузнецком – 11,5%, в Тарском – 8%, в остальных – около 3% и в Туринском округе – 0,5%. Доля поляков и евреев среди земледельцев была незначительной. Охота и рыболовство в центральной полосе имели значение в тайге Тобольского, Туринского, Томского, Мариинского и Кузнецкого округов, где ими занималось в основном коренное население: ханты, манси, селькупы, шорцы, чулымцы а также русские. Более 70 % занятых в лесных промыслах составляли русские, за исключением Тобольского округа (47,5 % русские и 51,6 % татары).

Животноводство, как основной вид деятельности, было эффективно в степных районах Тарского и Каинского округов. Животноводами здесь были русские, казахи и барабинцы. Впрочем, содержание скота было необходимым условием для всех земледельцев.

Большинство ремесленников и торговцев также были русскими, но здесь другие этнокультурные группы составляли им конкуренцию. Например, в Каинском округе среди торговцев было 50% русских, почти 35% евреев, 6 % цыган и 5 % поляков. Русских среди ремесленников было 81,3%; поляков – 4, евреев – 6,7, татар – 2%. Сходная ситуация образовалась и в Мариинском округе. Там торговали 60% русских, 4 – татар, 5,7 – поляков, 26,5 % – евреев. Ремеслом, кустарными производствами и добывающей промышленностью занимались: 88 % русских; 1,4 % татар; 2,3 % поляков; 4,7 % евреев. В Томском округе в сфере торговли работали 80% русских; 7,2 татар; 2,4 поляков; 7,5 евреев, в ремесле – 88,5 русских; 2 татар; 4 евреев; 2% поляков. В Тобольской губернии значительное место в торговле занимали татары – 9–13% и около 2% – в ремесле, а в Тарском округе – 6% благодаря входившим в их состав сибирским бухарцам. Евреи значительное место занимали только в Тобольском округе – 7,2% среди ремесленников и 12,5% среди торговцев. Поляки составляли около 2 % среди ремесленников и около 3 % среди торговцев в Тобольском и Тарском округах. Итак, в центральной земледельческой полосе пришлое и коренное население занималось главным образом сельским хо-

зяйством, конкурируя из-за пахотных земель и сенокосных лугов. В других видах хозяйственной деятельности население разделилось на этнокультурные группы, которые дополняли друг друга.

В южной степной полосе основным занятием населения Западной Сибири было также земледелие, которое стало здесь масштабным только во второй половине XIX в. в ходе аграрной колонизации. К концу века кочевники-скотоводы (казахи) практически ушли из степей Тобольской губернии. Однако в Омском округе (на линии) и на юге Томской губернии они присутствовали в значительной степени (см. табл. 36–41).

Традиционно 0,4–0,5% русских трудились в сфере управления. Только в Омском округе в администрации их было занято 4,3%, поскольку Омск был центром генерал-губернаторства. В нем же доля русских, занятых в земледелии, составляла 30 %, тогда как в остальных округах обычно более 80 %. Животноводством русские занимались во всей южной полосе, но только в Тюкалинском и Курганском округах доля их была заметной (3,4 и 2,9 %), тогда как в других округах не доходила до 1 %. Возможно, это связано с почти полным отсутствием в указанных округах к 1897 г. казахов-животноводов. Ремеслом и кустарным производством в южных округах Тобольской губернии занималось более 2 % русских, а в Омском, Барнаульском и Змеиногорском округах их было 5 %. В Тобольской губернии с ними активно конкурировали татары, поляки, евреи. Во всех округах, кроме Омского, доля торгующих среди русских была около 1 %. В Омском округе – 7,7 %.

Казахи, второй по численности народ южной полосы Западной Сибири, в администрации работали в незначительном количестве. В Тобольских округах их главным занятием было земледелие, особенно в Тюкалинском – 97 %. А животноводство являлось основным видом деятельности только для 1,3 % казахов в Ишимском округе. В Тобольском же округе, наоборот, земледелием занимались 1,5% казахов, а животноводством – 94,8%. В южных округах Томской губернии кочевыми скотоводами были 45–56 % казахов, а оседлыми земледельцами – 27–37 %. Эта картина поэтапно отражает процесс оседания казахов в южной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ремес-

ло и кустарные производства составляли основные занятия 16% казахов в Курганском округе и 5,4% в Ишимском. Они обрабатывали шкуры, шерсть, шили одежду, делали снаряжение для верховой езды, кумыс. В этих же округах 8,8 и 2,5% казахов соответственно занимались торговлей. Торговали они в основном продуктами животноводства, одеждой, кожами, живым скотом. В Омском и Тюкалинском округах доля ремесленников и торговцев среди казахов была незначительной. В Барнаульском и Змеиногорском округах торговали около 1% казахов, а 4% были заняты на заводах и рудниках Алтайского горного округа.

Поляки в южной полосе, как и везде, занимали свою нишу в административной – около 2% (в Тюкалинском округе – 4%). Земледелием занималось 20–30% поляков, особенно мало в Омском округе – 6,6%. А в Тюкалинском почти 70% поляков были земледельцами. Ремесла и кустарные производства являлись основными занятиями около 20% поляков в Омском округе и на юге Томской губернии, около 10% в Ишимском и Тюкалинском округах, 1,6% в Курганском. Доля торговцев среди них колебалась от 5,5% до 14%.

“Татары” в южных округах Западной Сибири состояли в основном из пришлых тюркских народов, да и коренные тюрки были здесь вне мест своего первоначального проживания. Больше половины их обрабатывали землю. Животноводством занимались только 2,9% татар в Барнаульском округе (алтайцы). Значительное количество их торговало и занималось ремеслами. В ремесле работало от 2,8 до 7,4% татар, от 3,3 до 49,2% их торговало.

Евреев, за исключением Омского округа, в южной полосе было немного. И здесь они практически не занимались сельским хозяйством, а направляли свои усилия в ремесло, строительство, транспорт а в основном торговлю (40–50%).

Около 90% населения среди пришлых этнических групп в южных округах занимались земледелием: украинцы, белорусы, финны, эсты, латыши, зыряне, чуваша, мордва, пермяки и пр. Большинство пришлых немцев тоже занимались земледелием, а 3–15% их было занято в ремесле и сложном ручном производстве.

Межэтническое разделение труда в южных округах Западной Сибири в целом было таким: среди работающих на государственной службе, в администрации, суде, полиции более 90 % были русскими, 1–3 – украинцами, 1–4 % – поляками, в Тюкалинском округе 3,2% – казахами. Более 80 % земледельцев являлись русскими (в Омском округе 67,6%). В Тюкалинском округе, кроме них, 10 % земледельцев были украинцами; 2,7% – казахами; 0,5% – поляками; по 1–1,5% приходилось на латышей, эстов, зырян, белорусов. В Омском округе, кроме русских, занимались земледелием 2,4% казахов и 11,5% немцев. В округах Томской губернии 87% земледельцев были русскими, остальные – казахи, татары, мордва. Более 96% животноводов на юге Тобольской губернии были русскими, а в Омском округе 99 % – казахами. В степных округах Томской губернии животноводами были: в Барнаульском – 57,3% русских и 38,5% казахов, а в Змеиногорском – 12,3 и 87,3 % соответственно.

80–90% людей, занятых в производстве, а также ремесленников и торговцев были русскими, около 1% казахами. Только в Омском и Змеиногорском округах в производстве работало 5% казахов, в основном в добывающей промышленности (добывали соль, руду). А среди торговцев этих же округов казахи составляли 2,5–3,9%. Большие доли в этих отраслях приходились на евреев, поляков, немцев – до 3% в ремесле, до 9% в торговле. По 1–1,5% в ремесле занимали выходцы из Прибалтики и белорусы. В торговле 3–6% составляли цыгане. Лесными промыслами, охотой и рыболовством на юге Западной Сибири занималось только небольшое число русских.

В округах Тобольской губернии в конце XIX в. процесс оседания казахов и вытеснения кочевников уже практически завершился, в отличие от Томской губернии, где он шел полным ходом, а в Омском округе только начался. Здесь в исследуемый период скотоводческие округа превращались в земледельческие в ходе аграрной колонизации. Помимо сельского хозяйства, казахи активно включались в производственную сферу. А благодаря появлению этнических диаспор из экономически развитых районов России на юге Западной Сибири получили дальнейшее развитие ремесла и торговля.

Горный Алтай, а в административном отношении – Бийский округ, выделен в особый район как в силу специфического состава населения, так и по причине его хозяйственного многообразия. На равнинах и в горных долинах здесь было возможно земледелие, на лесных склонах и плоскогорьях – животноводство, в лесах – охота и сбор кедрового ореха, на озерах и реках – рыболовство. Наличие Чуйского и Уймонского трактов сказывалось таким образом, что 1/4 всего населения занималась извозом как главным, так и как второстепенным делом⁷.

85% русских, 90% украинцев, 99% белорусов здесь обрабатывали землю. Основным занятием 2% русских было животноводство, 0,7% – лесные промыслы; 4% русских и украинцев были заняты ремеслами, изготовлением одежды, работали в добывающей промышленности; 1,5% русских вели торговлю на Чуйском и Уймонском трактах.

Большинство алтайцев (66%) занималось кочевым скотоводством, 25% осваивали земледелие в миссионерских станах и в совместных поселениях с русскими, украинцами и мордвой; 1,5% их жило за счет местных промыслов, а 2,3% – благодаря охоте и рыболовству (тубалары и кумандинцы); 0,7% алтайцев были заняты ремеслами, главным образом, сапожным, выделкой шкур, шитьем тулупов и пр.; 0,5% их торговали тканями и предметами одежды.

Почти половина казахов (46%) перешли к земледелию и вели хозяйство в миссионерских и крестьянских поселках; 33% их кочевали в Чуйской степи и прилегающих районах; 6% казахов занимались кузнечным делом, обработкой шкур, шитьем одежды, плетением узд и шлей, изготовлением стремян и пр.⁸; 1,2% их торговали, как и цыгане, живым скотом.

Большинство мордвы, зырян, пермяков, чувашей в Бийском округе обрабатывали землю. Поляки, немцы, евреи, эсты находили свое место в ремеслах и торговле (см. табл. 42).

Межэтническое разделение труда в Бийском округе выглядело следующим образом. В управлении было занято 93,5 % русских; 4,5 % алтайцев и 1,3 % украинцев. Среди земледельцев Горного Алтая 93,5 % являлись русскими, 4 % алтайцами, 0,7 % украинцами и столько же белорусами, 0,4 % казахами и столько же мордвой. Животноводы

здесь на 80 % состояли из алтайцев, на 16,5 % из русских, на 2 % из казахов. Среди занятых лесными промыслами 75,5 % было русских, 22,4 % алтайцев, 0,5 % мордвы; среди занятых охотой и рыболовством – 74 % алтайцев и 26 % русских. Среди ремесленников 94,4 % были русскими, 2,3 % алтайцами, 0,9 % казахами, 0,6 % украинцами, 0,5 % мордвой (керамика). Торговцы на 90 % состояли из русских, на 4,4 % из алтайцев, на 2,7 % из цыган, на 0,5 % из мордвы и казахов.

На Алтае активно протекали все три процесса освоения края – промысловый, аграрный и индустриальный. В результате сталкивались интересы казахов, алтайцев и российских переселенцев из-за пользования лесными промыслами, сенокосами, возникали споры. Алтайцы и казахи делили пастбища для скота, а у русских и казахов возникали конфликты в индустриальной сфере.

Города Западной Сибири, безусловно, имели свою хозяйственную специфику. Главными занятиями населения здесь были ремесло, торговля, наемный труд. Большее значение, чем в округах, здесь имели сфера управления и транспорт, и гораздо меньшее – сельское хозяйство и промыслы. Этнический состав городов определялся их экономическими особенностями и также соответствовал трем хозяйственным полосам Западной Сибири. Северные, главным образом русские города, во всех основных отраслях являли образец русской колонизации. Русские монопольно присутствовали во всех отраслях хозяйства. Северные народы здесь либо работали по найму у русских, либо занимались промыслами. Ссылные поляки (3 из 8 человек в Березове, 4 из 6 человек в Сургуте, 7 из 67 человек в Туринске) работали в администрации. Евреи были заметны только в Березове, где в 1897 г. все 29 евреев торговали продуктами сельского хозяйства. А зыряне в Березове (132 человека) были заняты ремеслом (23 человека) и строительством (82 человека). В Обдорске русские (378 человек) и зыряне (290 человек) вели сходный образ жизни – летом выезжали на рыбную ловлю, а зимой торговали с ненцами⁹.

Нарым был с экономической стороны русским городом. В 1900 г. во всех 32 торговых и промышленных заведениях города владельцами были русские крестьяне и мещане¹⁰.

В уездных городах центральной и южной полосы Западной Сибири также большинство всех занятых в производственных отраслях составляли русские и около 1% украинцы. Но некоторые из них имели свои особенности. Например, в Кургане проживала самая крупная, за пределами Березовского округа городская колония зырян – 94 человека. 59 из них были заняты строительством, 12 человек – торговлей, 8 человек – ремеслом. В Таре сосредоточивался значительный анклав тюркских этносов – 613 человек. Большинство их являлись сибирскими бухарцами, которые занимались торговлей¹¹. Особенно известны бухарцы Айтыкины, у которых уже в 1842 г. был кожевенный завод, а к 1896 г. купцы Айтыкины к тому же торговали мануфактурным и другим товаром¹². В Колывани обосновалось 474 представителя мордвы, которые главным образом работали по найму (164 человека), обрабатывали землю (150 человек) и были заняты ремеслами (102 человека); изготовлением предметов домашнего обихода. В небольшом городе Каинске, где евреи составляли 15% населения, они присутствовали во всех отраслях хозяйства. Однако особенно много их было в ремесле и торговле. В ремесле было 236 человек (22% всех ремесленников), а в торговле – 395 человек (44% всех торговцев).

Примерно так же дело обстояло и в Мариинске. 229 евреев в ремесле составляли 13% всех занятых в этой отрасли, а 385 евреев в торговле – 35% всего торгующего населения Мариинска. В Кузнецке обосновалась группа коми-пермяков – 73 человека, большая часть которых работала в строительстве. В Барнауле необычайно много было городского казахского населения – 105 человек. Они здесь работали чернорабочими, занимались животноводством, извозным промыслом и торговали продуктами животноводства и живым скотом.

В крупных городах, помимо русских, заметную роль играли группы украинцев, немцев, поляков, татар, евреев, а в Омске еще и казахов (см. табл. 43–46). Среди русских процент занятых в администрации сильно колебался: от 3,6 в Тюмени до 12,3 в Тобольске. Учебной, воспитательной, врачебной и благотворительной деятельностью занимались более 3% русских. В ремеслах и кустарной промышленности их было задействовано около 20%, больше всего в Тюмени – 27%. В

строительстве русских работало 7–10%. Транспорт в городах обеспечивали 3% русских в Тобольске, 6 – в Томске и Омске, 12% – в Тюмени. В торговле участвовали 11–14 % русских. Евреи практически не работали в администрации, за исключением Тобольска – 2%, а также они не занимались свободными профессиями. Только в Томске 3,6% их были заняты в образовании и медицине – здесь был их культурный и религиозный центр. 30% евреев в городах занималась всеми ремеслами, включая сложное ручное производство: часовое, ювелирное; изготовление инструментов, предметов роскоши, полиграфию. Строительством были заняты 5–6% евреев. Основным видом транспорта, в котором работали евреи, был извоз. Поэтому в губернских городах Томске и Тобольске евреев-извозчиков было 13 и 10%, а в Тюмени и Омске, через которые прошла Транссибирская магистраль, они транспортом практически не занимались. Большая часть евреев (30–40%) торговала. В Томске в 1900 г. было около 170 еврейских лавок, которые вели продажу мяса, готового платья, вина и пр.¹³ Еврейки-хозяйки предприятий содержали магазины одежды, белья и галантереи; прачечные, бани, постоялые дворы, меблированные комнаты и публичные дома¹⁴. В Томске из 10 купцов 1-й гильдии один был евреем; из 104 купцов 2-й гильдии – 25 были евреями¹⁵.

Татар, так же как и евреев, практически не было среди чиновников и интеллигенции, за исключением Томска, где 2% татар (пришлых) были заняты свободными профессиями, в основном медициной. 10–14% татар занималось ремеслами: обработкой металлов, выделкой шкур, меха, шерсти, шитьем одежды, изготовлением предметов домашнего обихода. В Тюмени и в Омске в строительстве работали 12–17% татар, а в губернских городах – незначительное количество. Извозный промысел организовывали 16% татар, кроме Омска (там эту нишу занимали казахи.) 17–19 % их, а в Томске 36% торговали. Бухарцы, узбеки, персы и другие выходцы из Азии вели торговлю фруктами и азиатскими товарами. Томские и тобольские татары продавали кожу, пушнину и пр. Казанские татары скупали сырье, держали мануфактурные и мясные лавки, портняжные мастерские.

Среди поляков большую долю составляли чиновники – 7–8%, а в Тобольске – 16%. Свободными профессиями занимались 7,5% поляков, в Томске и Тюмени – около 4%. Большинство из них имели врачебную или юридическую практику. Около 20% поляков были заняты в ремесле и кустарном производстве. Они лидировали в пищевой промышленности Сибири: кондитерском деле, пивоварении и винокурении. В Томске в 1900 г. они держали около 20 колбасных мастерских. Наиболее известны из них Ф. Богушевский и А. Юшкевич. В Омске и Тюмени более 8% поляков работали на железной дороге. В Томске 10% их были заняты на транспорте, в том числе половина занималась извозным промыслом, а половина работала на железной дороге. Торговали 10–18% поляков. У них были мелочные съестные лавки (колбасные, кондитерские и пр.), винные погреба. Они широко вели питейную торговлю (27 поляков купцов 2-й гильдии). Наиболее известны из них В.А. Поклевский-Козелл, Зеленевский.

Немцев в сфере управления было немного. Свободными профессиями зарабатывали себе на жизнь 6–14 %, причем во всех областях культуры, науки, образования. Большинство их ремесленничало – 22–26%, также охватывая весь список производств. Транспортom занимались 5,5% немцев: в Томске 8% в основном извозом, а в Омске главным образом на железной дороге. Торговали 7% немцев в Омске, 14–15% – в Тюмени и Томске. Нередко австрийские и германские подданные работали здесь представителями крупных германских фирм. Немцы держали аптеки, магазины канцелярских товаров.

6,5–8% украинцев во всех городах, кроме Тюмени, были чиновниками. Свободными профессиями их занималось незначительное число. 9,5–18,5% украинцев были заняты ремеслами и кустарными производствами, причем так же, как и для русских, для них характерно отсутствие специализации. В Тюмени их много было в строительстве – 11,2%. 7–13% украинцев работали во всех видах транспорта (кроме Тобольска – там их не было). Примерно столько же (7–13%) украинцев торговали, главным образом продуктами сельского хозяйства, спиртными напитками. Значительная часть их занималась гостинич-

ным бизнесом, разносной и развозной торговлей. Омские казахи и в городе главным образом были заняты животноводством, а 14% их торговали мясом и молочными продуктами, живым скотом. 7,4% казахов в Омске зарабатывали извозом.

Ремесла и работа по найму в городах были основными занятиями выходцев из Прибалтики. Половина цыган, обосновавшихся здесь, торговала живым скотом. 42% зырян были заняты в строительстве и 26% – в ремесле.

В городах в целом более-менее престижной работой занимались представители европейских народов, 80–90% из них во всех отраслях были русскими, около 1% – украинцами. В администрации и на государственной службе, кроме них, работали 3% поляков. Среди людей, занятых свободными профессиями в науке, культуре, образовании, врачебной практике и пр. можно выделить 2,5–5,5% поляков, 1–3% немцев, 2,5–5% евреев, а в губернских городах – 1–2% татар.

В качестве прислуги работали все. В сельском хозяйстве в городах, кроме русских и украинцев, были заняты по 1% татар, казахов, мордвы. Большая часть населения городов была занята ремеслами. Почти 5% ремесленников являлись евреями, в административных центрах – 7–10%. В транспорте, где русских было занято также 90%, а украинцев 2%; евреи составляли 4% (10% в Тобольске и Томске); 3,3% татары (9,6% в Тобольске); 2,5% поляки (10% в Томске). В торговле доля русских была меньше – 70–80 % населения, а евреев – около 10%, 4% татар и 2–3% поляков. Строительством были заняты главным образом русские – 90%, а также евреи, поляки, зыряне (см. табл. 47).

В городах Западной Сибири в конце XIX в. в индустриальной сфере русские и другие пришлые народы конкурировали и дополняли друг друга, используя навыки, приобретенные ими в Европейской России.

Итак, занятость доминирующей нации – русских – характеризовалась присутствием во всех экономических и политических структурах общества. Большинство – 80% занимались земледелием, 5% – ремеслами и добывающей промышленностью; 3,4% их работали по частному найму; прислужой, разнорабочими и пр.; 1,8% русских были

заняты устройством, ремонтом, содержанием жилищ и строительными работами и столько же торговали. По 1% русских жили за счет доходов с капитала, содержания частных лиц, казны, общественных учреждений, занимались деятельностью, не вошедшей в представленный список. Менее 1% русских отбывали здесь наказание. Столько же служили в вооруженных силах, при церкви, занимались свободными профессиями, животноводством, лесными промыслами, охотой и рыболовством, работали в транспорте и связи. Благодаря большой численности, русские во всех отраслях составляли большинство.

93% украинцев, которые сохраняли к концу XIX в. свою этническую самоидентификацию, прибыли сюда в ходе аграрной колонизации и занимались земледелием. 2% нашли свое место в ремесле. 1,6% работали по частному найму. В остальных отраслях хозяйства украинцев было занято менее 1% в каждой.

Такая же ситуация была и у белорусов Западной Сибири. 92% их обрабатывали землю. Почти 3% занимались ремеслами; 1,4% работали по найму; 1% – на строительстве и ремонте жилья.

Занятость представителей польской диаспоры, как и большинства ссыльных, характеризовалась меньшей привязанностью к определенному месту и более динамичными видами деятельности. К тому же сказывался экономический опыт метрополии. Только 33% поляков занималась земледелием; 16% – ремеслами и промышленностью; 10,6% – коммерцией и торговлей; 8,4% были заняты на транспорте; причем большинство железнодорожном; 8,8% поляков работало по частному найму; 4% – в сфере управления и столько же имели доход с капитала или находились на содержании казны и частных лиц; 3% поляков занимались прочими видами деятельности; 2,5% – свободными профессиями (особенно частной юридической практикой); 1,4% их отбывали здесь наказание и столько же специализировались на лесных промыслах и в пчеловодстве.

Поскольку перепись 1897 г. захватила только начало немецкого аграрного движения в Сибирь, то в это время земледельцев среди них было еще не так много – 62%. Остальные, приехавшие раньше, главным образом возмещали недостаток специалистов в сфере услуг и в

производстве. 13,8 % немцев занимались ремеслами и промышленностью, причем в основном добывающей, обработкой дерева и металлов, пищевых продуктов и изготовлением одежды. 5% немцев работали по найму; 3,2% торговали; 2,6% были заняты на транспорте, в основном на железной дороге. Столько же их посвятило себя свободным профессиям; 2,4% составляли рантье и люди, жившие на содержании частных лиц; 1% немцев входил в состав администрации.

Наиболее мобильной была занятость евреев, этнической группы, имевшей вековой опыт сегрегации. Только 5% их занимались земледелием. Большинство их (40%) торговали мелочным товаром, живым скотом, продуктами домашнего обихода, машинами, оружием, тканями и одеждой, кожами и мехами, спиртными напитками. Они содержали трактиры, гостиницы и публичные дома. 26 % евреев были задействованы в ремесле и промышленности, причем, кроме перечня обычных работ, они занимались и сложным ручным производством: часовым, ювелирным, химическим, оптикой, полиграфией. 6 % евреев были заняты извозом. Более 4 % работали по частному найму и столько же – в строительстве. 4 % евреев жили за счет доходов с капитала, средств казны или частных лиц. Столько же занималось делами, не включенными в список; 2 % евреев работали учителями, воспитателями, врачами; 1,3 % евреев были заняты при синагогах.

Легко выделить консолидированные еще в Европейской России этнические группы, участвующие в аграрной колонизации Сибири во второй половине XIX в. вместе с восточными славянами. Прежде всего, это мордва, 86% которой в конце XIX в. были заняты земледелием. 4,4% работали по найму, чаще всего батрачили в русских и мордовских деревнях. 3,5% мордвы были заняты обычными ремеслами; 2,2% работали в строительстве; 1,4% занимались лесными промыслами.

Зыряне в каждой хозяйственной полосе занимались тем, что было наиболее выгодно здесь из промыслов или сельского хозяйства. 64 % из зырян, проживавших в южных и центральных районах Западной Сибири, в конце XIX в. были земледельцами. 10% зырян, живущих на севере, были рыболовами, 8% – оленеводами. 7% зырян по всей За-

падной Сибири обрабатывали продукты животноводства, шили одежду и обувь, изготавливали предметы домашнего промысла. 4% их было занято в строительстве, 3,6% работали по частному найму. 1% зырян торговал кожами, мехами и спиртными напитками в основном, на севере.

Специализация на сельском хозяйстве и ремеслах характеризовала балтийские этнические диаспоры. 85,6% латышей в Западной Сибири в конце XIX в. занимались земледелием, 5% – кузнечным делом, гончарным, портняжным. 2,2% работали прислугой и разнорабочими. 1,5% латышей были заняты в строительстве и столько же – на железной дороге.

80% эстов обрабатывали землю; почти 8% были ремесленниками; 3,3% их работали по найму; 2,8% строили жилища; 2% работали на железной дороге.

67% литовцев крестьянствовали; 9% занимались ремеслами; 5,2% работали по найму; 3% торговали продуктами питания и столько же были заняты на железной дороге.

Большая часть финнов – 72% – также занимались земледелием, а 14% разными ремеслами. 4% работали по частному найму, а 3% в строительстве. 2% финнов жили за счет доходов с капитала от казны или частных лиц.

Номады Западной Сибири конца XIX в. – казахи – в основном продолжали кочевать и заниматься скотоводством – 72%. Однако 19% их осели и перешли к земледелию. Почти 4% их работали батраками или прислугой в других хозяйствах, главным образом русских. 2% занимались лесными промыслами и столько же ремеслами. В других отраслях хозяйства их доли были невелики.

Основным доходным делом цыган, еще одной сегрегированной группы населения, являлась торговля живым скотом. А первоначально, вероятно, его кража. Почти 9% их составляли лица неопределенных занятий и лица, эти занятия не декларирующие. Все же 4,5% цыган обрабатывали землю и столько же занимались ремеслами (в основном кузнечным); 2,4% работали по найму; 1,3% занимались врачебной деятельностью и столько же строительством. У них, так же как и у евреев, сказывался исторический опыт существования в иноэт-

ничной среде. Небольшое число лиц, сосланных с Кавказа, в основном отбывали здесь наказание и работали по найму.

Резко выделялась специализация коренного населения Западной Сибири. Ядро тюркского населения региона составляли сибирские татары и алтайцы, часть которых занималась сельским хозяйством. 57% – земледелием, а 18,5 % – животноводством. У 11% тюрков основными занятиями были охота и рыболовство; 3,6% “татар” работали по найму; 2,3% торговали; 2% обрабатывали волокнистые вещества и продукты животноводства, шили одежду; 1,4% занимались лесными промыслами.

Коренные народы Севера уделяли промыслам основное внимание: 85% хантов охотились и ловили рыбу; 9,4% занимались оленеводством; 1,7% работали по найму, а 1,8% были земледельцами.

57% самодийских народов Севера – ненцев и селькупов – добывали себе пропитание охотой и рыболовством; 37% их, в основном ненцев-олленеводством; 2,3% были чернорабочими; 1,6% ремесленниками (изделия народного промысла).

Половина манси (51 %) аккультурировалась русским населением и занималась земледелием. Однако значительная часть – 42 % – по-прежнему добывала себе пищу за счет присваивающих форм хозяйства – охоты и рыболовства. 1,4 % манси занимались лесными промыслами и столько же работали по найму.

Необходимо также сказать о межэтническом разделении труда в отраслях хозяйства Западной Сибири. Так как большинство населения составляли русские, существенное значение приобретают доли других этнических групп, дополнявших доминирующий этнос.

Чиновники и работники связи (телефон, телеграф, почта) на 95% состояли из русских, а на 2 с лишним процента из поляков. На предприятиях связи, кроме русских и поляков, работали также 1,8% немцев и 0,4% украинцев. Администрация, суд, полиция также включали в свой состав 1,2 % украинцев; 0,9% немцев; 0,8% татар; 0,3% евреев и 0,2% казахов. Управление и связь нуждались, прежде всего, в грамотных

кадрах, поэтому поляки и немцы, небольшие по численности диаспоры, играли заметную роль в этих сферах деятельности.

Воинские силы Западной Сибири в конце XIX в. на 92% состояли из русских и на 4,2% из татар. Именно эти народы завоевывали Сибирь в XVI–XVII вв. и продолжали ее освоение в XIX в. Кроме них, здесь служили 1,6% украинцев; 0,5% евреев (кантонистов); по 0,4% поляков (отбывали наказания) и мордвы.

Строительством занимались все, особенно пришлые, этносы. Доля занятых в строительстве совпадала в основном с численностью народов: 92% – русских, 2,2% – “татар”, 1,2% – украинцев, 0,9% – евреев, 0,6% – поляков, мордвы, зырян, 0,2 % – белорусов, немцев, цыган, казахов и т.д.

Русские на 92% составляли контингент людей, обслуживающих церкви, разумеется, православного исповедания. В мечетях священнослужителями были татары (4,7%) и казахи (0,7%). В Омске у казахов и татар долгое время были отдельные мечети и только в 1997 г. они построили одну общую для всех мусульман. Также богослужением занимались 1,2% евреев; 0,4% украинцев и 0,3% поляков. Служителей веры коренного населения Севера и Алтая не учитывали, тем более что часть их официально считалась православными.

90% людей, получавших доходы с капитала, недвижимого имущества, средства от казны, частных лиц, общественных учреждений, были русскими, 3,4 % – “татарами”, 1,5 % – поляками, 1,3 % – евреями, 1,2 % – украинцами, 0,4 % – казахами и столько же – хантами. Часть коренных тюрков и северных народов сдавали свои угодья в аренду (кортом). Поляки нередко жили за счет пособий от казны или на содержании у родственников. Ростовщиками и рантье, как правило, были евреи.

Основным занятием всего населения в Западной Сибири в конце XIX в. было земледелие. Русские составляли в нем почти 90 %; почти 5 % украинцы; 3,2% татары; 0,5% мордва и казахи; 0,2% поляки и зыряне; 0,1% немцы и манси. Доли остальных народов были незначительны.

В индустриальной сфере деятельности – ремесле и производстве – было занято 88% русских; 1,8% татар; 1,7% евреев; 1,6% украинцев;

1,2% поляков; 0,8% казахов; 0,5% немцев; 0,4% зырян; 0,3% мордвы; 0,1% латышей и белорусов. В добывающей и химической промышленности фигурировали представители русских, украинцев, евреев, поляков, немцев. Изготовлением одежды, обработкой волокнистых веществ, продуктов животноводства, дерева и металлов занимались все, но главным образом “татары”, казахи и коренное население региона. Полиграфией занимались только русские, евреи и немцы. Изготовление ювелирных украшений, предметов роскоши, культа и пр. было занятием русских, “татар” и евреев. Производством инструментов (физических, химических, оптических), часов и игрушек были заняты русские, поляки и евреи. Русские и выходцы из западных губерний России имели широкую специализацию в ремесле и производстве.

Торговля в регионе была делом представителей традиционных для России этнических групп. 80,5% торговцев в Западной Сибири в конце XIX в. были русскими, 6,8% – евреями, 5,6% – татарами. 2,3% их составляли цыгане, торговавшие живым скотом, 2,1% – поляки, 0,9% – украинцы, 0,6% – казахи, 0,2% – ханты. Также торговлей здесь занимались редкие выходцы с южных границ империи: персы, монголы, сиро-халдеи, корейцы, китайцы, греки и армяне.

Понятие “свободные профессии” включало в себя юридическую, учебную, воспитательную и врачебную деятельность, занятие литературой, искусством, наукой и службой при благотворительных учреждениях. Среди них русские составляли 84,5%; “татары” – 4,7%; поляки – 2,8 %; евреи – 2 %; немцы – 1,3%; украинцы – 1,2%; цыгане и казахи – 1%; латыши – 0,2%. Следует отметить, что в благотворительных учреждениях работали только русские, а цыгане из всего перечня занятий имели отношение только к врачебной деятельности. Из пришедших татар в Западной Сибири состояла мусульманская интеллигенция, которая просвещала все тюркские народы в регионе (в частности, она являлась посредником в общении между русскими и казахами в южной Сибири).

84,6% населения занятого в транспорте, были русскими; 5% – татарами, 4 % – поляками, 2,3% – евреями и столько же украинцами,

1,2% – казахами. Водным сообщением в основном занимались русские, поляки и немцы (пароходство). Железную дорогу строили и обслуживали в Западной Сибири в XIX в. русские, украинцы, поляки, немцы, эсты, литовцы и латыши. Извозчики были русскими, татарами, евреями и казахами.

Такие виды деятельности как частная служба, прислуга, поденная работа, нередко носили временный характер. Главным образом они имели смысл для еще не устроившихся переселенцев, не собиравшихся устраиваться в Сибири надолго ссыльных или людей, которые не могли найти другую работу. Основной контингент их состоял из русских – 87%; из татар – 5%; из казахов и украинцев – 2 %; из поляков – 1 %; из мордвы – 0,6 %; из евреев – 0,4 %; из немцев, зырян и хантов – 0,3%; из цыган и самодийцев – 0,2%; из белорусов, латышей и пр. – 0,1%.

В лесные промыслы входил широкий перечень занятий, носящих присваивающий характер: сбор кедрового ореха, ягод и грибов, заготовка коры, гонка смолы и дегтя, заготовка дров и досок, пчеловодство. Среди занятых этими видами промыслов было 85,5% русских; 9,7% татар, 6,3% казахов, 0,8% украинцев и поляков. Коренное население не представляло здесь большинства. Зато оно составляло основную массу охотников и рыболовов края. На 26,5 % они состояли из “татар”, на 26,3 % – из хантов, на 7,7 % – из манси, на 3,2 % – из самодийцев. Русских было 34,5 %, а зырян – 1,4 %, главным образом рыболовов.

Половину животноводов края составляли в конце XIX века казахи – 46,6 %; алтайцы – 25,8 %; русские – 21,5 %; немцы – 3 %; ханты – 1,7 %; зыряне – 0,7 %. Основу казахского и алтайского животноводства составляло кочевое скотоводство, разведение лошадей и овец. У русских и татар это занятие носило оседлый характер, и основу его составлял крупный рогатый скот. Ненцы, ханты и зыряне разводили оленей.

Среди отбывающих наказание в Западной Сибири в конце XIX в. были следующие народы: русские (75,4%), украинцы (5,4%), татары

(4,6%), поляки (3,7%), присутствующие здесь почти исключительно по этой причине выходцы с Кавказа (2 %); казахи (1,2%).

К прочим видам деятельности относились не вошедшие в список занятия: проститутки, лица, не указавшие своих занятий и лица без определенных занятий. То есть люди фактически работающие, но не попавшие в стандарты классификации.

Русские среди них составляли 85 %; цыгане – 2,2 %; “татары” – 2 %; украинцы – 1,5 %; евреи – 1,2 %; поляки – 1,1 %; казахи – 0,7 %; мордва – 0,3 %. Такой большой процент цыган в сравнении с их численностью можно объяснить только нестандартностью их трудовой деятельности.

Итак, перепись 1897 г. позволяет представить себе занятость этнокультурных групп региона в основных сферах деятельности (см. табл. 48). Она также позволяет представить их соотношение, т. е. межэтническое разделение труда, дает возможность оценить участие народов в промысловом, аграрном и индустриальном развитии края, как в отдельных районах, так и в регионе в целом. Наглядно видно, что коренное население Севера и Алтая, а также казахи продолжали заниматься традиционными видами хозяйствования: охотой, рыболовством, кочевым скотоводством, оленеводством. На Севере промыслами вынуждено было заниматься и пришлое население.

Коренные татары, восточные славяне и консолидированные с ними этносы во второй половине XIX в. (мордва, пермяки, удмурты, чуваша, немцы и др.) продолжали аграрное освоение Западной Сибири. Индустриальное развитие начали здесь русские, татары, поляки, евреи, немцы, сосланные и приехавшие сюда добровольно. Однако выяснить социальный статус тех или иных народов в регионе по переписи невозможно, так как ее структура этого не отражает. Заниматься рыболовством мог как хант-рыбак, так и русский рыбопромышленник. А работать по найму мог как казах-батрак, так и польский шляхтич в услужении у золотопромышленника. Невозможно также по переписи определить характер отношений этнокультурных групп между собой: были ли они конфликтными, консолидированными, симбиозными, сегрегационными или какими-нибудь еще, статистика этого не показывает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб., 1897. Табл. 22. Тобольская губерния. С. 160–165; Томская губерния. С. 159–209; Акмолинская область. С. 100–101.
- ² РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 259. Л. 83; Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 47–48.
- ³ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 2.
- ⁴ Нагнибеда Н.Я. Нарымский край. Томск, 1927. С. 530–551.
- ⁵ Там же. С. 594–597.
- ⁶ Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1890. Вып. X. С. 42–131.
- ⁷ Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1900. С. 123.
- ⁸ Там же. С. 115–116.
- ⁹ Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири; Данковцева С.Г. Особенности быта обдорян в конце XIX – начале XX века // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 63–74.
- ¹⁰ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 34. Л. 420.
- ¹¹ Зияев Х. Узбеки в Сибири. Ташкент: Фан, 1986. С. 45.
- ¹² ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2824. Л. 6. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь. СПб., 1896. С. 512.
- ¹³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 34. С. 1–420.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь. С. 514–526. Дмитриенко Н.М. Евреи – предприниматели в дореволюционном Томске // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 40–45.

ПРОЦЕССЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

2.1. ТОБОЛЬСКИЙ СЕВЕР И НАРЫМСКИЙ КРАЙ

К XIX в. в экономике северных районов Западной Сибири уже сложился и существовал многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения. Традиционное хозяйство аборигенов во многом деформировалось под влиянием пришлого населения и его промышленного капитала.

Наиболее автономным было хозяйство оленеводов. К ним принадлежали северные манси, ханты, почти все ненцы, тазовские селькупы, эвенки. Почти до середины XIX в. у них не было недостатка в пастбищах – каждый род знал свои угодья и кочевники старались не мешать друг другу¹. Олени являлись их главной заботой, транспортом, они давали им сырье для одежды, пищи, жилья. Кроме того, они, так же как прочие народы рыбачили и охотились по мере необходимости. С русским населением они встречались в основном два раза в год: в январе и летом, когда приезжали сдавать ясак и менять излишки хозяйственной продукции (оленьи шкуры, пушнину, мороженую рыбу) на хлеб, чай, вино, табак, сукно, украшения и пр. Их самобытность и экономическую состоятельность подчеркивали многие бытописатели и исследователи Севера: А.А. Дунин-Гаркавич, Н.А. Абрамов, В. Бартнев и др. Отношения русских и ненцев-олeneводоB были взаимно настороженными. По словам С.П. Швецова, “самоеды” никогда не въезжали в город иначе как партиями. И сургутянин без ружья или ножа не решался пойти в самоедское становище².

Появление во второй половине XIX в. в Березовском округе зырян-ижемцев внесло коррективы в тундровое оленеводство региона. В 1842 г. возник поселок Сарай-Паул, затем другие. Сначала зыряне вошли в соглашение с северными манси, на землях которых они обосновались. По приговору ииородческого схода 11 января 1884 г. зыряне платили единовременно за право постановки дома от 5 до 25 рублей и ежегодно по 2 рубля. А за пользование пастбищами и другими угодьями был введен особый покопытный сбор, который быстро вырос с 1–2 до 10 копеек с оленя³.

Оленеводство зырян носило товарный характер. По словам А.А. Дунина-Горкавича, оленей у них было больше, чем у ненцев, раз в четыреста³. В. Бартенев утверждал, что зыряне обеспечили Север оленьим мясом и одеждой из оленьих шкур (гуси, малицы и пр.)⁴. В.А. Козьмин, современный исследователь оленеводства коми-ижемцев, пришел к выводу, что они усовершенствовали взятую у ненцев систему оленеводства: ввели лучший уход, больший забой скота из-за боязни падежей, отодвинули сроки перекочевок на 3–4 недели, что позволило сохранить молодняк и сократило сами расстояния перемещений⁵. Нередко зыряне пользовались варварскими методами: вытаптывали ягель, который восстанавливается 10–20 лет, тогда как ненцы пасли оленей аккуратно, не давая им съесть весь лишайник⁶. К тому же зырянам ставили в вину грабеж оленей у мансийских и ненецких оленеводов. Так, военный губернатор Архангельской области еще в 1812 г. расследовал дело о похищении у березовского ясашиного Кандыбина семьи из 8 человек и оленей. Расследование показало, что ижемцы Чупров и Терентьев, будучи за Уралом и проходя по тундре, убили семью Кандыбина, а оленей взяли с собой⁷. Очевидно, что с такого рода сюжетов начиналось зырянское оленеводство за Уралом.

В 1896 г. жалобы коренного населения на ижемцев заставили администрацию возбудить дело о выселении их обратно в Архангельскую область⁸. Постановление о выселении приостановили, но вопрос о наделении их землей оставался нерешенным еще в 1906 г.⁹ Это создавало напряжение в отношениях зырян с ненцами и северными манси. Мансийское оленеводство к концу XIX в. сократилось в 6 раз

(17,4 тыс. голов оленей в начале XIX в. – 2,8 тыс. в конце XIX в.). Зыряне выпасали до 20 тыс. голов оленей только в бассейне р. Лямина, где раньше располагались традиционные пастбища мансийских оленеводов¹⁰. Враждебные настроения, кражи скота и прочего были характерны также для отношений ненцев с северными селькупами и эвенками¹¹.

Независимыми были также хозяйства таежных охотников-оленоводов – нарымских эвенков. поголовье оленей давало им возможность свободно перемещаться за зверем и задействовать малодоступные ягельные пастбища в болотах. Поскольку рыболовные угодья не имели для них значения, они практически не пересекались с селькупами в хозяйственной сфере. Семья эвенка добывала почти в 3 раза больше белок в год, чем семья селькупа¹². Чувствуя себя лучшими охотниками, эвенки относились к селькупам покровительственно и доброжелательно. Главным занятием эвенков была охота, и при трудных обстоятельствах (падеж оленей, личные конфликты) они легко оседали среди селькупов, продолжая охотиться. К русским, с которыми они встречались нечасто, эвенки относились осторожно и недоверчиво. Врач Гришин, живший в начале XX в. на реке Кети, упоминал об их недовольстве кержаками, с которыми они встречались чаще, за то, что они лес жгли и зверя били не вовремя, не считаясь с интересами эвенков¹³.

С XVII в. решающую роль в отношениях русских и аборигенов Севера играла добыча пушнины и торговля ею. Российское правительство легализовало эти отношения, введя ясак. Сбор ясака с каждого охотника отдельно привел к индивидуализации охоты и разделу общественных угодий на родовые вотчины. Урманы принадлежали первым их освоителям и передавались по наследству¹⁴. Если в начале преимущественное значение имела добыча соболя, то в XIX в. основным пушным продуктом становится белка. Соболи и лисица еще ловились в отдаленных местах, но основной сдачи ясака стали шкуры белки, колонка, горноста, выдры, медведя, оленя, лося и пр.¹⁵ Когда 9 июня 1912 г. вышел закон о запрещении охоты на соболя, в Западной Сибири не было обнаружено ни одного “инородца”, чье благосостояние зависело бы от его добычи¹⁶.

Охота в XIX в. приобретает второстепенное значение в торговом обмене пришлого и коренного населения края, уступая свое место рыболовности. Однако она оставалась главной доходной статьей аборигенов, живших по притокам реки Оби в Сургутском и Нарымском краях, даже в начале XX в.¹⁷

Охотой, главным образом, занимались зимой: с ноября по апрель, с перерывом в январе на ярмарку и рыбалку. Весной ловили перелетную птицу. Круглый год “белковали” только эвенки и отдельные представители других народов. Ходили они на охоту по одному и артелями. В артели охотились несколько человек вместе, а добычу делили на равные части – паи. На Тобольском Севере ханты брали русских крестьян к себе в артели для обучения на полупай. Вплоть до овладения тонкостями промысла русские получали при разделе добычи артелью в два раза меньше потомственных охотников¹⁸.

В Нарымском и Сургутском краях получил распространение другой вид звероловной артели. Условием договора являлось то, что русские должны были к началу промысла снабдить аборигенов-охотников съестными припасами, порохом, дробью, свинцом и прочим, за что получали по окончании промысла часть добычи¹⁹. Также составлялись артели по сбору кедровых орехов. Ягоду добывали индивидуально. Для выхода на охоту абориген нуждался в пополнении запасов оружия и продовольствия. Практически все крестьяне, жившие в одних селах с инородцами, назывались “припущенниками”. Большинство их, а также жители северных городов и крупных населенных пунктов “помогали” охотнику собраться. Женщины шили одежду, готовили провизию (хлеб, масло); мужчины завозили оружие и муку, они же брали на себя заботу о сбыте пушнины.

Русские, желающие охотиться, должны были кортомить (арендовать) угодья у аборигенов²⁰. Оплата сильно колебалась в зависимости от доходности мест и представлений вотчинника: 5–7 рублей или бутылка водки. Большинство земельных пространств лесных и речных угодий находились в безраздельном владении инородцев и покоились на их убеждении в том, что это их собственность. Об этом же писал Г. Жерновков в “Сибирских вопросах” в 1910 г. Упомянув о том, что

крестьян в Нарымском крае в 3 раза больше, чем аборигенов, он указывал, что именно последние занимают большую часть территории края (196 536 кв. верст у инородцев; 2–3 тыс. кв. верст у крестьян). “Итак – вот где основания считать край инородческим – в землепользовании”, – писал он²¹.

Нередко русские крестьяне, даже живущие на Севере не одно поколение, вынуждены были кортомить угодыя у аборигенов. Причем потомки переселенцев считали эти земли своими и отказывались платить “инородцам”. Как это происходило на севере Тобольского округа, подробно описал С.К. Патканов. Через 2–3 года в юртах возникает новый двухэтажный дом крестьянина-переселенца, затем появляются другие дома русских “припущенников”. Маленькая колония растет. Пока русских меньше, чем остяков, все мирно уживаются. Но как только число русских превышало число остяков, то они, почувствовав свою силу, проводили свои решения; принимали новых членов, распоряжались угодыями как своими, открывали кредиты на хлеб и прочее²². Коренное население юрт при этом продолжало считать угодыя своими. Так возникали споры и взаимные жалобы о стеснении, которые шли в канцелярию губернатора. Генерал-губернатор, посетивший в 1853 г. Березовский округ, получил их вместе с просьбами крестьян о наделении их 15-десятинным наделом²³. О том же ходатайствовали в 1903 г жители Обдорска²⁴.

По берегам Оби, где с XVII в. возникали русские города и поселки, отношения пришлых и аборигенов были намного теснее. Главным занятием и тех и других здесь было рыболовство. Многие из них заводили огороды, держали скот, строили русские дома и носили русскую одежду. Были даже “мало обучившиеся российской грамоте”. Аборигены, однако, не оставляли своей склонности к кочевой жизни: “...некоторые во время отлучек за промысловым зверем или рыбой дома и скот оставляют без присмотра на произвол”²⁵.

В большинстве случаев там, где русские и аборигены жили одним хозяйственным циклом (охота, рыбалка, другие промыслы), русские хозяйства отличались лишь лучшим содержанием скота и хлебопашеством, где оно было возможно. Также материальные возможности пришло-

го населения расширял дополнительный промысел – заготовка леса (дров для пароходов; шпал для железной дороги). Русские и зыряне, в частности, работали в Березовском округе на пристанях Сибирякова и Носилова²⁶. В Нарымском крае русские также имели возможность зарабатывать на пристанях²⁷.

С развитием товарно-денежных отношений промышленное значение получило рыболовство. Его доходность росла за счет инвентаря и новых технологий. Точнее говоря, новым это было только для аборигенов. Для русских это был старый обычай неводьбы артелью²⁸. Разумеется, аборигены рыбачили и без участия русских. Рыболовство давало им пищу летом и запасы на зиму (юрок, порса, клей). Однако оно обеспечивало их естественные потребности и промышленного размаха не имело.

Способы лова у русских предпринимателей во второй половине XIX в. были нередко браконьерскими. Тобольский окружной исправник в 1880 г. в своем рапорте писал, что, несмотря на запрет ловли самоловами от 8 февраля 1879 г., Бронников, Хомен и Корилов продолжают перекрывать реку и ежегодно вывозят с Оби 20 тыс. голов осетра каждый²⁹. Много мелкой рыбы просто выбрасывалось на берег. Бывало, что улов пропадал из-за недопоставки соли³⁰. Местное население, даже рыбачившее для себя, несло убытки. Так, купец Плеханов перекрыл в 1830 г. реку Малую Обь возле юрт Собских и оставил живущее ниже хантыйское население практически без рыбы³¹.

Крестьяне и инородцы рыбачили круглый год, но основной сезон был с июля по ноябрь. Промышленники неводили до начала сентября. К лету на Обь перекочевывали аборигены с семьями, ставили по берегам свои летние жилища и приезжали на промысел крестьяне и мещане из окрестных сел, семьи которых оставались дома вести хозяйство. Наиболее доходные рыболовные пески по реке Оби аборигенные поселки сдавали в аренду. “Вообще следует заметить, что по своей бедности и по своему беспокойному характеру инородцы мало способны и склонны к предприятиям, требующим средства и проявления энергии”, – не без основания замечал С.К. Патканов³². Если же в “инородческом” селе проживало до половины русских “припущенников”, то нередко сами жители эксплуатировали свои богатства, договариваясь о кредите с тор-

гующим крестьянином или купцом³². Предприимчивые крестьяне из других волостей нередко сами кортомили у аборигенов пески или выкупали пай (1–2 рубля) на менее доходных угодьях (речках, озерах), где хозяева “колыданили” сами.

Хорошие неводные пески арендовали крупные рыбопромышленники. По сведениям А.А. Дунина-Горкавича, в конце XIX в. их было 333 и они почти постоянно кортомили одни и те же угодья с древнейших времен³³. В 1894 г. на 78 сданных в аренду песках было 130 инородцев-собственников, 410 пайщиков (имевших долю в общественной собственности) остальные около 10 тыс. человек были рабочими-рыболовами.

Хантам-собственникам было выгоднее сдавать пески, так как для их самостоятельной разработки с тем же размахом у них не хватало возможностей. Аборигены обычно не имели своих неводов, соли, не были знакомы с процессом засолки и еще меньше были готовы к тому, чтобы взять кредит и решить проблему удачного сбыта рыбы. Гораздо проще было ианяться в артель к промышленнику.

Рыболовные артели состояли из 6–12 человек. Каждый имел свою долю. Улов делился на равные части. Половину, треть или $\frac{2}{5}$ улова получал промышленник, остальные доли делили пайщики между собой. Как правило, его сдавали тому же промышленнику по заранее или только что установленной цене. Вариантов этих отношений было множество³⁴. Аборигены, не имевшие угодий, и приезжие крестьяне нанимались в обычную артель. Любая артель получала подъемные или задаток (10–15 рублей), орудия лова, содержание в процессе работы и оплату 15–30 рублей в конце работы каждому.

Лучшими работниками при неводьбе считались “ясашные”, но при каждой артели нанимались русские для последующей обработки рыбы³⁵. С.П. Швецов полагал что, русским рабочим платили больше. Вероятно, это высказывание имело под собой то основание, что аборигены брали оплату продуктами и другими вещами по завышенным ценам. Зато они все лето могли кормить свои семьи мелкой рыбой, неучтенной частью добычи и сделать необходимые на зиму запасы. Нередко рыбопромышленники также платили за них ясак и казенные долги за муку³⁴.

Крестьяне на неводьбе жили хуже – в общих бараках. “В числе рыбаков встречается не малое количество ссыльных всех категорий, как русских, так и представителей других национальностей, например черкесов, поляков, которые все лето рассчитывают иметь готовый стол и кров и получить на зиму небольшую сумму денег. Иностранцы разных племен, населяющих Тобольскую губернию: татары, бухарцы, остяки и даже самоеды. Все это называют рыболовной артелью”³⁶. Крупные рыбопромышленники арендовали пески, организовывали их эксплуатацию артелью, скупали у других рыбаков улов, вывозили его на пароходах, а взамен поставляли в край все необходимое.

Официально сдача песка разрешалась не более чем на 4 года, но далее контракт продлевался снова, так как собственники начинали зависеть от арендатора. Такими кормильцами во второй половине XIX в. в Березовском округе были купцы Зыряновы, Новицкие, Плеханов, Плотников, Дворников, Булатников, Бронников, крестьянин Матошин и др. В Сургутском крае: нарымские купцы Родюковы, сургутский купец Суханов, чиновник И. Туполев и др. В Нарымском крае рыболовные угодья селькупов арендовали купцы Родюковы, Алексеев, Серяковы, мещане Прянишников, Бутурлин, Кайдаловы и др.³⁷ Коротмили обычно по несколько песков сразу за 30–70 рублей в год каждый. Но были и дорогостоящие пески – до 300 рублей за лето.

Не всегда сдача песков была добровольной. Так, в 1856 г. селькупы Тымских волостей Нарымского края допустили на свои пески Родюкова и Прянишникова единственно потому, что взяли у них 17 лисиц для сдачи ясака³⁸.

Условия сдачи улова промышленники устанавливали максимально выгодные для себя. Летняя рыба принималась поштучно мерная, а зимой на вес. Мерная рыба: осетр 5 четвертей (90 см), нельма 12 вершков (54 см), муксун 9 вершков (40,5 см). Меняли рыбу от середины глаза до основания хвоста. Муксун до 38 см шел за одного мерного, а меньше – 4 за 1 мерного. Причем тот факт, что более короткая рыба могла весить больше, не учитывался при сдаче. По свидетельству И.С. Полякова – чем дальше на север, тем рыба стоила дешевле. Если в среднем течении Оби и Иртыша до Березова за 1 рубль сдавали

8,5 муксунов, между Березовом и Обдорском – 10; ниже Обдорска – 12; по Обской губе – 20, а по Надыму (северный приток Обской губы) – 25–30.

Нельзя сказать, что аборигены не понимали, как их обмеривают и обвешивают. В 1868 г. березовский исправник докладывал губернатору о жалобах “инородцев” на обман и необходимость принимать рыбу на вес, а не на меру. Губернатор поддержал его предложение, но вместе с тем выразил сомнения на тот счет, что административные меры могут повлиять на договоренность между рыбопромышленниками и аборигенами. И даже выразил опасения, как бы дополнительные меры не навредили инородцам еще больше³⁹.

Неравномерно были распределены доходные угодья среди самих коренных жителей Севера. Нередко они сосредоточивались во владении нескольких человек. Так, лучшее на реке Оби место – остров Яр – принадлежал двум братьям Хозери и Полетэ. Они получали аренду с него 400 рублей. Об этом писал и А.А. Дунин-Горкавич⁴⁰. В Нарымском крае, по свидетельству Г. Жерновкова, селькупы в двух волостях получали с оброчных статей 1600 рублей на 132 человека, а в Водяных юртах инородцы повымерли и угодья их достались одному, известному в крае как Андришка Купорос, “который отдает угодья в аренду, деньги пропивает, а сам живет за 200 верст в работниках”.

Вновь переселяющиеся на Север русские крестьяне также нуждались в угодьях. Особенно остро встала эта проблема в Нарымском крае в конце XIX в., где русское население по реке Оби уже превысило коренное в 3 раза. Там еще в 1849–1852 гг. крестьяне деревни Новоильинской Кетской волости обратились в казенную палату Томской губернии с просьбой отмежевать им необходимый надел, что и сделал землемер Ромашов. В надел вошли 6 запорных истоков и 10 неводных озер, которые раньше селькупы сдавали упомянутым крестьянам в кортом. Аборигены были приглашены на межевание, но не явились, а сразу подали жалобу на стеснение их крестьянами⁴¹.

В 1877 г. крестьяне Пиковской волости деревень Северной и Волковой на реке Оби обращались к губернатору с просьбой о наделении их рыболовными и другими угодьями, прилегавшими к их селениям.

Свою просьбу они поясняли тем, что инородцы стесняют их в рыбопромышленности, составляющей здесь “почти единственное средство к жизни всех обитателей Нарымского края”. Казенная палата признала справедливым наделить пиковских крестьян землей по 21-десятинной норме⁴². В 1891 г. (16 июля) вышел государственный указ, уравнивающий в правах пользования местных крестьян и инородцев, а в 1896 г. (23 мая) были отменены исключительные права аборигенов на землю⁴³.

Тем не менее коренное население продолжало сдавать русским в кортом рыболовные и охотничьи угодья, сенокосные луга и кедровники⁴⁴. Споры не были повсеместными, в основном аборигены и русские жили мирно и совместно пользовались угодьями еще до указов правительства. Так, не нуждались в межевании русские крестьяне села Тогурского и селькупы юрт Конеровых⁴⁵, русские Парабельской волости и селькупы Нижнеподгородней инородной управы⁴⁶.

Но так было не всегда. Антагонистические отношения сложились у пиковских селькупов и объездчиков Пиковской пристани. В пользовании инородцев Пиковской волости находилось 300 тыс. десятин земли (330 тыс. га) по реке Пиковке в пойме реки Оби; по 6 тыс. десятин (6,6 тыс. га) с пойменными лугами, кедровыми лесами, стерляжьими ямами на одного селькупа. По свидетельству нарымского лесничего, пиковские селькупы сдавали угодья в кортом и сами промышляли рыбу и орех для себя. Причем как им самим, так и вместе с арендаторами опромышлить район полностью никогда не удавалось. Но стоило только объездчикам Пиковской пристани посягнуть на орех и наловить рыбы в ближайшем к ним истоке “Пыжик” бесплатно, они тут же подали жалобу в казенную палату о стеснении их, “обездоленных”. Исток “Пыжик” сдали в кортом тобольскому крестьянину Казарову и в довершение всего «произвели нашествие на пристань» и избили одного крестьянина. В результате этого русские же работники чувствовали себя виновными⁴⁷.

В начале века положение постепенно начало меняться. В 1903 г. объездчик по хозяйственным заготовкам лесных материалов на Подвальной пристани Волков очень удачно произвел подледный лов рыбы (на-

ложил 3 воза). Инородцы юрт Ганькиных сбежались и с криками и руганью перекрыли ему дорогу, велел добровольно отдать им рыбу. На это Волков ответил: “Жалуйся кому угодно, а пойманную мною рыбу не отдам, кто подступит – того пешней”. Он увез и сдал улов торгующему крестьянину Комарову за 50 рублей. Комаров по пунктам высчитал все права, присущие Волкову как крестьянину Кетской волости и объездчику, по службе проживавшему в отдаленной местности. В итоге суд жалобы инородцев отклонил, хотя по заверениям нарымского лесничего, раньше Волкова признали бы виновным. А в 1905 г. вышел указ о разрешении работникам пристаней пользоваться близлежащими угодьями для собственного употребления⁴³.

Но и в 1910 г. эти конфликты имели место, так как весной крестьяне и работники Пиковской волости просили лесничего выдать им копии всех правительственных указов и распоряжений, разъясняющих их права в Нарымском крае⁴⁴. То же было и в других районах края.

В начале XX в. казна взяла на себя функции, ранее исполнявшиеся аборигенами и стала выдавать билеты на пользование теперь уже “казенными дачами”. Однако и в 1915 г. русские новопоселенцы продолжали договариваться о кортоме с инородцами, игнорируя полномочия казны: “Обыкновенно поселившиеся указывают на то, что место, где они поселились, инородческое, а потому арендная плата уплачивается ими осяткам. Так по реке Оби возникли поселки Кызыльцевский мыс, Перфиловка, Карга, Новникулкина, Висков Яр; по Тыму – Тимоль-Карамы. Кроме того, между осятками живет много пришлого люда, который строил дома из казенного леса беспошленно”⁴⁹.

Были среди них и такие энергичные люди, как Илья Азаков – крестьянин Парабельской волости, промышлявший на реке Васюгане в начале XX в. Он платил казне за малоходное место Муч-Пар и предъявлял эту справку хантам как разрешение на промысел, а сам промышлял во всех доходных местах, включая угодья традиционного пользования аборигенов⁵⁰.

В XIX – начале XX в. русских и народы Севера связывали долгосрочные торговые отношения и так называемая “кредитная система”. В Обдорске еще в начале XIX в. обмен происходил так: купец раскла-

дывал на берегу Полуя свой товар и отъезжал. “Самоед” подходил, брал то, что ему нужно, и клал рядом свой товар, который хотел выменять. Если купцу эта вещь нравилась, то он брал ее и оставлял свой товар. Постепенно обмен оживился⁵¹.

Предметом торга с инородцами служило все, что добывалось последними путем охоты и других промыслов: пушнина, перо, пух, кедровый орех и пр. В свою очередь, аборигены нуждались в муке, чае, табаке, соли, вине, ситце, порохе, дробе и т.д. Осторожная вначале “немая” торговля вскоре стала идти вполне по русским традициям: с рядом, рукобитьем и угощением⁵².

Еще в начале XIX в. основу торгового обмена составлял пушной промысел соболя. По словам земского заседателя Кондинского участка Березовского округа, титулярного советника А. Титова: “Торговые люди, в зимнее время, шныряли везде и забивались во все отдаленные местности, презирая пространства, чтоб приобрести этот продукт из первых рук от ловцов-охотников. В связи с истреблением урманов пожарами и уменьшением зверя все жители южной половины края обратились к рыболовности”⁵³.

Оплотом торговли стали северные русские города и крупные русские поселки. В Обдорске в 1815 г. было 13 домов и амбаров для торговли с аборигенами. Березовский исправник докладывал об этом так: “Приказчики купцов Широкова и Крупенникова живут там почти безвыездно и в не дозволенное время торгуют с остяками разным мелочным товаром, например табаком, каравайчиками, чего ради князец просил выслать всех из Обдорска”⁵⁴. Об этом же писал кондинский земский заседатель: “Для постоянной жизни в Обдорске необходимо иметь на круглый год в запас два продукта, два фактора эксплуатации инородцев – хлеб и вино. Не имеющим ни одного из этих продуктов незачем оставаться в Обдорске”⁵⁵.

С падением пушного промысла казну стало беспокоить плохое поступление ясака и низкое качество сдаваемого меха. Участились случаи, когда, угостившись двумя бочками вина, аборигены уже не могли заплатить подать. И сам князь Тайшин жаловался на засилье торговых⁵⁶.

В 1844 г. вышел правительственный указ, запрещающий торговым людям въезжать в селения инородцев, вести с ними торговлю и остав-

лять там свои товары до взноса ясака в казну. Сроки торговли были строго определены два раза в год: в январе и летом с 15 июля до 1 сентября⁵⁷. Эта мера, по свидетельству купца Родюкова, во-первых ударила по торговцам – пали некоторые капиталы, во-вторых, сами аборигены стали претерпевать нужду в житейских и необходимых потребностях. А между тем лучший мех в казну так и не поступил. Казенный хлеб в государственных запасных магазинах был дороже, и его все равно не хватало. А чтобы рассчитаться с казенным долгом и пропитать семейство, инородец должен был наниматься в работники или уходить за несколько тысяч верст на золотые промыслы, оставив семью на произвол судьбы. Однако слепое следование закону никогда не было сильной стороной русского торговца, а проследить за его исполнением в диких урманах Севера было почти невозможно.

Затишье, о котором пишет Родюков длилось недолго и имело те последствия, что торговцы стали по возможности учитывать интересы казны: выплачивать за аборигенов ясак, а нередко и долги хлебным магазинам. Сургутский отдельный заседатель в своем донесении тобольскому губернатору в 1863 г. писал: "...въезжая ныне, в мае месяце, по реке Ваху для принятия от старшин Ваховской, Салтыковской и Лумпокольской инородных волостей кабинетного ясака, я застал уже тут торговых из сословий казаков и мещан, въехавших в означенные волости и проживающих там вопреки сделанному им мною, строгому внушению..."⁵⁸.

То же было и в Нарымском крае уже в 1847 г.: "Как ни строго воспрещено купечеству и жителям заниматься разными торговыми промыслами, въезжать на встречу ясачных прежде взноса ясака, но они вопреки постановлению въезжают сами или посылают от себя приказчиков..."⁵⁹. А проследить рядового крестьянина, отправившегося «в остяки», было уже совершенно нереально. Н.А. Абрамов, говоря о жителях Березова, писал, что, "набрав у купцов в долг муки и разных товаров "на инородческую руку", они отправляются в юрты остяков, зимою на оленях, а летом на лодках, выменивают там рыбу, пушного зверя, орехи, птичье перо, сдают их приезжим в Березов торговцам, расплачиваются с займодавцами, потом вновь набирают в долг товаров, опять сбывают их инородцам и этим прибытком продовольствуются целый год"⁶⁰.

Это положение со временем существенно не изменилось. В 1913 г. томский уездный исправник в своем рапорте губернатору писал, что пушнину инородцы не возят в русские поселки, она забирается у них на месте торговцами, поселившимися еще с осени и выдавшими им вперед товара и денег с 20 % в год на выданную сумму. Так что и после сдачи пушнины инородцы остаются им должны⁶¹.

Кредитная система играла решающую роль в торговом обмене аборигенов и русских, несмотря на различные административные меры. В XIX в. она переживала период своего расцвета. Как об этом писал в своем исследовании С.К. Патканов: «Теоретически рассуждая, аборигены могли бы продать сами сырые продукты своих промыслов в городах и на вырученные деньги купить себе все необходимое. Но на деле, во-первых, инородец не всегда богат этими продуктами, а во-вторых, не имеет для этого перевозочных средств. У кого же есть собаки или лошади, дорога все равно не по карману из-за кормов, продовольствия и других затрат»⁶².

Главными транспортными путями на Севере были реки. Летом перемещались по ним на разных плавающих средствах, а зимой по льду на оленях, собаках или лошадях. В межсезонье дороги практически не было. Извоз на Севере был необыкновенно дорог. По подсчетам титулярного советника Титова, при цене перевозок 1 рубль с пуда Березовский край в среднем ежегодно тратил на ямщиков, вывозивших рыбу, до 15 тыс. рублей⁶³.

Благодаря кредитной системе аборигены могли сдавать продукты промыслов на месте и получать взамен все необходимое. Раз в год, обыкновенно в декабре, торговец делал со своими клиентами расчет: с одной стороны, он «приводил в известность» общую сумму долгов за год, т.е. забранного товара, с другой – стоимость рыбы, ягоды и иных продуктов, принятых им в течение года, и в зависимости от того, какая сумма оказывалась большей, или выдавал им остаток, или записывал в счет будущего года и снова открывал кредит.

Менее других зависели от кредита оленеводы. Олени давали им экономическую независимость и мобильность. Они появлялись обычно раз в год на рождественской ярмарке в Обдорске или Сургуте. Расположившись недалеко от города, они сдавали ясак, выменивали

на пушнину и олених шкуры необходимые товары. Чаще всего они заезжали в уже знакомые дома, где их традиционно принимали и угощали.

Оплотом Обдорской ярмарки были зыряне. Здесь они выполняли посредническую функцию между ненцами-оленеводами и приезжими русскими купцами. Ижемцы занимались скупкой у ненцев олених и лосиных шкур, шили из них одежду и продавали ее тобольским купцам. Л. Александров полагал, что на Севере они вполне заменили евреев. Как только ненцы размещались со своими чумами у Обдорска – зыряне уже выезжали навстречу к ним для обмена шкур на водку. “Раз выпив, само-ед уже сам настойчиво просит водки... но “водки нет” – невозмутимо отвечает эксплуататор... И тут-то начинается ни обмен, ни торг, а просто обдирательство бедных номадов”. Обогатившись подобным образом, они закрывались по домам и до конца ярмарки не выходили, распуская слух о том, что в Ижме цены повыше и они туда повезут товар. Тобольские купцы нервничали и поднимали закупочные цены. Как только эти цены доходили до намеченной зырянами суммы, они тут же начинали все продавать⁶⁴.

Более зависимыми от кредита были охотники дальних урманов по притокам реки Оби. У них был товар, который нуждался в сбыте, и не было транспортных возможностей, чтобы вывести его и продать в городе. На следующий сезон охотник нуждался в продовольствии, порохе, дробе, а других источников дохода у него не было. Эти заботы брали на себя кредиторы. Задача кредитора заключалась в том, чтобы обеспечить себе поставщиков пушнины на следующий год за счет долгов. К долгам ханты относились очень серьезно – за отца неоплаченный долг отрабатывал сын. Иногда это выглядело совсем абсурдно. По свидетельству И.С. Полякова, Булатников из Кушеват 20 лет арендовал у сына князя Артанзиева сор на Оби за долг отца в 15 рублей⁶⁵.

Сначала долг записывался на дощечке: сумма долга соответствовала числу зарубок на ней. Дощечку разрубали вдоль, и у каждого оставалась одинаковая часть. По мере выплаты долга дощечку укорачивали, отрубая по зарубкам⁶⁶. Однако в случае постоянного кредита палочки явно не годились, а записи велись только одной стороной. Ни один

задолжавший абориген не знал истинной суммы своего долга. Но они шли на это, так как при любых условиях снова получали кредит. Доверительные отношения между сторонами закреплялись водкой. Кредитор тоже рисковал, так как его охотники не всегда были удачливы, но всегда хотели есть, а погодные условия и дороги всегда были плохие и цены на товары колебались. Кроме зимы, ярмарки проводились также летом или при сдаче ясака. В селах Селиярском и Ларьятском – в мае в “Петров день”, в селе Юганском – в июне и т. д. На них также продавались продукты звероловства.

Прочные системы зависимости сформировались в середине XIX в. в рыболовстве. Крупные рыбопромышленники, арендовавшие по реке Оби угодья, обеспечивали своих подопечных аборигенов необходимыми продуктами, платили за них ясак и казенные долги, обеспечивали рабочими местами на лето и выдавали орудия производства. Они поставляли пароходами соль, продукты питания и другие товары, а обратно вывозили рыбу. Кроме того, на месте необходимо было организовать работу артели, проследить за посолом рыбы, заплатить за аренду и потратиться на содержание песка в полном порядке (4–6 тыс. рублей). Они же скупали обычно весь свободный улов⁶⁷. Как описывал эти отношения В.С. Поляков: “Новицкие кормят остяков, обувают, одевают, несут за них ясак и подати на громадном протяжении от Кондинска до Шеркалов, по Казыму и Сосьве, при этом они арендуют их угодья, доставляя им кусок хлеба...”⁶⁸.

В Березовском и Сургутском краях были “благодетели”, отправлявшие свои суда из Тобольска каждую осень за рыбой и другими продуктами промысла, это купцы Плотников (5 судов), Корнилов (7 судов); Киселев (2 судна); Сыромятников (1 судно); Федотов (2 судна); Рымарев (2 судна); Толстых (1 судно); Фофанов (2 судна); Бронников (3 судна); торгующие крестьяне: Матошин (3 судна); Фролов (1 судно); Новицкие (4 судна); Хомен (1 судно); Казанцев (1 судно); Попов (2 судна); Протопопов (1 судно)⁶⁹. На севере Тобольского округа торговали рыбой Шеймины, Кузнецовы, Земцовы и др. Один Попов, по словам С.К. Патканова, вывозил в Тобольск ежегодно 100 тыс. пудов рыбы и 3 тыс. пудов брусники⁷⁰.

Одним из таких кормильцев в Васюганье был тарский крестьянин Федор Алексеев, который в 60-е гг. XIX в. завел, по словам Н.П. Григоровского, правильные отношения с остяками, подвозил им свои товары в определенные сроки, устроил дороги за свой счет между некоторыми селениями и юртами. Он стал покупать товары в Тюмени, доставлять их к Васюгану парходами, а оттуда развозить по верховьям своими барками и каюками⁷¹.

Такую же роль на реке Кети играл местный крестьянин Комаров, который скупал всю рыбу по реке и обозами сбывал ее в Томск⁷². На реке Оби эту функцию взяли на себя купцы Родюковы⁷³. Годовые обороты торгующих крестьян составляли 20–30 тыс. рублей, а крупных рыбопромышленников – до 80 тыс. рублей. Они же поставляли хлеб и другие запасы в казенные магазины. Их же первых обвиняли в недопоставке хлеба в случае голода.

Естественно, что чиновники видели, как государственный и их личный интерес уплывает от них в руки торговцев. Как писал в 1884 г. березовский окружной исправник: “Многие инородцы Березовского края теперь совсем закабалены русскими, они находятся у них в постоянном долгу. Они без посредства их не могут даже уплачивать государственных податей и повинностей⁷⁴. Разумеется, среди “злодеев” не последнее место занимали зыряне, которые к тому же занимались скупкой и перепродажей рыбы у северных манси⁷⁵. Мнение чиновников разделяли многие путешественники и бытописатели, наблюдавшие убогий быт “детей природы”. Однако предлагаемые ими меры носили в большей степени эмоциональный, нежели содержательный характер.

Кредитная система продолжала действовать и после революции 1917 г. Сотрудник Комитета Севера Г. Старцев, обследовавший в 20-е гг. хозяйство Александровского и Ларьякского районов, писал: “Самым больным вопросом для всех хозяйственно-торговых организаций является кредит. Без кредита здесь немислима жизнь инородца. Остяк, приученный старыми торговцами в течение столетий жить на кредите, и теперь не может избежать его. Все фактории кредитуют остяков. Особых условий, кроме сдачи пушнины кредитору, не существует. Срок кредитования, главным образом, сезонный, годичный.

Особых начислений или взимания процентов не производится. Кредит принимается пушниной по цене, существующей к моменту расплаты". Все, разумеется, торговали "на совесть". Сибгосторг к тому же взимал с хантыйского населения дореволюционные долги, чем вызвал неподдельное удивление советского чиновника⁷⁶.

Краеугольным камнем в конкуренции русского обывателя и государства в деле наживы на аборигенах Севера была не столько кредитная система, сколько сопутствующий ей фактор – виноторговля. За водку в руки русских торговцев попадали лучшие меха, лосиные шкуры, запасы рыбы на зиму, улов по низким ценам, предметы домашнего ремесла, праздничная женская одежда и пр. Все от простого крестьянина, живущего промыслом, как и абориген, до крупного рыбопромышленника, арендующего километры Оби, занимались виноторговлей.

Практически при любом обмене вино фигурировало как угощение, а затем продавалось за деньги, предметы промысла и в долг. Исследователь Севера И.С. Поляков называл спаивание инородцев при сделках "коммерческой тайной" торговых оборотов рыбопромышленников⁷⁷. Водка была, как правило, не лучшего качества, разбавленная, настояная для крепости на табаке – зелье, способное довести приличного аборигена до полного безумия. Пьянство у них пороком не считалось, а смерть в пьяном виде считалась блаженной смертью. Пили все: женщины, мужчины, дети. Пили несколько дней, пока не кончались свободные средства. И.С. Поляков выделил у хантов два состояния опьянения: каскемунд – полупьян (еще стоит на ногах) и корейт-унд – совершенно пьян (упал в беспамятстве). Состояние корейт-унд достигалось обязательно и желательно многократно.

Характерный пример привел А.А. Дунин-Горкавич: когда осенью 1898 г. 18 человек манси добыли за ночь 100 пудов нельмы, то они сдали ее за 5 ведер водки и пьянствовали 5 суток, остальное время для ловли было упущено⁷⁸.

Еще в 1803 г. князь Тайшин жаловался губернатору на то, что в Обдорске перед положением ясака проводили выставочную продажу вина 2 бочек по 40 ведер, после чего многие были "в разорении и не в

состоянии к положению ясака”⁷⁹. А господин Куницкий, проводивший выставку, получил “мягкую рухлядь” по низким ценам. Далее это перешло в систему. В Обдорске во время ярмарок ханты и ненцы могли получить вино крепостью 23–30 градусов с вредными примесями почти у каждого промышленника, ведущего торговлю с инородцами⁸⁰.

Вот как описал обдорское гостеприимство кондинский заседатель А. Титов: “...приезжает знакомая ватага... положим хоть Мамруева, - запруживает его обширный двор оленями и валит в дом, где ожидает приезжих угощение: вино и мороженая рыба на закуску. Угостившись вдоволь вином, гости тут же одаривают радушного хозяина (песцом, шкурой молодого оленя, – каждый подарок по два рубля). Затем гости начинают требовать от хозяина вина уже за плату, но сметливый хозяин, не допуская в своем доме напиваться до положения риз и не нарушая порядка оптовой торговли, – выдает каждому по крупной мере вина и отправляет их в свои чумы. За отъездом этих являются другие, и третьи, и так продолжается всю ярмарку...”⁸¹. Причем уличить их в нарушении правил виноторговли, по заверению 1-го акцизного надзирателя Чернова, было невозможно. Вероятно, у ответственного чиновника сердце кровью обливалось, видя, как большие средства проходят мимо казны. Он утверждал, что только открытие казенных питейных заведений может исправить дело.

Это предложение не раз возникало на Совете Главного управления Западной Сибири. Так и в 1864 г. тобольский губернатор, посетивший Березовский округ, выяснил, что “продажа инородцам в их улусах вина производится мелкими русскими торговцами – местными казаками, мещанами и инородцами промышленниками, дурного качества, по непомерно высоким ценам и большею частью на мену имеющейся у инородцев рухляди и др. продуктов...”⁸². Однако управляющий питейным сбором Делагарди отклонил предложение о легализации виноторговли в крае и заведении казенных винных складов. В своем решении он опирался на те соображения, что с устранением препятствий да при невозможности отследить законность продаж злоупотребления могут принять еще большие масштабы. По его словам, в Березовском крае была развита частная винопромышленность, – было 5 оптовых складов с

запасом вина в 28 тыс. ведер и 12 питейных заведений, где водка продавалась по 4–6 рублей в зависимости от конъюнктуры.

Аналогичным было положение и в других районах Севера. Нарымские крестьяне гнали самогон, продавали его местным аборигенам и экспортировали в Сургутский край⁸³. Об этом же писал тогурский отдельный заседатель в 1854 г.: "Главный их порок есть пьянство, через что в свободное от промыслов время нанимаются в работы к одному или двум хозяевам, забирая вперед в виде задатка деньги, пропивают, а при изобличении в этом – долг свой заслуживают с охотой..."⁸⁴. И все это на фоне того, что виноторговля была запрещена официально в стойбищах и на ярмарках инородцев, а за недоброкачество продукта закон предусматривал штрафы от 40 до 60 рублей.

Только в 1892 г. продажа вина была разрешена на ярмарках и торжках, а также в селениях оседлых инородцев. Это решение не распространялось на кочевых инородцев Нарымского края, но, учитывая реальные факты, хочется повторить слова кондинского заседателя Титова: "При чем же здесь закон о виноторговле вообще?"⁸⁵

С оленеводами, наиболее самостоятельными в экономическом смысле, были также в XIX в. политические проблемы. В 1827 г. до Тобольского губернатора дошли сведения о том, что, оленеводы-ханты и ненцы собираются напасть на Обдорск и перебить всех русских во время ярмарки, если их принудят к принятию христианства и несению денежной повинности. Тобольский губернатор выехал в декабре в Обдорск и вынужден был лично встречаться с князем Матвеем Тайшином и старшиной Пайголом Науменом, чтобы развеять эти слухи. Заверения губернатора о том, что никаких денег с бродячих инородцев брать не будут и крестить насильно их никто не собирается, успокоили Тайшину. А Пайгол продолжал не верить и лукаво спрашивал: "Зачем прислали мне красный кафтан?" Проживание с октября в Обдорске штурмана 12-го класса Иванова, прибывшего для описания острова Белого на Обской губе, было воспринято ненцами как тот факт, что белый царь хочет обмерить и забрать их землю. И даже после разъяснений губернатора они отказались дать штурману оленей и провожатого. Ханты дали. "Земля наша состоит из льда – штурман там замер-

знет, не для чего ему туда ехать”, – утверждал Пайгол. Однако конфликтные настроения были погашены и ярмарка прошла как обычно⁸⁶.

Опираясь на сведения П.Н. Буцинского и Н.П. Абрамова, можно сказать, что ненцы никогда не испытывали особого расположения к русским властям, да и со своими соседями жили не всегда мирно: грабили крещеных хантов. Потому события XIX в. можно считать уже отголоском прежнего воинственного настроя. Ваули Пиеттомин был обычным разбойником до его канонизации в легендах и советской литературе, грабил и своих и чужих без разбору, за что и был бит кнутом и сослан в 1839 г. в отдаленную Сургутскую волость. Однако в 1841 г. вернулся, собрал ватагу из 300 человек, которые далеко не все следовали за ним добровольно, перекрыл дорогу на Обдорск ненцам-оленоводам и велел ясак платить ему. Ваули называл себя новым царем, низложил князя Тайшина, а ночью намеревался напасть на Обдорск, сжечь церковь и заколоть всех русских. Обдорский мещанин Нечальский, знакомый с ним по торговым делам, заманил его обманом с небольшой свитой в город. Там за угощением небольшой отряд казаков захватил в плен “народного вождя” и его приближенных⁸⁷.

Рядовой бунт оградил факт отчужденности и недовольства ненцев русскими торговыми людьми и русской властью. Этими настроениями и воспользовался разбойник Ваули. Нельзя не увидеть связи между этими событиями и почти полным отсутствием ненцев среди управленцев края (ханты были). Даже князь у ненцев и хантов был один – хант М. Тайшин.

Характерный случай произошел в 1853 г., когда Обдорск посетил генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт и, пробыв там до 15 января, не мог дожидаться главных представителей ярмарки – отдаленных кочевников. Те же, полагая, что генерал приехал брать их в солдаты, так и не появились в городе до его отъезда⁸⁸.

Не случайным в этом смысле выглядит прошение самоедского старшины Илбалды Седлисаа, написанное им 5 февраля 1864 г. на имя государя императора. Ссылаясь на то, что ненцы Конинской, Тименской и Большеземельной тундр сами платят в казну ясак, он просил разрешения и им также вносить подать самим, без посредства “остяц-

кого князя”, который, разумеется, делал им каждый год “обременения”. Совет Главного управления Западной Сибири признал, что “самоеды” отличаются от “остяков” по обычаям, роду и решил выделить им своего князя, разрешил вносить ясак в Государственную казну по квитанции земской полиции, а также выслать им священника⁸⁹. Так вместе с административной пропиской в Русском государстве предлагалось принять и его официальную религию.

Немалую роль в отношениях русских крестьян и коренных жителей играл религиозный фактор. И.Я. Неклепаев, специально изучавший обычаи и поверья русских жителей Сургутского уезда, писал, что русские-христиане считали инородцев собаками: “Остяки, по мнению сургутян, поклоняются чорту. А известно, говорят они, кто чорту кланяется, разве хороший человек? Знамо дело – собака”. Нехристия считалось возможным обидеть, обмануть, ограбить, что почиталось актом молодечества и удали. Однако далеко не все решались идти на конфликт с остяками из-за суеверного страха перед остяцкими богами и колдунами, якобы напускавшими на русских обидчиков “порчу” и “безумку”. Русские переняли у хантов и суеверия, связанные с медвежьим культом, веру в мамонта, живущего под землей, некоторые способы лечения⁹⁰.

В ходе торгово-промышленного освоения Севера Западной Сибири в XIX – начале XX в. у пришлого (русского и зырянского) населения сформировались прочные хозяйственно-культурные связи с коренным населением региона. Экономическое взаимодействие с оленеводами края (ненцами, эвенками, частью манси и хантов) у русских носило характер свободного торгового обмена, а с зырянами – конкуренции. С охотниками и рыболовами Севера эта связь имела форму кредитной системы. Причем рыболовы, живущие по реке Оби, находились в большей зависимости от пришлого населения, так как не всегда имели даже орудия труда. Интересно, что суть хозяйственных связей не зависела от того, к какому социальному слою (классу) принадлежал представитель пришлого этноса: крестьянин или промышленник, – менялись только масштабы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 184.
- ² *Швецов С.П.* Очерки Сургутского края // Записки ЗСО ИРГО. Кн. 10. Омск, 1899. С. 7–87.
- ³ РГИА. Ф. 391. Оп. 1 Д. 259. Л. 83.
- ⁴ *Бартечев В.* На крайнем северо-западе: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 47–48.
- ⁵ *Козьмин В.А.* Оленеводство коми-ижемцев в Западной Сибири // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск, 1990. С. 73–80.
- ⁶ *Якобий А.И.* Угасание инородческих племен Тобольского Севера. СПб. 1900. С. 15.
- ⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 189. Л. 14–15.
- ⁸ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. М., 1904. Т. 1. С. 120–131.
- ⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 10. Л. 201.
- ¹⁰ Северная Сосьва: (Исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992. С. 16–26.
- ¹¹ *Пелих Г.И.* Происхождение и история селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. С. 545.
- ¹² *Орлова Е.Н.* Население по реке Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928. С. 48–55.
- ¹³ ГАНО. Ф. 354. Оп. 1 Д. 229. Л. 1–7.
- ¹⁴ *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера... С. 172.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9 Д. 15201. Л. 35; Оп. 3. Д. 3569. Л. 39.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4052. Л. 2–30.
- ¹⁷ *Орлова Е.Н.* Население по реке Кетн и Тыму... С. 18–20, 28.
- ¹⁸ *Патканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Тобольская губерния. Тобольский округ. СПб. 1892. Вып. 19. С. 58–60.
- ¹⁹ *Костров Н.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск: Тип-лнт. Макушнина и Мнхайлова, 1876. С. 60.
- ²⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3569. Л. 39.
- ²¹ *Жерновков Г.* Нарымский край // Сибирские вопросы. 1910. № 4. С. 74–83.
- ²² *Патканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Тобольская губерния. Тобольский округ. СПб. 1892. Вып. 10. С. 42–131; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 393. Л. 3–4.
- ²³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17786. Л. 141–147.
- ²⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 259. Л. 131–133.
- ²⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 604. Л. 34.

- ²⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 259. С. 83.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 840. Л. 1–41.
- ²⁸ *Швецов С.* Очерки Сургутского края // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1889. Ки. 10. С. 1–87.
- ²⁹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 370. Л. 120.
- ³⁰ *Поляков И.С.* Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. СПб.: Тип. Академии наук, 1877. С. 152–157.
- ³¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 959. Л. 80–88.
- ³² *Патканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 10. С. 251–253.
- ³³ РГИА. Ф. 391. Оп. 1 Д. 259. Л. 33–83.
- ³⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 1 Д. 259 Л. 33–83; *Зиновьев В.П.* Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX в.). Омск, 1994. С. 26–38.
- ³⁵ *Дунин-Горкавич А.А.* Особенности условий рыбопромышленности на Тобольском Севере. СПб., 1904.
- ³⁶ *Патканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 10. С. 153.
- ³⁷ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 356. Л. 4–14; Д. 370. Л. 116–120; ГАТО. Ф. 144. Оп. 1 Д. 198. Л. 1; Д. 206. Л. 1; Д. 213. Л. 1–4; Д. 214. Л. 1; Д. 215. Л. 10, 26 и др. *Зиновьев В.П.* Родюковы // Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. С. 86–94; *Зиновьев В.П.* Нарымские рыбопромысловые пески // Земля каргасокская. Томск, 1996. С. 214–221.
- ³⁸ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1 Д. 511. Л. 11
- ³⁹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 356. Л. 6, 15.
- ⁴⁰ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. СПб., 1904; РГИА. Ф. 391 Оп. 1 Д. 259. Л. 33–38.
- ⁴¹ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 385. Л. 1–16.
- ⁴² Там же. Оп. 1. Д. 144. Л. 28.
- ⁴³ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 486. Л. 118–119.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 259. Л. 103–105; *Зиновьев В.П.* Лесные и рыбные промыслы Причулымья в XIX – начале XX в. // Земля асиновская. Томск. 1995. С. 77–84.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 72. Л. 1–3.
- ⁴⁶ Там же. Д. 196. Л. 19.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 11–15.
- ⁴⁸ Там же. Д. 486. Л. 96–120.
- ⁴⁹ Там же. Л. 303.
- ⁵⁰ Там же. Л. 351–352.
- ⁵¹ *Бартенев В.* На крайнем северо-западе: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 25.

- ⁵² *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера... С. 188.
- ⁵³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15201. Л. 33–35.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 477. Л. 92–99.
- ⁵⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15201. Л. 48.
- ⁵⁶ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 28. Л. 1–6; 25.
- ⁵⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3569. Л. 41–44.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 4. Д. 5619. Л. 4–6.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23409. Л. 32–39.
- ⁶⁰ *Абрамов Н.А.* Описание Березовского края. М., 1993. С. 26, 61.
- ⁶¹ ГАТО. Ф. Оп. 74. Д. 581. Л. 324.
- ⁶² *Патканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 19. С. 288–312.
- ⁶³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15201. Л. 37–38.
- ⁶⁴ *Александров Л.* Обдорская ярмарка // Сибирь. 1877. № 18.
- ⁶⁵ *Поляков И.С.* Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. С. 80.
- ⁶⁶ *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера... С. 190.
- ⁶⁷ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 2349. Л. 32–39; Ф. 391. Оп. 1. Д. 259. Л. 33–63.
- ⁶⁸ *Поляков И.С.* Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. СПб.: Тип. Академии наук, 1877. С. 75.
- ⁶⁹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 42. Д. 370. Л. 116.
- ⁷⁰ *Патканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 19. С. 300.
- ⁷¹ *Григорьевский Н.П.* Неведомые места и Васюганская тундра // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1884. Кн. 6. С. 10–12, 23.
- ⁷² ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 176. Л. 14.
- ⁷³ Восточное обозрение. 1885. № 8. С. 2.
- ⁷⁴ ТФ ГАТО Ф. 152. Оп. 40. Д. 18. Л. 17–21.
- ⁷⁵ Северная Сосьва: (Исторические и современные проблемы развития коренного населения.) Шадринск, 1992. С. 26–40.
- ⁷⁶ ГАНО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 31. Л. 11–13; Средний Васюган – 300 лет. Томск, 2000. С. 40.
- ⁷⁷ *Поляков И.С.* Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. СПб.: Тип. Академии наук, 1877. С. 152–154.
- ⁷⁸ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1
- ⁷⁹ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 28. Л. 25.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 152. Оп. 41. Д. 408. Л. 1–6.
- ⁸¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15201. Л. 52.
- ⁸² ТФ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5900. Л. 116–121.
- ⁸³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5619. Л. 5–6. *Орлова Е.Н.* Население по реке Кети и Тыму... С. 28–30.
- ⁸⁴ ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 604. Л. 35.

⁸⁵ ГАОО Ф. 3. Оп. 9. Д. 15201. Л. 56.

⁸⁶ РГИА Ф. 1376. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–5.

⁸⁷ Там же. 1405. Оп. 39. Д. 1432. Л. 6–9; Судьбы народов Обь-Иртышского бассейна: Сборник документов. Тюмень, 1994. С. 23–27.

⁸⁸ ГАОО Ф. 3. Оп. 9. Д. 15201. Л. 57–58.

⁸⁹ ТФ ГАТО Ф. 152. Оп. 39. Д. 116. Л. 2–3.

⁹⁰ *Неклепаев И.Я.* Поверья и обычаи Сургутского края: Этнографический очерк // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1903. Кн. 30. С. 68–78.

2.2. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Центральная земледельческо-промысловая полоса имела ту специфику, что в ней проживали в XIX в. и проживают сейчас коренные тюркские народы Западной Сибири. В исследуемый период всех их называли “татарами”, хотя они сильно отличались по районам проживания, происхождению, занятиям и вероисповеданию. Неодинаково складывались их отношения с пришлым, как правило, русским, украинским и тюркским населением. Коренные жители центральной полосы так же, как и на севере Западной Сибири, занимались промыслами, особенно рыболовством, но они здесь легче находили сбыт для продукции. Промыслы же не были единственным занятием населения. “Кормильцев” и других торговых людей здесь хватало и среди самих “ясашных”. Тобольские татары сами нередко вели торговлю с хантами и манси в Тобольском и Туринском округах. Торговый обмен не создал здесь отношений зависимости между коренным и пришлым населением.

Главными экономическими ресурсами этого региона являлись свободные пахотные земли. С XVII в. сюда переселялись русские крестьяне, нуждавшиеся в пашне. Они захватывали пустолежащие земли, расчищали их и владели ими по праву первооткрывателей. Правительство следило за тем, чтобы интересы местного населения, платящего ясак, при этом не ущемлялись.

Поземельные споры в XIX в., как правило, были связаны с наплывом русских переселенцев и с их размещением. В начале XIX в. основная масса их направлялась в Тобольскую губернию, а во второй половине XIX в. – в Томскую. Если захваты русских крестьян приходились частично на инородческие дачи, возникали споры и недоразумения. Так, в 1804 г. сенокосы ясколбинских татар “непонятно как” оказались у господина статского советника Павлуцкого¹. В том же году татары Казаковы деревни Чертолинской Аялынской волости Тарского уезда подали жалобу на крестьян Самохваловых, завладевших их пахотными угодьями². Жалобы обычно решались в пользу татар. Но часто спорящие приходили к мирному соглашению сами. Например, новые поселенцы уплачивали небольшую сумму татарам за право пользования их угодьями или покупали у них полоску земли, а затем расширяли ее распашками³.

Однако массовых поселений русских крестьян в татарских селах Тобольской губернии не возникало, так как тобольские татары не принимали в свои общины русских. Напротив, пришлые татары – захребетные, казаки (служилые казанские татары) и даже ссыльные получали в их общинах равные наделы⁴. Когда в 1869 г. казачий татарский полк был упразднен и казаки перешли в сословие крестьян, тех, у кого наделов не было, наделили землей “ясашные”⁵. Оброчные чувальщики (тоже пришлые татары) имели только одно свое село – Ново-Алпулинское в Тобольском округе; остальные проживали совместно с коренными татарами в 18 селах и пользовались общинными землями.

Иными были их отношения с бухарцами, которые нередко также проживали в одних дачах с коренными татарами. По свидетельству С.К. Патканова, бухарцы не отличались от татар по образу жизни, только костюмы и обстановка у них были богаче. Они называли себя “почетными” и к местному населению относились покровительственно. Несмотря на то, что бухарцы вели свою торговлю еще до похода Ермака и русские считали их коренным населением Сибири, для татар они так и остались пришлыми, чужими. Бухарцы, являясь первоначально торговым населением, земли приобретали у коренных татар в результате торговых операций: покупали, брали под заклад. Постепенно

с XVIII в. они стали переходить к земледелию и селиться среди единоверцев. Они даже наделялись землей по специальным указам. Для большинства бухарцев земледелие стало основным занятием после реформы 1822–1825 гг., ограничившей их торговые привилегии. Собственников земли у них было немного. В основном землей владели крупные бухарские роды – Шабобины, Матьяры, Тачкаловы и др. Их вотчины состояли из отдельных клочков земли, разбросанных среди татарских дач. По подсчетам Х. Зияева, насчитывалось 299 семей бухарцев-землевладельцев⁶.

Население Бухарских волостей имело общинные пашни и сенокосы, полученные в результате челобитья или “из милости”, но обычно тоже в недостаточном количестве. Так, например, юрты Ембаевские не имели лесных угодий и покупали дрова у татар. Недостающие площади бухарцы арендовали, так же как и безземельные. Даже после реформы 1825 г. на них не распространялась часть крестьянских платежей: большинство их платило подымную подать («с дыма», т.е. с семьи), мирской волостной сбор и натуральные повинности. По сравнению с татарами и крестьянами, которые платили государственную оброчную подать и весь набор волостных и земских сборов, это было льготное налогообложение. Даже проживая в дачах татар, бухарцы селились отдельными селами или в особых частях одного села. Они всегда имели свои общины и свои волостные и сельские сходы. Безземельные бухарцы находили материальную поддержку и работу у богатых соплеменников⁷.

Неудивительно, что неравное распределение земли и повинностей у проживающих рядом отдельных этнических групп населения вызывало между ними напряженные отношения и поземельные споры. Об их земельных тяжбах в XIX в. много написано в исследованиях С.К. Патканова и И.А. Андронникова. Причем агрессивной стороной здесь выступали татары. Они стремились сосредоточить в своих руках как можно больше земельных площадей, чтобы иметь возможность сдать их в аренду бухарцам и русским.

Татары судились из-за закладных земель. Так, в 1808 г. татары юрт Островных Тобольской губернии вернули себе сенокосы, нахо-

дившиеся в закладе более 20 лет у бухарца Якупова⁸. Однако суд не всегда решал дело в пользу татар. В 1850 г. татары Исеневских юрт спорили с бухарцами этих же юрт о Меньковской пустоши (34 десятины 74 сажени). Татары основывали свои владельческие права на записях в писцовой книге 1799 г. А бухарцы предъявляли документы о залоге тобольским казаком Михаилом Меньковым этой пустоши бухарцам Сеитовым. Долг не был уплачен, и пустошь перешла в собственность бухарцев. В результате землю оставили бухарцам⁹. Были и гораздо более запутанные дела.

Татары относились к своим владельческим правам серьезно. Документы на землю хранили все: от грамот царей и императоров до выписей воевод и последующей администрации. Хранили их в “мотках” и “свитках”¹⁰. Они пытались отсуживать у бухарцев земли совместного владения. Так, в 1826 г. татары деревни Епачиной Тобольского округа отрицали права пользования бухарцев той же деревни их землями. Суд эти права признал¹¹. Когда татары сдавали угодья в аренду, они чувствовали себя увереннее, ведь арендатора всегда можно было выгнать. В 1820 г. бухарец Сеитов заключил договор с тарскими татарами Кускиных и Байбахинских юрт (Каурдакской волости) на владение им рыболовными озерами. Параллельно с добычей рыбы Сеитов развернул на этих землях скотоводческое хозяйство. В 1825 г. он поставил 300 копен сена на 30 рублей и выловил рыбы на 200 рублей. Расширявшееся бухарское хозяйство стеснило татар, и они прекратили аренду. Тогда Сеитов попробовал отсудить у них угодья, но проиграл. Озеро было продано татарину Уразмееву¹².

Также характерной для отношений бухарцев и татар была тяжба тарских татар деревни Сеитовой и бухарца Веньямина из-за рыболовного песка Бегельдеева. В 1847–1848 гг. Веньяминов утверждал, что уплатил татарам корт за озеро 225 рублей, а между тем они выловили в этом озере 30 возов рыбы, что его возмутило, и он просил отдать ему половину. Татары же отрицали наличие арендных отношений с ним и заявили, что Веньяминов выловил в их озере рыбы на 500 рублей, хотя права не имел. Поскольку договор на русском языке предъявлен суду не был, бухарца устранили от пользования угодьем¹³.

Так поземельные тяжбы в XIX в. между татарами и бухарцами были обусловлены более высоким материальным положением и культурным уровнем одних (бухарцев) и владельческими земельными правами других (татар).

Арендные отношения существовали также у татар с русскими крестьянами. Последние кортомили у них сенокосные и рыболовные угодья, а также брали новь под распашку. Земли врендовали как у всей общины, так и у конкретных ее членов (т.е. выкупали один или несколько паев в пользование). Особенно это было распространено в северных – Тобольском и Туринском – округах. Так, юрты Абаульские сдавали свои рыболовные ямы на Иртыше на 3 года за 162 рубля крестьянам села Бичи и села Загвоздинского. Татары юрт Чебургинских сдавали озеро Иткуль за 100 рублей в год. Но чаще крестьяне выкупали у ясколбинцев пай за 2–8 рублей и промышляли по соседству с ними¹⁴.

Хотя татары не страдали от отсутствия земельных площадей, они с усердием отстаивали каждое место, которое сдавали или могли сдать в аренду, представляясь властям в своих жалобах обездоленными. В архивах сохранились документы о многочисленных конфликтах русских крестьян и сибирских татар на этой почве. Так, в 1822 г. землемер Панютин спровоцировал конфликт юрт Аремзянских и деревни Зоркальцевой. Он отмежевал крестьянам недостающий участок земли размером 78,5 десятины из пустолежащего татарского участка размером 1000 десятин. Однако татары не приняли такого поворота дел и подали жалобу на незаконный захват их земель. Они скосили сено на этом участке и крестьянам не отдали. До окончательного решения суда землю отдали татарам¹⁵. В 1835 г. за озеро Уват судились крестьяне деревни Слободчиковой и татары деревни Уватской Тобольского округа. Спорили из-за сенокосов татары юрт Андреевых, Ембаевых и Тураевых с крестьянами деревень Антипиной и Копытовой в Тюменском округе. Тюменский татарин Енкин подавал апелляцию на отсутствующее у него в пользу крестьян деревни Парфеновой озеро Царево и до окончания дела просил передать угодье в его пользование¹⁶. В 1804 г. спорные сенокосы отвели крестьянам деревни Артамоновой, но татары

юрт Варвариных продолжали взыскивать с них плату за этот луг и в 1829 г. по 54 рубля 52 копейки в год¹⁷.

В 1824 г. тобольских татар уравнивали в платежах с русскими крестьянами, переведя их в разряд оседлых инородцев. В результате вместо 1,5 рубля податей им пришлось уплачивать 17 рублей¹⁸. Они ходатайствовали в Санкт-Петербурге о возвращении ясачной повинности. Так, из Тарского округа поверенный Уразмей Ишиев хлопотал за своих доверителей, ссылаясь на недостаток хлебопахотных земель и доходы в основном от промыслов.

Чиновник особых поручений Бантыш-Каменский произвел по этому поводу дополнительное исследование и выяснил, что промыслы у татар занятия случайные, временные, а землями они владеют “необозримыми”. Лучшие свои сенокосы и пашни они сдают крестьянам за 5–20 рублей в год, да и то берут не деньгами, а рогатым скотом. Рыболовные ямы и озера на 5 или 10 лет сдают крестьянам в кортом за 30–100 рублей, а это 1/4 или 1/5 часть выручки. В итоге он пришел к выводу, что лишь 3 реальные причины объясняют страх татар перед их уравниванием с крестьянами и переводом в разряд оседлых: 1) боязнь рекрутской повинности; 2) боязнь насильственной христианизации; 3) леность и праздность бывших ясачных, не желавших существенного повышения платежей. Приняв это к сведению, генерал-губернатор Капцевич счел необходимым заверить татар, что бояться ни первого, ни второго не стоит, и призвал их к трудолюбию, отсрочив платежи на 1–2 года¹⁹. Однако даже в 60-х гг. XIX в. татары продолжали обращаться с просьбами о переводе их на ясак в связи с неурожаем. Они также высказывались против их причисления к крестьянским волостям²⁰.

Также негативное отношение возникало у татар к уравниванию их управления с крестьянским. Если раньше татарские управы находились в ведении уездных исправников, то теперь они, так же как и крестьяне, должны были подчиняться крестьянским начальникам своих участков (Положение об управлении инородцев. 1898 г.). Перевод татарских волостей из особого в общее управление осуществлялся в течение XIX в. местами, а в начале XX в. он стал реальностью для

всех. Крестьянский начальник 2-го участка Ялуторовского округа в 1902 г. докладывал губернатору, что инородцы Авазбакеевской и Сингульской волостей на сельских сходах твердили: “Желаем жить по-старому”. Они не исполняли его предложений о сборе податей по окладным листам, о ношении знаков сельскими старостами и пр.²¹ Татары сопротивлялись даже административным изменениям, не затрагивавшим ни их материальных, ни их культурных интересов. Тобольские татары опасались раствориться в глазах правительства в податной массе населения и потерять свою особость и иммунитетные права на землю.

Новый поток переселенцев в начале XX в. также вызывал у них тревогу. По словам И.А. Андроникова, съезд представителей татар в Тобольске в 1906 г. заявил: “Оставляя в стороне вопрос о том, в каком количестве мусульмане владеют землею в сравнении с крестьянами, съезд предлагает, что во имя неприкосновенности земли мусульман, находящиеся в их владении и распоряжении с искони веков, должны быть свободны от всяких на них посягательств”²². Съезд также постановил ходатайствовать перед правительством о том, чтобы оно вывело “крестьянское население из заблуждений для предупреждения могущих быть недоразумений”. Татары также решили просить правительство о новом законе, об устройстве инородцев и об особой землеустроительной комиссии, которая бы разобралась в их документах на землю. В результате в 1908 г. было проведено расследование чиновником особых поручений И.А. Андрониковым. Русские старожилы тоже встретили новое переселение без восторга. Они привыкли к земельному простору, а новое землеустройство и введение казенно-оброчных статей ограничивали их в пользу переселенцев и казны. Об этом писал в 1908 г. тобольский губернатор: “При неправильной постановке переселенческого дела не далеко и до аграрных беспорядков, а у местной администрации ни войск, ни полиции... В Сибири пока нет ни рабочего, ни аграрного вопроса, но если переселение и дальше будет так вестись, то очень скоро появится и свой аграрный вопрос”²³.

Барабинцы также были переведены в разряд оседлых инородцев. Но в 1835 г. для них был предусмотрен постепенный переход: с 1844 г. они должны были платить 1/4 крестьянского оклада, с 1850 г. – 1/2 часть, а с 1858 г. – весь оклад²⁴. Однако это все равно их разорило, так как земледелие у них было недостаточно развито. Жили они в основном за счет промыслов (охота, рыболовство), а также сдавали свои рыболовные угодья и земли в коротом русским крестьянам под пашни и сенокосы, сами же нанимались к ним в работники за оплату податей или же вступали в кредитные отношения²⁵. Здесь основой для них служили не трудности сбыта, а проблемы оплаты податей для экономически неустойчивых промысловых хозяйств, еще не освоивших хлебопашество в полной мере. Даже масштабы скотоводства (вполне прибыльного в степном районе) у барабинцев в 70-е гг. XIX в. были меньше, чем у крестьян, в 3 раза²⁶. Юрты барабинских татар располагались компактно и обособленно как от русских переселенческих деревень, так и от тюркских. Эндогамность их составляла 1%²⁷. Но это не помешало администрации причислить в 1858 г. инородные управы барабинцев к русским крестьянским волостям Каинского округа и перевести их под общее управление²⁸.

Соседство русских деревень и татарских юрт было важным моментом в хозяйственной жизни обоих народов. Русские, как правило, расширяли землепользование за счет татарских земель, делая это разными способами. Когда в 1832 г. крестьяне деревни Каргатской Убинской волости пожаловались в казенную палату на нехватку у них сенокосов и хлебопахотных земель, а также на татарина Бекшена, построившего мельницу и затопившего их сенокосы, в помощь им был отправлен землемер Мурзенцов. Он выяснил, что землевладение крестьян не нарушено с 1821 г., а наоборот – это крестьяне пользуются землями и лесами в дачах татар, и оставил их жалобу без последствий²⁹. В 1844 г. когда томский губернский землемер решил сдать озеро Убинское в аренду участками, его планы нарушил князец Чойской инородной управы Бестырев. Он заявил, что земля инородческая, и они сдают ее на 12 лет мещанину Бражникову³⁰.

На рубеже XIX–XX вв. арендные отношения барабинцев и крестьян продолжались, несмотря на недовольство последних. Но постепенно крестьяне осваивались на татарских землях. Землемеры отводили им эти места, составляя новые планы. Так получилось с инородцами юрт Ургульских Барабинской управы. Они издревле проживали по обоим берегам реки Туртаса между двумя русскими деревнями Ургульской и Куликовой. Постепенно переселяясь, все барабинцы оказались на правом берегу Туртаса. Свои земли на левом берегу они сдавали под пашню крестьянину деревни Ургульской А. Рычкову с товарищами. К арендаторам подселились переселенцы из Пермской губернии. Так возникла деревня Алексеевка. На правом берегу Туртаса у барабинцев также арендовали земли крестьяне деревни Ургульской – 20 душ. Затем к ним стали переселяться новоселы из Европейской России. Возникла деревня Забоевка. И уже по наличному положению дел землемер Плотников в 1868 г. произвел осмотр и нарезку земли упомянутым поселкам. Так барабинцы юрт Ургульских оказались практически безземельными и подали жалобу в 1881 г. в казенную палату. В результате чего им предложили совместное пользование с крестьянами деревни Забоевка³¹.

Землеустройство, которое проводилось в начале XX в., захватило уже во многом подобное положение дел – следствие переселенческого движения конца XIX – начала XX в. Неудивительно поэтому, что во время землеустроительных работ в 1908 г. в Барабинской управе происходили беспорядки. Землеустроителю Безобразову не удалось договориться с татарским сходом в ауле Шаригском без вмешательства полицейских чинов. Инородцы наотрез отказались представить учет душ по юртам, выбрать уполномоченных для проведения работ и выдать списки причисленных в общество. Безобразов попросил содействия у пристава Козицкого с тремя конно-полицейскими урядниками, которые, арестовав 12 человек и показав воинственно настроенной толпе обнаженные шашки, обеспечили спокойное проведение землеустройства в районе³².

Томские татары в исследуемый период не представляли собой однородной массы ни в этнокультурном, ни в экономическом отношении. Административное устройство даже оседлых инородных управ

учитывало прежде всего ревизское население, а не занимаемые им территории, в отличие от крестьянских волостей, которые реально привязывались к общинному наделу и определенной территории. Кочевые томские инородцы и вовсе не были наделены землей. Они даже сдавали земли и угодья в кортом русским крестьянам. Так, инородцы Кортульской волости сдавали свой рыбопромышленный песок на Оби в 1824 г. купцу Романцеву за 650 рублей в год³³.

Землеустройство до XX в. носило, как правило, чрезвычайный характер, когда прибывавший по требованию властей на место землемер описывал и наносил на план земли, находящиеся в непосредственном пользовании населения, как владение, причем не всегда даже заглядывая в предыдущие записи касательно этой местности. Так, татары юрт Базанакowych Больше-Шегарской инородной управы и крестьяне деревень Трубачевой, Жарковой и Ново-Николаевской Богородской волости спорили из-за сенокосных лугов площадью 116 десятин 984 сажени. В 1834 г. при разграничении колонизационных участков землемер Обоскалов отметил эти земли как летовку кочевых инородцев. Однако в 1853 г. землемер Плотников при отводе участка переселенцам из Калужской губернии отмерил эти сенокосы переселенцам. Так началась тяжба. Ежегодно сено здесь увозили кто вперед – то татары, то русские. Инородцы подали жалобу в 1866 г. – землемер Маньков восстановил их межевые знаки и составил план. Но это возмутило переселенцев, так как они не могли поверить в то, что первоначально казна “ввела их в обман”. К сожалению, неизвестно, чем кончилась эта драматическая история³⁴.

Крестьяне села Калтайского спорили с татарами юрт Барабинских за сенокосные луга с 1889 г. по 1902 г. Крестьяне имели доход от гоньбы и извоза и, соответственно, нуждались в сенокосах, так как содержали значительное количество лошадей. Они предлагали татарам в обмен на их луга, которые крестьянам приходилось арендовать ежегодно, часть еланых мест из своих владений. Но барабинцы не соглашались и препятствовали бесплатной эксплуатации своих угодий³⁵.

Земель в Томском округе было много, и администрация все равно считала их казенными, или кабинетскими, а крестьяне и инородцы только владели ей на правах пользователей. Татарские поселки нередко располагались на землях крестьянских волостей либо имели с ними общие лесные и сенокосные угодья. Часть населения Чатской инородной управы (чаты) проживали совместно с крестьянами Ояшинской волости. А на землях Тутальской, Кайлинской и Кривошековской волостей проживали совместно с русскими и украинскими крестьянами оседлые инородцы Кузнецкого округа Кумышской и Шуйской инородных управ (шорцы)³⁶.

Часть коренных тюрков (чулымцы, шорцы, обские и часть томских татар) приняли в XVIII в. христианство, поэтому, переходя к оседлости, они часто селились в одних деревнях с крестьянами³⁷. По сведениям чиновника по крестьянским делам Рождественского, в 1893 г. в Богородском участке Томского округа во всех крестьянских волостях жили коренные тюрки и совместно с ними пользовались землями (40 %). В Елгайской волости было 17 % инородческих дворов, в Семилужной – 11, в Ишимской – 5, в Уртамской – 2,6, в Нелюбинской и Богородской – 2 %. Только в Уртамской волости приходилось в среднем по 16,2 десятины на двор, а в остальных земли было значительно больше, причем в некоторых (Богородской, Нелюбинской) – неизвестно сколько³⁸.

Вероятно, такому сближению русских и татар способствовал тот факт, что бухарцев в Томском округе было неизмеримо меньше, а пришедшие татары в основной своей массе прибыли только в конце XIX в. По подсчетам Н.А. Томилова, коренное население в сельской местности составляло 64,3% тюркского населения томского Приобья, 33,4% – пришедшие татары и 2,3 % – бухарцы. Причем последние жили только в двух населенных пунктах – юртах Константиновых и Эуштинских³⁹. Занятия, быт и религия большинства населения совпадали. Однако административное управление у крестьян и инородцев были различными. Татары подчинялись инородным управам и уездным исправникам, а крестьяне – волостным сходам и крестьянским начальникам. Так в одной деревне возникали два общества с разным начальством.

К тому же все подати и повинности инородцы вносили в свои управы, никак не участвуя в хозяйственной жизни крестьян села. Особенно это стало ощущаться в конце XIX в. с наплывом переселенцев и с введением губернского поземельного сбора по 1,3 копейки с десятины.

Инородцы Ячинской инородной управы жили в начале XIX в. на берегу реки Яи в Ишимской волости. Затем в 1822 г. там поселились крестьяне из Пермской губернии и образовали село Жарковку (ныне поселок Яя). Крестьянское и инородческое население деревни росло, а земельный простор сокращался в пользу новых русских поселков. В 1873 г. крестьяне села Жарковского стали ходатайствовать о выселении инородцев и гнать их с занимаемых земель, так как они с ними повинности не несли и никакой помощи крестьянам не оказывали в исправлении дорог, гатей, гоньбы, сельских караулов и пр.⁴⁰ В ответ на что инородцы указывали, что они, как коренные жители, имеют право пользоваться землями наравне с крестьянами и повинности все они исправно несут по своей инородной управе. Администрация дважды отказывала и тем и другим, предлагая им размежеваться самим.

В таком же положении оказались кузнецкие оседлые инородцы. (телеуты, шорцы). Они обосновались на кабинетских землях Кузнецкого и Барнаульского округов в одних дачах с крестьянами, что также послужило поводом для их стеснения. И опять, кроме разъяснения крестьянам на сельских сходах, чтобы те “отнюдь не стесняли инородцев в землепользовании”, ничего не делалось. “При описании и приведении в известность земель Алтайского горного округа в период 1820–1837 гг. оседлые инородцы округа были наделены землей согласно тому порядку, какой имел место в момент межевания, в частности инородцы Ячинской и Камларской инородных управ получили землю в совместное пользование с крестьянами, в селениях которых проживали”⁴¹.

Бывали случаи, когда оседлых инородцев, совместно пользующихся землями с крестьянами, с обоюдного согласия причисляли к крестьянским волостям. Так было с телеутами Кузнецкого округа в 1877 г., когда землемер Сеченов приехал по прошению инородцев Телеутской 2-й инородной управы. Они жаловались на притеснения и обиды

со стороны крестьян. Сеченов выяснил, что телеуты улуса Коптельского и крестьяне деревни Топтушинской Уксунайской волости пользовались землей совместно по плану 1825 г. Однако вопрос о платеже инородцев за землю Кабинету решен не был, тогда, как крестьяне подати платили. Это и спровоцировало поземельные конфликты. Сеченов предложил уравнивать инородцев и крестьян, причислив телеутские хозяйства в крестьянское общество, как уже однажды это было сделано в 1876 г. Тогда инородцев деревень Тогучинской и Кайлинской причислили в крестьянское общество деревни Тогучинской⁴².

Но не все аборигены Кузнецкого округа желали причислиться к крестьянским волостям, даже проживающие в непосредственном соседстве. По сведениям крестьянских начальников, в 1903 г. почти 60 % кузнецких инородцев проживали совместно с крестьянами, а 40 % – обособленно, но и они по образу жизни мало чем отличались от крестьян. И только 3 434 ревизские души кузнецких татар кочевали в Кузнецком округе⁴³. В число совместно проживавших инородцев входили также только что осевшие, еще числившиеся кочевыми аборигены. Так как официально они не были наделены землей, то являлись самым бесправным земледельческим населением.

Типичная история приключилась с Ячинскими кочевыми инородцами улуса Бородинского. Они в начале XIX в. стали оседать в этом улусе на берегу реки Томи, а на другом выросла переселенческая деревня Елыкаевка. Елыкаевка была нанесена на карту кабинетских земель, на которой инородческого улуса не оказалось. Между тем шорцы обзавелись хозяйством и приобрели вид оседлых крестьян (дома, скот, запашки, утварь и пр.). Растущий русский поселок стал нуждаться в земле, и в 1883 г. крестьяне подали жалобу на стеснение их кочевыми инородцами. В результате администрация предложила шорцам либо причислиться к крестьянскому обществу, либо переселиться на другое место, что и было осуществлено в 1887 г.⁴⁴

Часть шорцев, осевших в Барнаульском округе в начале XIX в., тоже подверглась вытеснению со стороны крестьян-переселенцев. Шорцы деревни Котешной испокон века пользовались землей неогра-

ниченно, но в 1884 г. переселенцы заняли 20 тыс. десятин в их дачах, в 1892 г. поселилась еще одна партия переселенцев и заняла 10 тыс. десятин. Аборигены ходатайствовали об их выселении, но бесполезно⁴⁵. Не всегда недавно осевшие аборигены желали переселиться из обжитого места. В 1895 г. новопоселенцы бывшего казачьего редута Кандалепского пожелали выселить обосновавшихся там инородцев. Последние уже обзавелись домами, занимались скотоводством, пчеловодством и хлебопашеством и съезжать не собирались⁴⁶.

Конфликты кочевых инородцев в конце XIX в. случались и с крестьянами-старожилами. Так, в деревне Лебедевой Кузнецкого округа с 1827 г. проживали крестьяне Тарсминской волости. Чуть позднее здесь же осели шорцы Шуйской инородной управы. Отношения развивались мирно. Кочевники осваивали земледелие, а платить продолжали ясак в свою инородную управу. С введением губернского поземельного сбора крестьяне стали требовать с них участия в платежах, на что аборигены не согласились. Результатом стали поземельные конфликты и притеснения инородцев⁴⁷. Более того, многие кочевые инородцы уже проживавшие оседло, специально ходили на промысел, чтобы ясак платить не деньгами, а шкурами. Они боялись перевода в разряд оседлых, увеличения сборов и воинской повинности⁴⁸.

Повсеместные поземельные конфликты нуждались в разрешении. Но когда администрация взялась за землеустройство в начале XX в., то столкнулась с противодействием населения. Острое столкновение с населением в районе Мало-Коряковской инородной управы при землеустроительных работах произошло в августе 1900 г. В 1901 г. возникло недоразумение по поводу отказа инородцев Телеутской управы в исполнении законных требований со стороны землеустроительных чинов⁴⁹. Инородцы отказывались производить межевые действия, давать рабочих и подводы. Для их осуществления понадобилось организовать конную стражу в 1901–1902 гг. Отказ, как правило, происходил до тех пор, пока аборигены не убеждались, что почти все земли их фактического пользования будут оставлены в наделе.

Очень точно их настроения передал В. Радлов, путешествовавший по Алтаю в 1861 г.: “Татары с завистью смотрят на водворение русских крестьян в их соседстве. Лет 50 тому назад, говорили они, здесь было только несколько селений и вся земля принадлежала нам. Теперь деревни повсюду, татвр год от года становится меньше, и земля у нас почти вся отмежевана”⁵⁰.

Большая часть чулымских тюрков в XIX в. жила обособленно от русского населения и занималась промыслами – охотой и рыболовством. В инородных управах Мариинского округа русские встречались лишь как арендаторы-промысловики даже в конце XIX в. А в Томском округе на правом берегу Чулыма русские образовали ряд земледельческих поселений совместно с чулымцами. По сообщению крестьянского начальника 2-го участка Томского округа, в 1901 г. уже 1/3 населения инородных управ составляли русские “припущенники”. Из них образовалось даже Троицкое сельское общество с центром в селе Пышкино-Троицком, в котором население было смешанным⁵¹. И те и другие занимались сельским хозяйством. Чулымцы, как кочевые инородцы, не были наделены землей, но в землеустройстве не нуждались, так как и без него чувствовали себя хозяевами необозримых пространств. Они охотно принимали к себе русских. Будучи не в состоянии сами освоить все земли, они предпочитали полезное соседство. Крестьяне и мещане вносили определенную плату за свое размещение, чем помогали оплачивать государственные подати инородцев.

Отношения складывались мирно и взаимовыгодно. Чулымцы, жившие в одних деревнях с русскими, почти все если не говорили, то понимали по-русски. Но не всегда все так удачно складывалось. В 1886 г. по устью Кушербака (левый приток Чулыма) водворились переселенцы из Пермской губернии. И разрешение на это им дал чиновник по переселенческому делу Чарушин, а не чулымцы. Инородцы Мало-Байгульской, Больше-Байгульской и Каргалинской инородных управ подали жалобу о самовольном заселении их земель. В 1888 г. губернский совет постановил выселить переселенцев. Однако в 1896 г. крестьяне подали встречное прошение, после чего для выяснения ситуации на

месте был послан помощник управляющего государственными имуществами Томской губернии Таскин. Уполномоченный чиновник выяснил следующее: 1) почвы для хлебопашества удобны и крестьянство здесь целесообразно; 2) местного населения всего 70 ревизских душ, а пространства земельные неограниченные; 3) инородцы ежегодно обрабатывают 20–25 десятин; 4) 48 домов поселенцев еще раз переселять невозможно и разорительно. Таскин предложил их просто размежевать. Чулымцы от землеустройства отказались и не выделили необходимых рабочих. В результате их все равно размежевали и взыскали штраф в 425 рублей за найм рабочих, а прошение о выселении крестьян оставили без последствий⁵¹. Однако в основном традиции не изменились, чулымцы и позднее продолжали сдавать земли и угодья “в аренду посторонним лицам”.

Управление государственными имуществами Томской губернии специально по этому поводу обращалось в Министерство земледелия и государственных имуществ в 1901 г. В ответе было сказано: “Имея в виду, что Чулымским инородцам никогда никакие земли и никакие промыслы отводимы в надел от казны не были и что вследствие сего они не имеют сами право на пользование какой-либо определенной местностью земли”, а следовательно, и сдавать ее в аренду права не имели⁵². Коренное население несколько изменило тактику. Теперь “припущенникам” разрешалось бесплатно пользоваться угодьями, но в обмен на их участие в общественных повинностях: подворной гоньбе, исправлении дорог и пр.⁵³ Крестьяне, желавшие заниматься промыслами в пойме Чулыма, нередко платили дважды: аренду Чулымскому лесничеству и кортом инородцам. Так в 1907 г. пришлось поступить крестьянам села Рождественского Огнерубову и Колпину⁵⁴.

Нередко свободные, по мнению чулымского лесничего, места неожиданно оказывались в постоянном пользовании чулымцев. Так, когда он устроил торги на отдачу рыболовных неокладных статей в Обско-Чулымской даче 21 марта 1907 г., оброчную статью “Салтыковскую старицу” вызвался арендовать крестьянин из села Попадейкино Павел Попадейкин. Но инородцы во главе с Егором Меримовым заявили,

чтобы не смели арендовать их угодье, поскольку они ловить не дадут, будут ловушки портить и перед насилием не остановятся. Таких мест оказалось еще 8. Продажа статей не состоялась. Казна потеряла до 300 рублей. И в 1911 г. крестьяне продолжали договариваться о кортоме угодий с чулымцами, обходя интересы казны⁵⁵.

В 1905 г. инородцам запретили безбилетную рубку дров. Хотя им, как коренным жителям, предлагалось брать билеты бесплатно, это вызвало у них возмущение. Так, татары Мало-Шегарской и чулымцы Мало-Байгульской инородных управ на волостных сходах постановили билеты не брать и на протоколы не обращать внимания⁵⁶. Татары юрт Орских (чаты) даже просили признать их земли частной собственностью, чтобы остановить распоряжение начальника о выдаче лесорубных билетов⁵⁷. Разумеется, их прошения оставили без последствий.

Таким образом, в средней полосе Сибири, где население жило более плотно, чем на Севере, нередко возникали споры между пользователями земли. Можно констатировать, что часть этих недоразумений возникала на основе столкновения традиционного права коренных народов Сибири с интересами государства, считавшего все земли казенными, или кабинетскими, и с интересами крестьян, интенсивно колонизовавших территорию Сибири в XIX в. Стремление государственных чиновников разрешить поземельные конфликты, упорядочить землепользование на основе законов не всегда приводило к положительным результатам. Чаще всего крестьянам приходилось учитывать традиционные права коренных жителей края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 253. Л. 9.

² Там же. Д. 293. Л. 1.

³ *Латканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Тобольская губерния. Тюменский округ. СПб., 1888. Вып. 1. С. 56–108.

⁴ *Соколов Г.И., Горемыкин В.Н.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Тобольская губерния. Тюменский округ. СПб., 1890. Вып. 4.

⁵ *Патканов С.К.* Указ. соч. С. 12–56.

⁶ *Зияев Х.* Узбеки в Сибири. Ташкент: Фан, 1968. С. 17–37.

⁷ *Андронников И.А.* Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. С. 291–298.

⁸ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 194. Л. 4–5.

⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 11. Д. 11231. Л. 44.

¹⁰ *Андронников И.А.* Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск. 1911. С. 10–76.

¹¹ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 5. Д. 31. Л. 9–12.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–7.

¹³ Там же. Ф. 152. Оп. 41. Д. 277. Л. 10.

¹⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1483. Л. 326–327, 779, 742–745.

¹⁵ *Патканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Тобольская губерния. Тобольский округ. СПб., 1892. Вып. 22. С. 330–382; *Кауфман А.А.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Тобольская губерния. Туринский округ. СПб., 1891. Вып. 11–13. С. 220.

¹⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 552. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 843. Л. 3–6.

¹⁸ Там же. Д. 1110. Л. 1.

¹⁹ Обращение генерал-губернатора Капцевича к татарам Тобольской губернии по поводу их перечисления в разряд оседлых инородцев // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1825. Вып. XX. С. 1–11.

²⁰ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 156. Л. 149–163.

²¹ Там же. Оп. 18. Д. 74. Л. 10–12.

²² *Андронников И.А.* Указ. соч. С. 1–10.

²³ ГАРФ. Ф. 102. ДП 4. Оп. 116. Д. 951. 108. Ч. 70. Л. 13; Д. 951. 108. Ч. 71. Л. 19; Д. 1138. Ч. 168. Л. 20–24.

²⁴ *Костров Н.* Барабинские татары // Томские губернские ведомости. 1858. № 9. С. 66.

²⁵ *Костров Н.* Каинская Бараба. Томск, 1874. С. 59.

²⁶ *Филимонов Е.С.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Томская губерния. Каинский округ. СПб. 1892. Вып. 17. С. 35–93.

²⁷ *Селезнев А.Г.* Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. С. 5.

²⁸ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 581. Л. 3–4.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 1–100.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–7.

³¹ Там же. Оп. 2. Д. 327. Л. 5, 41, 74.

³² ГАРФ. Ф. 102. ДП 4. Оп. 117. Д. 661 76 ч. 11. Л. 35–36.; Д. 661 77 ч. 2. Л. 21–32.

³³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 402. Л. 1.

³⁴ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 488. Л. 78–79; Оп. 2. Д. 329. Л. 4 – 14.

³⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 15.

³⁶ Швецов С.П., Юхнев П.М. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Томск, 1900. Т. 2, вып. 1. С. 9.

³⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10. Л. 18–23, 30; 54–141.

³⁸ Там же. Оп. 44. Д. 268. Л. 34–40.

³⁹ Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 25–26.

⁴⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 92. Л. 1–6; Д. 42. Л. 2–8.

⁴¹ Там же. Оп. 19. Д. 851. Л. 5–19.

⁴² Там же. Оп. 48. Д. 86. Л. 5, 7–18.

⁴³ Там же. Оп. 8. Д. 10. Л. 15; 34–181.

⁴⁴ Там же. Оп. 44. Д. 24. Л. 1–11.

⁴⁵ Там же. Д. 348. Л. 15.

⁴⁶ Там же. Д. 419. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Д. 33. Л. 2–13.

⁴⁸ Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–2.

⁴⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10. Л. 219–224.

⁵⁰ Там же. Оп. 49. Д. 2. Л. 14.

⁵¹ Там же. Оп. 45. Д. 506. Л. 192–204.

⁵² РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 720. Л. 1–3.

⁵³ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 486. Л. 16–18; 75–76; 163.

⁵⁴ Там же. Л. 30.

⁵⁵ Там же. Л. 21.

⁵⁶ Там же. Л. 118–119; 142–148.

⁵⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 44. 373. Л. 4–6.

2.3. ЮЖНЫЕ СТЕПНЫЕ РАЙОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Южная скотоводческо-земледельческая полоса Западной Сибири включала в себя приграничные округа региона и саму границу, которая почти весь XIX в. состояла из полосы казачьих поселений. В Тобольской губернии границу представляли две казачьи линии: Пресногорьковская (от Оренбургской губернии до реки Иртыша) и Иртышс-

кая (вдоль Иртыша). На юге Томской губернии, на Алтае, до середины XIX в. границы вообще не было. Однако в долине реки Бухтармы существовали русские поселения.

В 1771 г. указами государственной коллегии был разрешен припуск верноподданных казахов за линию. Тут же с них стали собирать по одной лошади со 100 для ремонта драгунских полков. Вызвано это было тем, что переходившие линию казахи никаких податей не несли, но пользовались угодьями и защитой, а казна несла большие расходы на содержание войск. В 1808 г. драгуны были выведены из Сибири, а на их месте сформировали Сибирское казачье войско. Собранных лошадей стали раздавать в полки, а 1% от прочего скота шел на содержание лазаретов.

Постепенно, а с 1832 г. официально, власти постановили взимать ремонтную пошлину с казахов, кочующих на расстоянии 10 верст от линии¹. Так возникла “10-верстная полоса”. Доступ за нее кочевники могли получать только с разрешения русского военно-пограничного начальства. Она быстро распространилась на 20–30 верст во внутренних округах – Омском, Павлодарском, Семипалатинском и Усть-Каменогорском. В середине XIX в. она составляла 21 170 кв. верст Семипалатинской области и 24 670 кв. верст Акмолинской области, т.е. почти 5% их территорий².

Основным населением “10-верстной полосы” в начале XIX в. было оседлое казачье и кочевое казахское население. Именно здесь казахи стали оседать раньше, чем в других местах на своих зимних стойбищах. Они арендовали у казаков земли под сенокосы, а затем и под пашни. Так в 1823 г., живущий в селе Янгаты казах Якунда пришел к омскому коменданту Безносикову и объявил о своем желании принять греческую веру и записаться в крестьяне этого села. Ему разрешили, предоставив 5 льготных лет на обзаведение хозяйством и пожизненное освобождение от воинской повинности³.

Уже в 40-е гг. XIX в. значительная часть казахов на линии занималась земледелием, сначала в качестве работников у казаков, затем самостоятельно. Как о них писал в своем докладе чиновник особых поручений Трофимов: “Желание их иметь свои пашни и сено для скота

так велико, что нанимают для того места у крестьян и казаков дорогой ценой и отдадут за них последние свои деньги, не имеющие же денег отработывают плату на страде или в зимнее время, не имеющие ни денег, ни земледельческих орудий идут к хозяевам земли на все лето в работники со своими лошадьми, чтоб получить за труд свой хоть часть урожая. Заботливость киргиза о пашне достойна даже уважения...⁴.

Власти поощряли вхождение казахов в российские сословия. В 1846 г. все земли «10-верстной полосы» были объявлены в подчинении казачьего войска и никто, кроме казахов, не мог иметь там оседлости. В результате часть оседлых казахов вошла в состав Сибирского казачьего войска. В 70-е гг. XIX в. 6,4 % казахов исповедовали ислам. Главным образом это были казахи, а также татары и бухарцы⁵. Однако этот же закон 1846 г. увеличивал возможности доходов для казаков. Например, в Бельгагачской степи в конце XIX в. за зимовки взимали аренду по 40 копеек с десятины, за покос – от 40 до 60 копеек, за пашню – по 60 копеек с десятины. Вероятно, это были более или менее реальные расценки⁶.

А в районе 7-го полка в 40-е гг. XIX в., по словам Трофимова, дело обстояло так: все удобные земли казаки делили между собой, а излишки выродившейся земли сдавали казахам по 3–5 рублей за десятину, за новину – по 7–8 рублей. Участок покоса 150–200 копен стоил от 20 до 50 рублей. Распространенной формой эксплуатации казахов была выдача билетов для увольнения с линии. Казаки отпускали только тех, кто им не был нужен в хозяйстве, и брали за билеты произвольно от 1 до 5 рублей⁷.

Еще одной возможностью для злоупотреблений стала ремонтная пошлина. Был назначен штраф за сокрытие скота в трехкратном размере и введен пересчет. Пересчитывали по 3 раза за год: учет был плохо налажен, а между тем скот рос, терялся и находился, путался с чужим – ошибки возникали постоянно. Штрафы вызвали возмущение казахов, – они стали отказываться платить ремонтный сбор, уже потерявший законную силу, так как большинство кочевников арендовало земли у казаков. С 1858 г. казахи вынуждены были платить также за зимовки и летовки на казачьих землях. Доходность от аренды росла, а от ре-

монтной пошлины – падала. И в 1880 г. (16 сентября) ее окончательно отменили¹.

К концу XIX в. у всех состоятельных казаков сельскохозяйственные работы выполняли наемные или задолжавшие казахи. Казашки нанимались домашней прислугой. За 3–4 года джатаки обзаводились собственными зимовками и скотом и жили безбедно, работая на казаков. “Можно сказать, что не только каждый в полке зажиточный, но и средний казак домохозяин Иртышской линии имеет одного, а то и двух работников или работниц из прилинейных казахов”. Особенно в них нуждались семьи, чьи собственные работники находились на службе за сотни верст⁸. Тем более что казаки сами хорошо владели казахским языком, носили казахскую одежду и занимались оседлым скотоводством⁹.

Этнограф Гребенщиков в своем сочинении говорит также о наличии кредитной системы в отношениях между кззаками и казахами. Казак давал казаху в долг под определенное количество хлеба или число стогов, а если должнику не удавалось рассчитаться, то ему все равно давали в долг под будущую работу, – в итоге возникала кабала, которая подкреплялась угрозами вооруженного кредитора¹⁰. Во многом это были колониальные отношения.

В 1904 г. “10-верстная полоса” была передана Сибирскому казачьему войску в собственность. Встал вопрос, как устроить еще не осевшее казахское население. В 1909 г. казахам было предложено перенести свои зимовки в более южные волости Павлодарского округа (за пределы линии) на свободные от переселенческих участков земли. А долина Иртыша поступила под крестьянское заселение¹¹.

Одним из факторов в общении русских и казахов на границе в начале XIX в. была торговля детьми – обычно калмыками (ойротами) или казахами. Детей покупали чиновники, купцы, военные чины или состоятельные торговцы. Обычно их крестили и обучали какому-нибудь делу, что было немаловажно для казахов, продававших своих детей не в лучшие времена. В 1808 г. вышел высочайший указ, по которому купленные и вымененные киргизские дети по достижении ими

25 лет должны были быть отпущены на свободу. За его выполнение следовало денежное вознаграждение от казны – 150 рублей за 5 отпущенных. Почти все они получили вольные в 1829–1836 гг.¹²

Однако и в 1826 г. работорговля на линии еще имела место¹³. В 1840 г. дворовых людей из калмыков оставалось в Тобольской губернии еще 76 человек – это 9,8 % от общего числа дворовых людей в Тобольской губернии¹⁴. По сведениям С. Шашкова, указы 1825 г. и 1826 г. определяли сроки освобождения невольников. Они также установили, что впредь их судьбой должно было заниматься оренбургское и сибирское начальство, определяя на воспитание до 25 лет в крепкие крестьянские семьи. Взять детей пожелали в Тобольской губернии – 237 человек; в Омской области – 338 человек, а в Томской губернии – 3 человека. Это не случайно, так как в Омском округе население было лучше знакомо с ойротами и казаками¹⁵.

Почти весь XIX в. казахи из внешних округов продолжали свои грабительские набеги. В начале века они нередко обирали бухарские и ташкентские торговые караваны, идущие из Средней Азии в южные округа Западной Сибири.

Так, в 1824 г. бухарцы жаловались на кражу у них товаров: 40 халатов и 200 кусков дабы на Пресногорьковской линии, а также на бездействие русских властей по этому поводу¹⁶. Неутомимыми грабителями на линии были в конце 1830-х гг. киреевцы султан Худа-Менды Газин и Коске Урмаков. Они главным образом обирали торговые караваны азиатцев, хотя не брезговали и лошадьми соплеменников и преследующих их казаков. Так, бухарец Абдул Кадыр-нур Мухаметов в 1839 г. следовал в Ташкент для мены товаров и был ограблен казахами на 6 тыс. рублей и за выкуп ташкентца Болдабая заплатил еще 1 тыс. рублей. На обратном пути Газин снова напал на Мухаметова, причинил побои и забрал имущество на 24 216 рублей. Ташкентца Сарымсака Азаматова он также ограбил в 1839 г. на 3 882 рубля. Ташкентец Абзалбай Абрахамов в своей жалобе в Семипалатинскую таможню повествовал о том, что, следуя из Ташкента с товаром, он остановился в Надан-Табуклинской волости для мены лошадей. Туда

к нему приехал подданный Газина и взял с него пошлину 1 халат и 10 кусков дабы. Но когда он снова отправился в путь, султан Коске Урмаков настиг его с отрядом и ограбил на 19 975 рублей. Канцелярия общего управления сибирскими киргизами решила взыскать с Газина стоимость украденного, а 10 человек исполнителей отправила на каторжные работы в Енисейскую губернию¹⁷.

В конце XVIII в. пропуск казахов за линию был официально разрешен, и 15 тыс. их расселилось по Кулундинской степи. С тех пор они постоянно кочевали в пограничных округах Западной Сибири и оседали в крестьянских поселениях. Часть казахов с линии увольнялась сюда на лето по разрешительным билетам, а также без всякого ведома прикочевывали казахи с внешних округов. Все они оказывались в непосредственной близости к крестьянским селениям, постепенно оседали, обзаводились хозяйством, работая у крестьян пастухами и пр. Почти в каждом крестьянском селении жили казахи – по одному или несколько семей по паспортам, билетам или вообще без документов. Часть их прикочевывала на время полевых работ и останавливалась возле села в юртах. Такие стойбища были опорными пунктами для казахов из внешних округов, совершавших грабительские набеги.

В 1806 г. инспектор сибирской линии зафиксировал кражу казахами восьми лошадей на сумму 370 рублей у “ясашных” (русских). Случилось это потому, что барантчи (угонщики скота) останавливались проездом в их селе с согласия жителей¹⁸. Границы с Китаем на юге Алтая не было, и подданные разных государств сами выбирали себе территории, – нередко были прямые столкновения. Казахи устраивали потравы пашни и крали лошадей. Пасти скот и красть лошадей было естественно для кочевников. Сами они никогда не признавались в краже скота, а если платили за ущерб, то только потому, что обычай велел им платить всякий раз, когда следы кражи приводили к их кибиткам, без каких-либо отпирательств.

Русское население бухтарминских поселков при опросе советником Сушиным показало, что с 1814 по 1849 г. казахи украли у них лошадей и прочего скота на 40 тыс. рублей¹⁹. “С русскими, которых прежде боялись... сделались уж слишком дерзки, именно: прикочевывая весной

к деревням заводского ведомства, произвольно занимают крестьянские земли и даже сельские выгоны, выкашивают для себя их покосы или пускают туда свои табуны...» – писал о кочевых казахах Трофимов²⁰. А когда крестьяне требовали удовлетворения за потраву, казахи прогоняли их нагайками, оттого случались «опасные драки с русскими»²¹.

Часть казахов пробовала закрепиться на свободных землях Змеиногорского и Барнаульского округов. В 1840-е гг. насчитывалось уже 8 душ казахов, добровольно причислившихся в заводские крестьяне. При этом они пользовались 5-летней льготой и освобождением от воинской повинности. По мнению горного правления, именно этот фактор заставлял их проситься в заводские крестьяне. Однако сами просители объясняли свои стремления иначе. Например, Джейсалык Джейбыков в 1842 г. аргументировал свою просьбу так: «...чтобы... отмежеваны им были места для заселения и грань для скотоводных выпусков и прочих сельских угодий...». Но к земледелию переходить они не спешили. И когда им решили выделить землю на условии, чтобы через два года они приступили к хлебопашеству, род Джейбыкова уведомление не подписал и откочевал в неизвестном направлении²².

Вообще, отношения с заводским ведомством у казахов складывались не просто. В июле 1832 г. у служителей Локтевского завода, отправившихся за дровяными запасами на 60 верст от него, ночью украли 6 казенных лошадей. Затем у поехавшего за ними пристава отбили еще 3 лошадей. Преследование продолжил мастер Козьмин. Следы привели его в казахский аул в Узкой степи. В итоге, после отпирательства, казахи признались только в похищении 3 лошадей пристава, – одну вернули, за 2 другие дали в подарок 3 халата, 1 армячину и 1 белую дабу. После этого случая Горное правление собрало известия о всех случаях покражи лошадей в районе Кольвано-Воскресенских заводов и вынесло решение просить Омское областное правление учредить казачьи пикеты, чтобы казахи не могли переходить за черту заводского ведомства²³. Однако это не могло их остановить.

В 1839 г. там кочевало 9 родов в 2 036 кибитках со скотом²⁴. Они воровали лошадей у вольных возчиков, перевозивших руды с Ридерского и Крюковского рудников на Змеевский завод. Хотя плата за

эти перевозки была выше, чем обычно, возчиков, желавших наняться даже за повышенные расценки, было недостаточно²⁵. Казахи также причиняли вред возчикам соли при соляных озерах Бурлинских, Карасукских и Боровых по дороге от них к оптовым магазинам. Казахи вытаптывали подножный корм и крали лошадей²⁶. Алтайская администрация регулярно входила в эти проблемы, запрещая казахам селиться в горном округе, кочевать близ рудников, кочевий калмыков, соляных озер, лесных боров и пр., выселяла их неоднократно: в 1837, 1848 гг. и позднее²⁷. В 1874 г. по утвержденному положению Сибирского комитета не причисленным к крестьянским обществам казахам было запрещено проживание на землях казенных селений иначе как по особым срочным билетам без юрт и скота. Действие этого закона заставляло переходить казахов к оседлости и обеспечивало дешевые рабочие руки в хозяйстве крестьян и заводов²⁸.

Казахам приходилось ежегодно арендовать земли для пастьбы у лесных приставов и крестьянских сел и платить за нее деньгами, лошадьми, бухарскими халатами. Кроме того, они платили ремонтную пошлину и оплачивали билеты. Так, в 1879 г. крестьяне деревни Узьянка пускали на свои земли до 150 юрт казахов, чем вызвали негативное отношение казаков форпоста Песчаного²⁹. По данным локтевского лесничего, аренда обходилась казахам по 15 копеек с головы скота. На землях деревни Псеводской паслось 800 голов, деревни Николаевской – 1000 голов, деревни Петуховой – 1500 голов и т.д.³⁰ В крестьянских селах они занимались пастьбой скота; заготовкой дров, сена и другими домашними работами.

Брать пастухами казахов было выгодно, так как казахи из внешних округов обычно не отбивали скот у соплеменников. Кроме того, казахи были умелыми пастухами, скот у них терялся меньше и реже травил посевы и сено. К тому же крестьянам это позволяло, не отрываясь от земледелия, увеличивать поголовье скота, тем более что в середине XIX в. многие пастухи-казахи уже родились в этих деревнях. Вообще, они способствовали росту зажиточных хозяйств как на юге Томской губернии, так и в южных округах Тобольской губернии³¹.

А.А. Кауфман полагал, что конокрады в Ишимском округе имели правильную организацию, центры которой находились в Киргизской степи³². И он не ошибался. Одну из таких организаций в 70-е гг. возглавлял Тайшет Тлемисов. Он проживал в «10-верстной полосе» близ границ Тобольской губернии. 16-летним мальчиком он был отдан отцом в услужение курганскому купцу Меньшикову, у которого прожил почти 10 лет. За это время он успел выучить язык русских, узнать их быт, приобрести знакомства и торговые навыки. У Меньшикова Тлемисов торговал лошадьми, возил их с ярмарки на ярмарку. Постепенно он стал соблазняться свободно пасущимися чужими лошадьми, присоединять их к хозяйским и продавать в свою пользу. В 25 лет он отошел от купца и вернулся к отцу уже опытным конокрадом, собрал шайку и занялся воровством лошадей в русских селах. В 1872–1873 гг. грабеж был такой, что нельзя было утром выходить на работы и оставаться допоздна. Казахи нападали на крестьян: грабил и насловали. А в 1876 г. Тлемисов обложил окрестных крестьян оброком. Масса следствий по его делу ни разу не дала прямых доказательств его виновности. По этапу уходили его сообщники, такие как Рысай Айтенов в 1881 г. Он был осужден на 8,5 лет каторги, а Тлемисов оставался неуязвимым. Он всегда успевал прятать краденое, запугивать свидетелей и пр. 15 лет он был «бастаном» – главой конокрадов. В 1886 г. его административно выслали в город Березов на 5 лет, так и не найдя никаких доказательств его виновности³³.

Неспокойно было на юге Алтая в долине реки Бухтармы. В 60-е гг. рядом с поселениями «ясашных» (Фыкалка, Белая, Калинка) выросли новые русские переселенческие деревни: Черновая, Таловка, Медведка и пр. В 1873 г. им официально отвели землю на тех местах, где традиционно перекочевывали из Китая в горные области Алтая киреевцы – китайские подданные и русские подданные – чингистайцы³⁴.

8 августа 1879 г. из деревни Черновой киреевцы угнали 60 лошадей. Крестьяне, собрав 100 человек, отправились в погоню по свежим следам и по пути вернули 20 лошадей. Затем, прибыв в аулы казахов, потребовали вернуть остальных лошадей и получили отказ.

Крестьяне, обнаружив враждебное к себе отношение, обратились за помощью к сибирскому казачьему войску. Хорунжий Осипов с полусотней казаков и добровольцами из крестьян разбил неорганизованную толпу киреевцев и отбил 1109 лошадей из их табуна, потеряв в схватке 5 строевых лошадей. Большая часть захваченных лошадей была возвращена после удовлетворения крестьян депутатными казавшихся казахов. Последние объяснили, что причина их поведения происходит «от незнакомства с русскими и их обращением»³⁵.

В 1893 г. перекочевку чингистайцев по Верхне-Бухтарминской волости можно было сравнить с нашествием Батыя: «...потравили у них (крестьян) хлеб, выкрали множество лошадей и рогатого скота, местных же сельских властей с понятыми, явившихся для оценки потрав и взыскания денег с виновных, избив, намеривался утопить, но были от этого избавлены нарочно отряженными людьми около 50 человек» – так докладывал о событии чиновник по крестьянским делам 3-го участка Бийского округа³⁶.

В 1880 г. отменили ремонтную пошлину³⁷ и легализовали пребывание казахов в Алтайском округе. Они должны были платить по 3 рубля за кибитку и ограничиться пребыванием в Кулундинской степи, в районе озера Топольного, а также территорией вдоль западной границы округа³⁸.

Трудолюбие, дешевизна рабочих рук, неприязательность быта казахов заинтересовали горно-рудничное управление Алтая. Еще в 1876 г. в Бийском округе казахи работали на Таловском и Риддерском рудниках – 31 человек и при Колывановской шлифовальной фабрике – 16 человек. Они использовались на подсобной работе и при уборке сена. Летом они проживали в юртах на заводских землях, а в зимнее время в селе Колыванском в специально построенных для них домах³⁹. Так, продолжая вести полуоседлый образ жизни, казахи попали в сезонный ритм алтайского горного производства. В 1880 г. жители села Колыванского изгнали их из села, ссылаясь на то, что они и на работу-то нанимаются, только чтобы красть скот да кочевать на казенных землях. При этом сами крестьяне ограбили их при выселении: взяли деньги, скот, одежду, продукты на 395 рублей 65 копеек. В результате фабрика понесла убытки на сумму 112 рублей 5 копеек – за-

датки рабочим-казахам и издержки, так как русские рабочие обошлись дороже. В 1881 г. Горная контора вновь наняла для работы на фабрике 44 казаха с юртами и со скотом. Все это им было необходимо для жизни и пропитания, так как жители села Кольванского и краюшки хлеба им продавать не хотели⁴⁰. В 1893 г. на Риддерский и Сокольный рудники были приняты артелью 15 казахов, группа которых впоследствии увеличилась до 30 человек.

В 1894 г. под предлогом болезни на скот, занесенной казахами, сельское общество отказало им в квартирах и вынудило покинуть Риддер. Эта мера риддерских мастеровых не коснулась тех казахов, которые работали у них в хозяйствах. И рудничному управлению пришлось отстаивать право нанимать казахов и доказывать, что этим оно защищает интересы Кабинета⁴¹. Точно так же под предлогом борьбы с конокрадством мастеровые Зырянского рудника постарались выселить казахов, нанятых на рудник в 1897 г.⁴¹ Однако это не останавливало казахов. В 1904 г. на 17 алтайских приисках работало 34,8 % мусульман⁴².

Казахи также работали на ломке соли. Еще в 1860–1880-х гг. старший смотритель соляных озер жаловался, что они своими табунами производят потраву сенокосов, наносят вред молодой поросли в борах, затаптывают родники и уничтожают садку соли и требовал их немедленного выселения. В 1916 г. начальник Алтайского округа вынужден был ходатайствовать перед томским губернатором об отсрочке от мобилизации на полгода 143 казахам призывного возраста, занятым в ломке соли. И они ее получили⁴³, а 42 казахам, постоянным ломщикам, дали отсрочку на год⁴⁴.

В конце XIX в. на свободных землях Кабинета, то есть в степях Барнаульского, Змеиногорского и Бийского уездов, кочевали 1 440 кибиток казахов (7 511 человек) и 1 010 человек проживали оседло в крестьянских селениях в качестве работников. По подсчетам С.П. Швецова, уже 25% оседлых казахов занимались земледелием, в основном в Кулундинской и Карасукской степях, где им было дозволено кочевание.

Казахи-скотоводы имели свои постоянные зимовки и сенокосы⁴⁵. В конце XIX в. ужесточились условия аренды. Она стала обязательной, повсеместной и дорогой, даже в местах их постоянного кочева-

ния: в Ремовской, Соляной, Узкой и Бельгагачской степях⁴⁶. По словам чулымского лесничего, крестьяне деревни Михайло-Архангельской Ярковской волости Барнаульского уезда в 1901 г. жаловались на казахов и сгоняли их с арендованных земель исключительно потому, что сами хотели сдавать им эти угодья⁴⁷. Казахи подавали прошение на отведение им земли в местах их оседлого скотоводства. Так, в 1912 г. казахи, жившие почти 20 лет по реке Чарышу в деревне Алексеевке Змеиногорского округа (41 семья), просили наделить их землей, боясь потерять возможность аренды при наплыве переселенцев. Им было отказано⁴⁸.

В начале XX в. с усилением русской крестьянской колонизации положенные кочевых казахов в степях Томской губернии ухудшилось. В 1906 г. заботы о переселенцах взяло на себя Главное управление землеустройства и земледелия. С 1907 г. по 1911 г. в Алтайском округе было образовано 1 373 новых переселенческих участков и 1 272 хутора, на коих устроено было 429 тыс. переселенцев⁴⁹. Места обитания казахов в Бельгагачской, Ремовской и Соляной степях, урочища Кособулат, Чамам-бай, Джалбы и пр. сдавали в аренду крестьянам-переселенцам и овцеводам с Кавказа. Поскольку прав на эти земли у них не было, а от наделения землей на общих основаниях они отказались, то им остались лишь высокогорные долины: Алтая, непригодные для земледелия, и остатки земли после крестьянского землеустройства⁵⁰. Вытеснение кочевников с земель привело к их массовому оседанию и активному внедрению во все экономические сферы региона.

Наиболее точную картину тесных взаимоотношений казахов и крестьян вскрыла попытка тотального выселения казахов в 1894–1895 гг. Оказалось, что Курман Коченов учится в Николаевском училище и желает окончить курс, Корол Десебинов уже 8 лет занят мануфактурной торговлей и собирается приписаться в барнаульские мещане, Байгучак Туримисов и другие наняты по контрактам на строительстве Западно-Сибирской железной дороги. У многих из них имелись обширные хозяйства, семьи, были подписаны обязательства. Крестьяне Барнаульского, Бийского, Змеиногорского, Каинского округов непрерывной чередой подавали прошения об оставлении в их деревнях “полезных киргиз” и свидетельствовали об их благонадежности⁵¹.

Благонадежность их была относительной. Оседлое казахское население и на рубеже XIX–XX вв. продолжало красть скот. Например, в деревни Снегиревка казахи-ремесленники занимались выделкой кож и производством из них конской сбруи, упряжи, сел. Дешевизна этих изделий объяснялась тем, что сырьем служили шкуры ворованного скота⁵². Особенно большие размеры приняло скотокрадство в Змеиногорском округе. С января 1895 г. по ноябрь 1897 г. казахи совершили 896 зарегистрированных краж скота на сумму 84 985 рублей 67 копеек, а все прочее население совершило 733 разные кражи. Обычными преступлениями крестьян были угрозы, побои, оскорбления и неповиновения властям⁵³. В Тобольской губернии казахов было намного меньше, чем в Томской, и почти все они осели в начале XX в., но в 1905–1907 гг. в Ишимском и Тюкалинском округах количество украденных лошадей ежегодно переваливало за 1 000 штук, в 4–5 раз превышая показатели в других округах губернии⁵⁴.

Вытесненные из пограничных степей кочевники проникали во внутренние районы Алтая. В 1910 г. они появились в Пристанской волости Бийского округа. По описаниям очевидцев, это выглядело так: «Являются большими партиями в каждую деревню, селение и заявляют на обществах сельским старостам и общественникам о сдаче под штраф к себе поголовно лошадей на условную сумму, а если какое-либо селение не соглашается платить киргизам денежную дань, то таковые киргизы угрожают этому селению лишить некоторой части лошадей, и таковая кража лошадей происходила неоднократно»⁵⁵.

На линии крепостей и на юге Алтая оставалось еще в начале XX в. много кочевых и полuosедлых казахов. Они крайне враждебно отнеслись к призыву в 1916 г. на военные работы в тылу, очевидно не ощущая себя верноподданными империи. Если в Омском округе призыв прошел спокойно, то в других округах Акмолинской области почти сразу начались беспорядки: поджоги, нападения на русские деревни, убийства, сопротивление властям. И хотя к февралю 1917 г. призыв казахов в основном был закончен, для этого потребовалось уничтожить 130 зимовок, 70 человек убить, 75 – отдать под суд⁵⁶.

В итоге необходимо отметить, что в XIX в. шел процесс проникновения и оседания казахов в южной степной полосе Западной Сибири. Враждебные отношения кочевников и оседлого населения постепенно перетекали в разные формы взаимодействия, и даже конкуренции. Крестьянское переселение на рубеже XIX–XX вв. привело казахов к массовому оседанию и аккультурации. И хотя в пограничных округах еще долго сохранялось конокрадство, казахский этнос сумел приспособиться и к началу XX в. стать неотъемлемой частью хозяйственной жизни южной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16474^a. Л. 1–34.
- ² Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 20–21.
- ³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–5.
- ⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1112. Л. 700–750.
- ⁵ Усов Ф. Указ. соч. С. 86.
- ⁶ Памятная книжка Семипалатинской губернии на 1902 г. Семипалатинск, 1903. С. 13.
- ⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1112. Т. 2. Л. 353–378.
- ⁸ Катанаев А. Прииртышские казаки и казахи в их домашней и хозяйственной обстановке. Омск, 1893. С. 22.
- ⁹ Потанин Г.Н. Казаки // Живописная Россия. Т. 21. СПб., 1884. С. 107–116.
- ¹⁰ Гребенщиков Г.Д. Река Уба и Убинские люди // Алтайский сборник. Барнауль, 1912. Т. 21. С. 1–80.
- ¹¹ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2682. Л. 57–58.
- ¹² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 869. Л. 1–2; Д. 1567. Л. 1–13.
- ¹³ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 5. Д. 47. Л. 4; Д. 51. Л. 1; Д. 58. Л. 1.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1995. Л. 58.
- ¹⁵ Шапков С.С. Собрание сочинений. СПб.: Тип. Попова, 1898. Т. 2. Рабство в Сибири. С. 546.
- ¹⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 557. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Ф. Оп. 1. Д. 1961. Л. 5–13, 443–625.
- ¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–3.
- ¹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 134. Л. 8–338.
- ²⁰ Там же. Оп. 18. Д. 123. Л. 196–198.

- ²¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1112. Л. 164.
- ²² ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 123. Л. 96–101.
- ²³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1112. Л. 1–8.
- ²⁴ Там же. Л. 40–41, 162–163.
- ²⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 123. Л. 108.
- ²⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1112. Том II. Л. 449–450.
- ²⁷ Там же. Л. 161; ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 123. Л. 108.
- ²⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13.195. Л. 125–128.
- ²⁹ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 545. Л. 12–13.
- ³⁰ Там же. Д. 852. Л. 18.
- ³¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2432. Л. 25–29. ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13195. Л. 5–62.
- ³² *Кауфман А.А.* Материалы для изучения экономического быта крестьян инородцев Западной Сибири. Тобольская губерния. Ишимский округ. СПб., 1884. Вып. 5.
- ³³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16266. Л. 107–110.
- ³⁴ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9378. Л. 9, 102–103.
- ³⁵ Там же. Д. 9523. Л. 2–6.
- ³⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 919. Л. 35–47.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16474*. Л. 34.
- ³⁸ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 516. Л. 256–337; ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 919. Л. 173–178.
- ³⁹ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9474. Л. 1–19.
- ⁴⁰ Там же. Д. 9517. Л. 27–248.
- ⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2432. Л. 30–48; Оп. 4. Д. 919. Л. 235–236.
- ⁴² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130. Л. 11.
- ⁴³ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51828. Л. 340.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2176. Л. 54–76.
- ⁴⁵ Там же. Д. 12. Л. 74–119.
- ⁴⁶ Там же. Д. 2232. Л. 19–59.
- ⁴⁷ Там же. Д. 12. Л. 175–181.
- ⁴⁸ Там же. Д. 3110. Л. 56–70.
- ⁴⁹ Азиатская Россия. СПб., 1914. С. 42–418.
- ⁵⁰ ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2232. Л. 62–66; Д. 2682. Л. 57–58. Ф. 3. Оп. 1. Д. 808. Л. 4–32.
- ⁵¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 919. Л. 53–100.
- ⁵² Там же. Л. 214.
- ⁵³ Там же. Л. 269–264.
- ⁵⁴ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 23. Д. 234. Л. 10–32.
- ⁵⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4041. Л. 2–13.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП-4. Оп. 125. Д. 444. 130. Ч. 9. Л. 31–96; Д. 322. 108. Ч. 1. Л. 4–29.

2.4. ГОРНЫЙ АЛТАЙ

Первые этнокультурные контакты в Горном Алтае в начале XIX в. с коренным населением завязались у казахов Бийской линии, которая существовала с 1744 г. и протянулась от Кузнецка до форпоста Шульбинского. В 1848 г. ее северную часть до Бийска упразднили, но и в 70-х гг. в южной части еще оставалось 20 селений казаков, впоследствии причисленных к крестьянам¹.

Казаки по уставу 1808 г. могли въезжать в селения инородцев для торговли и промыслов, что они с удовольствием и делали. Кроме них появились также купцы и мещане, занимавшиеся пчеловодством. Например, в 1830 г. мещанин Ащеулов занял в устье реки Уалы более 7 десятин земли под пасеку, другой мещанин, Калинин, – 2,5 десятины, барнаульские мещане Хабаров и Куприянов – по 8 десятин.

Казаки и мещане вели торговлю с инородцами известными методами: снабжали вином и разным товаром в долг под промысел зверя. Там же на левобережье Катуня появились деревни заводских и государственных крестьян: Усть-Стебинское, Уймонское, Верхне-Уймонское, Абинское, Чечулиха и др. (всего 21). Крестьяне пахали, держали скот, занимались пчеловодством, охотой и пр., чем стеснили алтайцев в свободе скотоводства и промыслов². Инородцы Кузнецкого округа Шуйской инородной управы, живущие в Алтайских горах при устье реки Коксы, ходатайствовали в губернское управление о защите. Они жаловались, что разного рода люди, въехавшие в калмыцкие стойбища, устроившие пчелиные заведения, “в прошлом 1830 г. не только отняли у них лучшую для пропитания скота степь, но даже допустили унижения и неслыханные между рода калмыцкого кражи и обманы, обиды и грабежи...”³.

В результате этих и других жалоб алтайцев в 1831 г. Главная чертежная Колывано-Воскресенских заводов утвердила приблизительную черту калмыцких стойбищ, в которые был запрещен въезд крестьянам и мещанам для занятия промыслами⁴. Также были ограничены права линейных казаков под угрозой давать увольнения в инородческие стойбища только порядочным казакам, обязав их арендовать у калмыков

необходимые для промыслов угодья⁵. Но остановить проникновение русских в Горный Алтай было практически невозможно.

Особенно после отмены крепостного права, когда в 1865 г. правительство разрешило добровольное переселение на Алтай. В 1884 г. здесь обосновались уже 100 тыс. переселенцев, причем 2/3 их причислились к старожильческим селам и только 1/3 образовала новые поселения⁶. В 1860–70-е гг. повсюду стали возникать заимки крестьян и разночинцев, прежде всего это были пасеки. Русские занимались также охотой и сбором кедрового ореха. В районе деревни Каргатской и Больше-Талдинской в 1871 г. было 59 заимок (2 из них телеутские). За 34 из них алтайцы получали арендные деньги, а 16 возникли самовольно⁷.

Промысловые угодья не были поделены между алтайцами, однако вторжение чужаков ими воспринималось враждебно. Для тубаларов, кумандинцев, челканцев и телесов доходы от промыслов были основными источниками оплаты податей. Кумандинцы и в начале XX в. обрабатывали по 2–3 десятины пашни, а ясак платили с орехового промысла⁸. Телесы тоже проживали оседло, держали скот и занимались промыслами⁹. Поэтому вторжение крестьян в их угодья не могло остаться незамеченным. К тому же крестьяне нередко нарушали правила добычи ореха, – начинали бить его раньше срока, срубали плодоносные ветки, могли срубить кедр. По подсчетам С.П. Швецова, “в черни” было до 40 скупщиков ореха, они же, как правило, скупали и пушнину. В основном это были русские торговцы, но были и представители коренного населения – родовичи (зайсаны, демичи и пр.) и телеуты (оседлые инородцы Бийского округа).

Здесь, так же как и на севере, имел место кредит, но главным образом под орех. Пушнина во второй половине XIX в. только покупалась. Русские крестьяне прямо на промысле меняли орех на сухари, чай, свинец и пр.¹⁰ В 1860-е гг. в калмыцких стойбищах появились переселенцы.

В 1866 г. возникло такое село в устье реки Кокши. Крестьяне распахивали земли и рубили в борах лес. Тубалары пытались им помешать – отбирали сохи¹¹. В 1884 г. черневые татары (тубалары) Комляжской, Кузенской, Южской инородных управ в своем прошении писали: “Лет двадцать тому назад русские народы начали населять черне-

вые места по речкам, где наши предки кочуют: с начала установили пасеки, а затем заимки, платя в Алтайское горное правление аренды за одну десятину, а занимая десятки... устраивая здесь дома и разводя скот...". Они жаловались на стеснения в промыслах, поджоги леса, а также на то, что рыбные ловли в Телецком озере Горное правление сдало в аренду, и просили запретить русским промыслы в черневых лесах. Разумеется, они предпочитали сами сдавать угодья в аренду. Так, они продали в том же году право ловли на Телецком озере Абрамову за 30 рублей в год и даже разрешили поставить дом¹².

В 1885 г. в черневом лесу по реке Лебеди было около 150 заимок, в основном пасеки и скотоводческие хозяйства. Заимочники были абсолютно никому не подконтрольны, объезжавшему их места чиновнику они даже не дали подвод¹³.

Первыми оседлыми инородцами в Горном Алтае были телеуты, образовавшие в Бийском округе Кокшинскую, Быстрианскую и Сарасинскую инородные управы. Телеуты Быстрианской управы в 1838 г. заселились в устье реки Бирюлы на левобережье Катуня с разрешения зайсана 1-й дючины. А в 1860-е гг. в их село Бирюлинское стали подселяться крестьяне, заводить пасеки и пр. уже без разрешения калмыков. Это не устроило кочевников, и они стали стеснять жителей поселка. Они подавали прошения о выселении крестьян под предлогом того, что им самим тепер осесть негде¹⁴. Крестьяне, русские и телеуты, жили между собой мирно.

Однако в 1880-х гг. все прибывающие русские крестьяне серьезно потеснили телеутов в землепользовании. Так, оседлые инородцы в долинах реки Маймы и Катанды просили горное правление размежевать их с переселенцами¹⁵. Телеуты, так же как и крестьяне, продолжали переселяться весь XIX в., из Кузнецкого округа на Алтай. Заимки возникали в районе расселения кочевников-скотоводов алтай-кижи. Промысловики селились с разрешения калмыков и платили им аренду. С 1860–1870-х гг. стали возникать возле них крестьянские земледельческие поселения, которым разрешение давало горное правление. Кочевники активно противостояли таким поселкам: разрушали поскоти-

ну, топтали посевы, жгли заимки¹⁶. Однако если крестьяне и уходили с облюбованного места, то не из-за отношений с алтайцами, а по причине неурожая хлеба (сурового климата или неплодородных почв).

Из заимки выросло село Ульгумень. В начале XIX в. там кочевало 13 кибиток калмыков. Они разрешили завести заимку купцу Хабарову, затем ей пользовался купец Поликарпов, а с 1885 г. туда с разрешения Горного правления поселились крестьяне Алтайской волости – 60 душ. Они стали пользоваться арыками и сенокосами алтайцев, завели пашни. Калмыки подали прошение о выселении. Прибывший межевщик Шахновский выяснил, что и те и другие имеют право на землю: калмыки как коренное население, а крестьяне как поселившиеся здесь с разрешения Горного правления, но без конкретного наделения участком. Он предложил сторонам полюбовно размежеваться, но алтайцы отказались. Тогда Шахновский просто отвел крестьянам надел¹⁷.

В поселке Топучем по его возникновению в 1880-х гг. у калмыков (10 хозяйств) и крестьян (15 хозяйств) проблем не было, но когда последние приняли еще 22 хозяйства переселенцев, алтайцы забеспокоились, потребовали с них арендные деньги за уголья и стали производить потравы¹⁸.

Так же примерно было и в других поселках: Онгудай, Абай, Белый Ануй и пр.¹⁹ В 1878 г. Горное правление выделило для поселения крестьян 26 пунктов по Уймонскому и Чуйскому трактам, но не все они оказались пригодны для земледелия. В итоге 14 из них к 1898 г. были заселены, но далеко не во всех жили переселенцы. Главным образом они обосновались в миссионерских станах Абай, Черный Ануй, Онгудай, Тюдрала, Мьюта и пр. и в уже существующих, частично раскольничьих, селениях Юстик, Усть-Кан, Белый Ануй. В них число переселенцев даже превысило наброски администрации²⁰. Эти заселения и вызвали жалобы со стороны алтайцев и поземельные споры с ними. Причем приемы расширения крестьянских пашен за счет калмыцких кочевий были гениально просты: приезжала группа людей с сохами, опаживала юрту, выкашивала сенокос, ломала ограду. Хозяину такой юрты оставалось только перенести ее на другое место, где спустя какое-то время повторялась та же история²¹.

С 30-х гг. XIX в. на Алтае действовала Алтайская духовная миссия. Она также занимала калмыцкие земли под миссионерские станы и монастыри. Так, в долине реки Чулышмана в 1864 г. на “пустолежащих землях” Кабинета отвели 3 000 десятин под постройку мужского монастыря. Чуйцы, на чьей земле он возник, в дальнейшем вынуждены были арендовать ее за 750 рублей в год²².

Миссия внесла свой вклад в аккультурацию аборигенов края. Она образовывала оседлые земледельческие поселения прямо среди кочевий калмыков, предлагая другой образ жизни. Первыми поселенцами миссионерских станов стали кузнецкие телеуты²³. Кроме строительства церкви, монастырей, школ и прочей культурной деятельности, отцы миссионеры прививали земледелие, о чем писал в рапорте генерал-губернатору чиновник особых поручений Берестов в 1860 г.: “Миссионеры, проповедуя слово божие между кочевыми инородцами, преимущественно заботятся об оседлом водворении новообращенных, для сего более видных снабжают иногда деньгами для приобретения дома, скота и необходимых земледельческих орудий. Устроенный таким образом в своем хозяйстве инородец входит в отношения к миссионеру как сын к отцу...”²⁴. Новообращенные настолько доверяли им, что приходили к ним решать все споры и разбирать все дела, что даже послужило поводом для конфликта миссии с земской полицией, которая привыкла наживаться на подобных мероприятиях. Земская полиция считала калмыцкие стойбища доходным местом, где за разбор дел можно было получить дары: скот, пушнину и пр.

Миссионеры также заступались за земельные права алтайцев, особенно, если речь шла о раскольниках, нарушавших права новообращенных. Так, миссия хлопотала о выселении крестьян по реке Чопошу в 1870 г.²⁵ Крещеные алтайцы переходили к земледелию, оседали и получали защитника своих интересов, в отличие от кочевников. Число adeptов миссии постоянно росло. В 1884 г. на Алтае было 19 станов (18 970 человек) в которых жили 24 % русских, 12,6 % оседлых инородцев и 63,3 % кочевых инородцев²⁶. А в 1915 г. было уже 30 станов (699 005 человек) 56,4 % русских, 44,6 % оседлых инородцев и 2,5 %

кочевых²⁷. На рубеже XIX–XX вв. резко изменилось соотношение в пользу российских переселенцев и оседлых инородцев в станах миссии, выросло число самих станов и заметно уменьшилась в них доля кочевников.

Кроме алтайцев, в станах миссии оседали казахи. В 1866 г. 468 душ обоего пола обосновались в Черном Ануе²⁸. Казахи приняли православие и осели в двух селах: в уже упомянутом Черном Ануе и в Тюдрале. Крестьяне Ануйской волости и калмыки 2, 3, 4, 6-й дючин ходатайствовали об их выселении, потому что они самовольно занимали кочевья, покосы, угоняли лошадей, грабили ясачных инородцев. В 1867 г. у калмыка Косменка Микитенева казахи украли 320 беличьих шкур, собранных для сдачи ясака, а у его товарища – 44 рубля деньгами²⁹. Только заступничество миссии спасло вороватую паству от выселения. В 1898 г. Черном Ануе было 74 русских хозяйства; 105 казахских и 6 калмыцких. В Тюдрале – 42 русских хозяйства, 26 казахских и 70 калмыцких. Везде было две общины: крестьянская и инородческая. Общественные повинности они несли отдельно, а общие вопросы решали на совместных сходах двух общин³⁰. Часть крещеных казахов занималась извозом на Уймонском тракте – в поселке Келей была казахская ямская станция (9 хозяйств)³¹. Оседлые казахские хозяйства держали небольшие посеы и разводили много скота, особенно лошадей.

Большая часть казахов-скотоводов, ведущих кочевой образ жизни, появилась в конце XIX в. в высокогорных долинах Алтая. Там кочевали теленгиты – инородцы 2-й Чуйской волости. С 1880-х гг. в Чуйской степи и долине реки Калгута обосновались китайские подданные казахи рода Сарагалдак. С 1887 г. чуйцы разрешили им кочевать за плату 350 рублей в год³². В 1893 г. в Чуйской долине появились чингистайские казахи Семипалатинской области. Они время от времени кочевали в долине реки Бухтармы и вершинах гор Чабан-бай, а время от времени уходили в Китай. Из их последней откочевки на Кобдо от 600 кибиток вернулись чуть больше 100 (1882 г.)³³. На месте их прежних кочевий стало тесно от крестьянских поселков, и они в

1893 г., арендовав у Зырянского лесничего земли на правом берегу Бухтармы, вторглись в Чуйскую степь. 100 кибиток Тохтамыса Муонова нанесли ущерб теленгитам³⁴. Последние жвловались, что казахи заняли самые лучшие места, устроили аулы на их сенокосах, вырубали леса и вообще чинили “самоуправства и насилия”³⁵. Пострадали также торговцы Кош-Агача, торговые караваны которых казахи грабили³⁶. Сарагалдаки приняли российское подданство в 1900 г. и прекратили платить теленгитам аренду. Они стали арендовать земли у Кабинета. Выселить их из высокогорий Алтая было невозможно, да и некуда, так как из степей их вытеснила крестьянская колонизация.

Казахи неоднократно подавали прошения о наделении их землей на месте их теперешнего кочевания. И в 1909 г. правительство нашло возможным закрепить за ними на условиях аренды 60 тыс. десятин земли на плоскогорье Укок, в долинах рек Ясатора, Ак-Алаха, Чаган-Бургазы и Тархаты. Арендаторами они были плохими, и уже к 1909 г. судебных дел на них накопилось на сумму 5 тыс. рублей³⁷. По подсчетам Онгудайского лесничего, в 1912 г. по Ясатору и Ак-Алаху кочевало 125 кибиток чингистайцев, по Калгуту 44 кибитки сарагалдаков. В Чуйской степи обосновалось 203 кибитки сарагалдаков и 74 кибитки чингистайцев, хотя там официально им поселение не разрешалось³⁸. Там же кочевали китайские подданные казахи, сойонцы и тюрбетцы.

В торговом поселении Кош-Агач жило до 30 семей русских. Торговцы нередко получали оплату живым скотом и вынуждены были тоже заниматься скотоводством. Если раньше они платили аренду теленгитам, то с 1912 г. Кабинету, за которым эти земли оставили. Землевладение в Чуйской степи выглядело, по меньшей мере, странным. На одном и том же месте мог быть русский сенокос, казахская зимовка и летний выпас теленгита. Постепенно казахи и теленгиты разместились на 380 тыс. десятин каменистой поверхности. Чингистайцы устроились лучше других, сказался опыт общения с казаками, – построили деревянные зимовки, запасали на зиму сено, а летом нанялись в работники к бухтарминским крестьянам³⁹.

Обезземеливание кочевых алтайцев переселенцами из России и казахами беспокоило коренных жителей, не желавших менять свой

образ жизни. Они подавали прошение в Санкт-Петербург и в Главное управление Алтайского округа. Но в 1903 г. чиновник по судебным делам предложил прекратить все начатые иски о восстановлении нарушенного владения в калмыцких стойбищах⁴⁰. В результате землеустройства в 1901–1913 гг. 2/3 их земель отошли Кабинету, Духовной миссии и крестьянам⁴¹. По мнению путешественника Белинского, именно обезземеливание и бесправие кочевников привело их к бурханизму – антирусскому религиозному течению, результатом, которого стали беспорядки в мае – июне 1904 г. в вершине реки Чарыша, где располагался религиозный центр бурханистов⁴².

В 1906 г. дело Чета Челпанова, идеолога, бурханизма, разбиралось в суде, но политической подоплеки в нем так и не нашли. Характерно, что чиновники так и не увидели в нем ничего политического. Однако миссионеры остались при обратном мнении, так как центральное место в учении занимало пришествие Ойрот-хана и возрождение независимости Алтая. Безусловно, появление данного религиозного учения не случайно и связано с самоидентификацией этноса, который в период своего формирования столкнулся с потерей прав на свои территории. Советский исследователь бурханизма А.Г. Данилин характеризует его как национально-освободительное движение алтайцев, в число социально-экономических причин которого входило бесправие и обезземеливание кочевников.⁴³

Непременный член Томского губернского управления по крестьянским делам Г. Дуров в результате ревизии Алтайских округов нашел выводы Белинского неверными и преувеличенными, а к реальным проблемам отнес неурегулированность отношений алтайцев с казаками и крестьянами в вопросах управления и землепользования, т.е. необходимость межевания⁴⁴.

Землеустройство на Алтае, как и везде, вызвало беспорядки и волнения как среди калмыков, так и среди крестьян-старожилов⁴⁵, но практически не затронуло кочевых казахов. Зато алтайское коренное население спокойно отнеслось к мобилизации инородцев на военные работы в тылу в 1916 г., а вот среди кочевых казахов этот указ не нашел понимания. Быстро распространились слухи, что это выдумка мест-

ных чиновников, чтобы повести их на убой. Китайские подданные и чингистайцы бежали за границу и вынудили к этому теленгитов, угнав весь их скот 1080 голов (на 40 тыс. рублей). Кочевники исчезли настолько стремительно, что успели захватить только колпаки от юрт, а юрты с вещами бросили. За ними в погоню и были отправлены казаки. Теленгиты вернулись сами, из чингистайцев – только 88 юрт, а 94 юрты остались в Монголии вместе с киреевцами. Возвращение их было красивым: “Ехали они, держа в руках белые флаги и, кроме того, ведя в поводу белую неоседланную лошадь в знак покорности белому царю”. 9 теленгитов и 10 казахов как зачинщиков заключили в тюрьму, остальные были прощены. Теленгиты приняли крещение⁴⁶.

Итак, в исследуемый период коренное население Горного Алтая переживало стремительную аккультурацию. Большинство населения, оседая, вынуждено было приспособливаться к соседству крестьян, переселяющихся из Европейской России. Легче это восприняли северные алтайцы и телеуты, уже знакомые с земледелием. Наиболее враждебно отнеслись к сокращению своих пастбищ скотоводы алтай-кижи и теленгиты. Большинство их сохранило прежний образ жизни только в высокогорьях Алтая, где их также потеснили кочевые казахи. Протест алтайцев вылился в конфессиональную форму. Кочевые казахи выражали свое несогласие с мерами правительства вооруженным сопротивлением и побегом за границу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., Т. 2. 1879. С. 6–21.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 959. Т. 2. Л. 604–640.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 64. Л. 193; 226–231.

⁴ Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1900. Вып. 1. С. 131.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1483. Л. 320–325.

⁶ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 413.

⁷ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 545. Л. 188.

⁸ Богатырев Н. Об ореховом и зверовом промыслах кумандинских инородцев Бийского уезда // Алтайский сборник. Барнаул, 1908. С. 1–31.

- ⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1481. Л. 2–6.
- ¹⁰ *Швецов С.П.* Горный Алтай и его население. Неземледельческие промыслы. Барнаул, 1903. С. 16–119.
- ¹¹ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2232. Л. 19.
- ¹² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 572. Л. 6–8.
- ¹³ Там же. Д. 500. Л. 230.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7247. Л. 33–60.
- ¹⁵ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 660. Л. 136–333.
- ¹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 1–74.
- ¹⁷ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 518. Л. 25–99.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 505. Л. 7–13.
- ¹⁹ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 521. Л. 44; Д. 514. Л. 1–37; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 19. Л. 3–4; 25, 36–63; Д. 82. Л. 1.
- ²⁰ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 514. Л. 55; Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 1–74.
- ²¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 56.
- ²² РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1481. Л. 2–10.
- ²³ Томские Епархиальные ведомости. Томск. 1885. № 5. С. 1–9; № 9. С. 1–21.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4456. Л. 36–47.
- ²⁵ Там же. Оп. 4. Д. 7247. Л. 71–77.
- ²⁶ Томские Епархиальные ведомости. Томск. 1885. № 11. С. 1–17.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 28. Л. 2–4.
- ²⁸ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9246. Л. 10.
- ²⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 680. Л. 7–41.
- ³⁰ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 54, 61.
- ³¹ Там же. Л. 55.
- ³² Там же. Д. 2682. Л. 44.
- ³³ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9564. Л. 2.
- ³⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2432. Л. 15.
- ³⁵ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2336. Л. 19.
- ³⁶ Там же. Д. 2682. Л. 1 – 33.
- ³⁷ Там же. Л. 57–60.
- ³⁸ Там же. Д. 2770. Л. 76.
- ³⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1481. Л. 10–27.
- ⁴⁰ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2337. Л. 93–105.
- ⁴¹ *Кыдыева В.О.* Поземельные отношения в Горном Алтае (в конце XIX – начале XX века): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1997. С. 12.
- ⁴² ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 93. Л. 2–5.
- ⁴³ *Данилин А.Г.* Бурханнизм. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1993. С. 36–58.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП 4. Оп. 117. Д. 661. 77. Ч. 8. Л. 11; Ч. 9. Л. 2–4.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 121. Д. 130. 77. Ч. 1. Л. 1–51.
- ⁴⁶ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 3–5.

2.5. СЕГРЕГАЦИОННЫЕ (ОГРАНИЧЕННЫЕ В ПРАВАХ) ГРУППЫ И ИХ ИНТЕГРАЦИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННУЮ СФЕРУ РЕГИОНА

Обычно этнические группы ссыльных и переселенцев размещались в Западной Сибири компактно, среди себе подобных, и не нарушали общей картины господства русскоязычного и тюркоязычного населения. Но некоторые группы ссыльных, расселявшиеся дисперсно, имели этнокультурную специфику, которая, постоянно сохраняясь, выделяла их среди основной массы населения.

Они выделялись прежде всего по основным занятиям, языку и образу жизни. Эту специфику хорошо понимали российские власти. В высочайшем повелении от 29 июня 1806 г. по поводу устройства ссыльных было сказано: "...поселения чинить из людей к хлебопашеству способных, тех же из поселенцев, которые окажутся ремесленниками или художниками, стараться водворять в городах, определяя им нужную на водворение ссуду, равным образом поселенцев или преступников, кои окажутся неспособными к сельским управлениям, а иначе евреев и цыган, как по опыту известно, нигде прочно не водворяющихся, причислять в городах в мещанство и поручать полиции иметь за поведением их особенное наблюдение". Ссуду никому из них велено было не выдавать, так как "даже малую пользу она не принесет, а только затруднения с выплатой. К 1825 г. в Томском губернском управлении уже знали, что "присылаемые до сего времени цыгане, домообзаводством, а паче хлебопашеством почти не занимаются, ибо все они поведения развратного и наводят местному начальству побегами своими и бродяжничеством весьма не малые затруднения"¹.

В XIX в. в городах оседало незначительное число цыган. Как и везде, они предпочитали кочевать между населенными пунктами табором, останавливаясь недалеко от сел. И это несмотря на строгое запрещение отлучаться из мест причисления. Так, в 1859 г. 30 человек цыган обоего пола, причисленных к Усть-Тартасской волости Каинского округа, были обнаружены в Бийском округе при весьма харак-

терных обстоятельствах. Путешествуя, они украли у крестьян деревни Константиновской Кулундинской волости несколько лошадей, были настигнуты хозяевами (их было до 200 человек) и сильно избиты, так что им даже пришлось лечиться в Барнаульском заводском госпитале. Все случившееся не могло быть исключением, так как торговля лошадьми была одним из основных источников доходов цыган. Примечательно то, что полицейские власти сочли необходимым наказать и крестьян и цыган².

Цыгане также промышляли кражами на деревенских базарах: в толкучке зажимали руки и рот «клиенту» и вытаскивали деньги³.

Также особой категорией населения являлись ссыльные из Дагестана во второй половине XIX в. Администрация называла их «горцами», местное население – «черкесами». Они не были истовыми мусульманами и спокойно селились среди русских. Поначалу они получали содержание от казны, затем устраивались сами. Не большие любители физического труда, они нередко устраивались сторожами, в охрану на золотые прииски, кашеварами у рыбаков, многие торговали в городах. Население относилось к ним с опаской, так как ссылали их в основном за убийства и грабежи. Среди них немало было участников национально-освободительной борьбы на Кавказе. Несмотря на это, жизнь они вели скромную и ни в чем дурном не замечались⁴. Со своими единоверцами – татарами «черкесы» вели торговые дела и пользовались у них кредитом.

По словам С.К. Патканова, по окончании срока в 10–20 лет они возвращались на родину состоятельными людьми. Некоторые женились здесь на русских женщинах и оседали совсем⁵.

Евреи, как ссыльные, так и переселенцы, устраивались в основном в городах: в Тобольске, Тюмени, Кургане, Ишиме, Каинске, Мариинске, Томске, Омске. Хотя их, как вредных, приписывали обычно к волостям, но они вопреки всем «коренным установлениям» проникали в города, составляя нередко в них целые кварталы.

В 1838 г. в Тобольске проживало 57 евреев, 16 из них имели даже свои дома, что законно сделать было невозможно. Это обстоятельство

генерал-губернатор оценил как “невнимание полиции”, которое, очевидно, обеспечивалось взятками. 48 евреев занимались ремеслами и торговлей, им разрешено было остаться до окончания сроков билетов, 9 из них полагалось немедленно выселить, так как они занимались “разными изворотами нетерпимыми в благоустроенном обществе и служащими только к некоторому прикрытию их образа жизни и поведения...”: 5 – “содержали распутных девок”, 2 – занимались “неблаговидными изворотами”, т.е. занимались нелегальным бизнесом⁶.

Предприимчивые евреи вызывали отрицательные эмоции не только у администрации. Так, в 1840 г. в деревне Курганской Томской губернии поселенцы из секты молокан подожгли дом еврея в наказание за продажу вина. Виноторговля доказана не была, а ревнителей веры сослали на каторгу⁷.

Однако особенных антисемитских настроений у населения не было. Да и сами сибирские евреи отличались от “российских” простодушием, гостеприимностью. По свидетельству современника Ю. Островского, русские и евреи по праздникам ходили друг к другу в гости – “откушивали”. Хотя смешанные браки и переходы в христианство наблюдались редко, но не было также и могил евреев-мучеников. “Многочисленные факты повседневной жизни прямо указывают, что евреи в Сибири (особенно в селах) пользуются почетом у коренного населения. Во многих волостях и изредка в городах крестьяне-евреи служат и по сей день крестьянскими и “городовыми” старостами”⁸.

Еврейскую диаспору выделяли среди всех усиленные дискриминационные меры правительства: законы и распоряжения, выжить в которых было не просто⁹. Например, по указу 1837 г. ссыльным евреям городских сословий предписывалось либо отдавать своих сыновей в кантонисты, либо переселять их по достижении 16 лет за черту оседлости. Причем внедрение этого закона в жизнь захватило все слои еврейского общества, в том числе и старожильческие. И губернское управление забросали прошениями разобраться и не отсылать детей неизвестно куда¹⁰.

Серьезным препятствием для торгующих евреев был указ от 11 ноября 1847 г., объявлявший их место жительства местом постоянной

оседлости, а пребывание в других населенных пунктах разрешал только временно¹¹.

Унижала евреев и мера, принятая в Тобольской губернии в 1848 г., когда евреев, желающих носить ермолки, обложили постоянной податью в 5 рублей серебром в пользу коробочного сбора¹².

В 1865 г. их положение облегчили следующие разрешения: евреям-ремесленникам позволили переселяться в города Сибири и еще им разрешили заниматься виноторговлей¹³. В 1890 г. томский полицмейстер писал, что благодаря этим указам в Томск прибыло много евреев из Европейской России. Они способствовали развитию ремесел, “а ссыльные и дети ссыльных, кои во вверенной мне губернии... проживают в значительном количестве, большинство из них, находясь в городе Томске, пополняют ряды... старьевщиков, мелких ростовщиков, являясь людьми, безусловно, вредными”¹⁴. В довершение описания он упоминает о том, что в Томске 171 семейство евреев-ремесленников и только 19 из них приехали из Европейской России, а остальные – коренные жители Сибири и ссыльные. Довольно противоречивое донесение.

Какое-то оживление антисемитских настроений произошло в начале XX в. В известном погроме в Томске и в других городах Сибири в 1905 г. помимо прочих лозунгов присутствовали и антисемитские, черносотенцы призывали бить евреев и студентов. Были разграблены еврейские лавки и дома. В целом же отсутствие черты оседлости и как следствие – скученности и корпоративности евреев в Сибири лишало антисемитизм почвы¹⁵.

В 1912 г. в Томске возник кружок социалистов-сионистов, полиция отмечала влияние Бунда среди еврейской молодежи. В целом же влияние сионистских идей было слабым¹⁶.

Еще одна этническая группа ссыльных – поляки, бывшие представителями самой западной и самой экономически развитой окраины Российской империи. Если в 1830–1850-е гг. поляков в Западной Сибири было не так много, то в 1860-е гг. выселение их было массовым и затронуло все социальные слои Царства Польского.

Поначалу положение разночинцев было особенно тяжелым. Если дворяне получали содержание от казны, а крестьяне могли зарабаты-

вать себе на жизнь батрачеством у старожилов, то студентам, чиновникам, дворянам, лишенным прав состояния, и пр. людям, имевшим образование и не привыкшим к крестьянскому труду, было сложнее приспособиться к новым условиям. Польские ссыльные, размещенные в Уртаме, писали к губернатору с просьбой о помощи: "...мы неоднократно обращались к крестьянам, дабы нас приняли держать в работниках за самый хлеб, но они о том даже и говорить не хотят, а напротив, еще, терпя ненависть, как вообще в простонародьи ко всякому вышеобразованному складу людей, пользуясь нашим положением, изыскивают с нас за все вдвойне, как только к ним обратимся за покупкою хлеба, нанятием квартир и других съестных припасов, с повышением цены со всякого месяца на месяц, зная при том, что мы, состоя под строгим надзором полиции, не можем ни на шаг удалиться из деревни в другую..." В итоге им было назначено пособие по 5 рублей в месяц. И таких просьб было множество. Трудно им было устроиться по специальности, так как им общественная и педагогическая деятельность были запрещены, а многие другие профессии в Сибири были ограниченно востребованы и в основном в городах (слесари, врачи, механики)¹⁷.

Постепенно часть их стала оседать, жениться, заводить хозяйство, просить пособие на домообзаводство – 55 рублей и землю – по 15 десятин на душу. Это соответствовало желанию местных властей¹⁸. Всех переселенцев податных сословий автоматически наделяли этим правом.

Ссыльные благородного происхождения, казалось бы, могли бы устроиться здесь на свои средства, но таковых, как правило, не имели. Было принято решение наделять их пособием и землей, как и всех, а по истечении двух-трех лет обложить рентой за пользование крестьянской землей. В Тобольской губернии из 1 696 человек, сосланных в 1865 г., 234 поляка уже в 1866 г. получили пособие, приобрели дома, завели скот и земледельческие орудия и весной собирались сеять. 514 человек, признанных комиссией не способными к сельским работам, получили пособие от казны на одного взрослого по 10 рублей в год, на одного малолетнего по 5 рублей в год. Они проживали у старожилов или у своих на квартирах. Из остальных 948 человек (т.е. 1/3)

половина никакого представления о сельскохозяйственных работах не имела вообще. Они удалялись в города по билетам, находились в услужении и занимались ремеслами и торговлей. Остальным приступить к земледелию, по словам чиновника общего губернского управления, мешали субъективные причины: “тоска по родине, слухи о возможном возвращении, маленький размер пособия, оставленные в Польше семьи и нежелание выписывать их в Сибирь”¹⁹. Вероятно, спустя какое-то время и эти 500 человек разделились на тех, кто осел в деревне, и тех, кто уехал в город.

Аналогичная картина была и в Томской губернии. В 1860–1880-е гг. поляки податных сословий в основном осели в деревнях, к коим были приписаны, получили пособие и занимались хлебопашеством. Многие работали на заводах²⁰. На винокуренном заводе Копытина в 1868 г. работало 12 польских политических ссыльных из крестьян²¹. На крупном заведении купца Каменского в 1869 г. работало 8 сосланных поляков²².

Многие сами занимались ремеслами: слесарным, кузнечным, бондарным, сапожным и пр.²³ По словам Н. Кострова, многие из тех, кто получал пособие на домообзаводство, сеяли немного, а также занимались торговлей и ремеслами²⁴. Русское старожильческое население было чрезвычайно довольно такими ссыльными, так как быстро сообразило, что с них легко получить выгоду, – все их пособия естественным образом переходили в карманы крестьян. Сами поляки, по их мнению, представляли собой “крепких смышленных тружеников”²⁵.

Однако были и трудности: чиновник особых поручений Г. Попов, объехавший в 1868 г. 10 волостей, в которых были водворены поляки, отметил жалобы старожилов и переселенцев друг на друга, особенно из-за земель и лесов. Старожилы отказывались выделять им готовые земли, а поляки не понимали, почему им дают не лучшие участки и целину. Так же и с лесами, которые поляки приспособились рубить на продажу и не понимали, почему старожилы отказываются выделять им новые участки. А в 1885 г. польские переселенцы деревни Верхнечикиновой Каинского округа тоже жаловались на стеснение их в землепользовании

старожилами и просили выделить им отдельное для проживания место. В чем им было отказано²⁶.

Образованных поляков из разных сословий поджидали сюрпризы российского законодательства. 25 октября 1865 г. вышел запрет для всех групп политических ссыльных на государственную и военную службу²⁷. Большинство их выручила служба по вольному найму и частная практика²⁸. В Томскую казенную палату нанимали письмоводителей поляков по вольному найму.

Типичным можно назвать случай, произошедший в Тобольске осенью 1864 г. В губернской тюрьме началась эпидемия тифа, почти весь медперсонал тоже заболел, а заведующий тюремной больницей находился в Санкт-Петербурге на экзаменах на степень доктора. В таких чрезвычайных обстоятельствах начальник тюрьмы вынужден был доверить дело заведования тюремной больницей политическому преступнику Томковичу – врачу по профессии. Со своими обязанностями он справился, после чего начальник тюрьмы ходатайствовал о смягчении участи Томковича, об оставлении его в Тобольске и дозволении ему частной практики, убеждая генерал-губернатора, что он изменился к лучшему²⁹.

И это был не единственный случай. Ссыльным ксендзам (католическим священникам), не лишенным прав состояния, разрешили отправлять богослужения и даже разъезжать для этого по округу³⁰.

Многие грамотные поляки предпочли заняться торговлей. Однако 12 февраля 1867 г. им запретили работать “сидельцами” в пивных заведениях, чтобы они не могли служить к распространению “ложных убеждений”. Но поляки нашли способ обходить этот указ. Чаще всего просили продлить патент, дабы отработать долги, взятые под открытие заведения³¹.

Русские жены политических преступников тоже подавали прошения разрешить им виноторговлю. Так Мария Ярушина, жена ссыльного Цежновича, не поняла, как, выйдя замуж за поляка, она лишилась прав российской крестьянки и средств к существованию. Ей разрешили содержать пивную лавку. В итоге разрешили всем полякам занятия виноторговлей, но при условии – не работать в лавках сидельцами³².

Число торгующих поляков росло, и в 1868 г. им разрешили выдавать патенты на торговлю и промыслы, в коих указывались места дозволенного перемещения. Благодаря этому разрешению многие поляки смогли развернуться и устроить свои дела практически с нуля. Например, Никодим Варфоломеевич Довят в 1869 г. подавал прошение на имя губернатора, желая переехать из Марининска, куда он был сослан с ограничением прав состояния, в Томск для приискания себе занятия. А пока для охранения от голода просил назначить ему пособие по 7 копеек в сутки. Ему дали разрешение³³. В 1900 г. у купца 2-й гильдии Н.В. Довяты в Томске было 3 ренсковых погреба и торговые лавки. Управляющие у него были русские: Горелин, Соколова, Чилев, Иванушков³⁴.

Русские предприниматели охотно брали к себе в услужение грамотных ссыльных. Так, купец 1-й гильдии А.К. Триполитов ходатайствовал в 1869 г. за своего служащего на прииске работника Ивовича, которому полицейские власти не давали билета на выезд из села Тисуля в тайгу на место работы. И ему дали это разрешение³⁵. Купец 1-й гильдии А. Пастухов лично ездил в Томск хлопотать о паспорте на еще один 1872 г. для своего служащего винокуренного завода В. Новодворского³⁶.

Начиная в услужении у русских купцов, поляки, нередко выходили в самостоятельные хозяева. Так состоялась карьера Шидловского, Рогановича, Лапицкого, Мыслинского, Маркевича, Собещанского, Цявловского, Войцеховского и др.³⁷ Самый известный польский предприниматель А.Ф. Поклевский-Козелл создал одну из наиболее крупных торгово-промышленных фирм за Уралом, однако он не был ссыльным.

Еще одна ограниченная в правах группа переселенцев в Западную Сибирь – иностранцы. Ограничивались они, правда, незначительно, в основном тем, что ежегодно должны были подтверждать свои виды на жительство, получая новые билеты. Главными поставщиками иностранных подданных в Российскую империю были германские государства: Австро-Венгрия, Пруссия, Бавария, Вюртемберг, Мекленбург, Гессен и пр. (более 50 %, а в 1880-е гг. – более 80 % всех иностранцев Западной Сибири)³⁸.

Помимо немцев, приезжали в Сибирь представители славянских этносов, евреи, незначительное число французов и англичан. Из Турции и Персии (Иран) ехали греки, армяне, евреи. Последние – исключительно торговцы. Иностранцы в большинстве своем устраивались в городах: в Томске и Барнауле. Например, в Томской губернии в 1864 г. из 44 иностранных подданных 35 были немцами, остальные – французами и евреями. В Тобольской губернии было 14 иностранцев, 10 из них – выходцы из Средней Азии, 4 человека в Тюмени – из Европы³⁹.

Выбор места поселения был не случаен, так как приезжали в Сибирь, главным образом, немцы-ремесленники. До массового аграрного переселения сюда немцев из Поволжья и Приуралья в 1890-х гг. немцы-ремесленники были почти единственными представителями своего этноса в Западной Сибири (небольшое число прибалтийских немцев всегда присутствовало в аппарате управления). К тому же немецкие земельные колонии в начале XX в. носили характер замкнутых и обособленных поселений, даже рабочих нанимали исключительно своих и существенно не влияли на межэтнические отношения⁴⁰.

Таблица 23

Число иностранных подданных в Томской губернии в 1875 г.

Место проживания	Число иностранцев	Из них немцев	Профессии немцев
Томск	11	7	Кондитер, часовщик, пивовар, акробат, гувернантка и т.д.
Село Тисульское Маринского округа	2	1	Часовщик
Деревня Казанцева Каннского округа	1	1	Горшечник
Стеклоделательный завод купца Исаева	1	1	Стеклодел
Колывань	1	–	–
Барнаул	11	8	3 булочника, колбасник, часовщик, смотритель лютеранской церкви, портной, гувернантка

Источник: ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13345. Л. 451–455.

Немцы (иностранцы подданные) прибывали в Сибирь из Европейской России, где уже жили по несколько лет. А некоторые даже родились в России, оставаясь подданными других государств, исповедовали лютеранскую или католическую религии, говорили на родных языках. Например, прусский подданный Антон Ибах прибыл в Барнаул в 1861 г. из Орейбурга и занялся ремонтом часов. Его брат Эдуард приехал в 1864 г. туда же и учился кузнечному делу у Юлиуса Гра⁴¹. В 1875 г. в Томской губернии проживало 27 иностранцев.

Немцы довольно быстро интегрировались в российское общество, принимали гражданство и практически сразу находили себе место в экономике городов. Как, например, Исидор Шерцингер, прусский подданный, лютеранин, часовых дел мастер (см. табл. 23). В 1890 г., проживая в Томске, он подал прошение о принятии российского подданства и получил разрешение⁴². В 1898 г. он был купцом 2-й гильдии и имел часовой магазин⁴³. А томский пивовар Карл Крюгер (прусский подданный, лютеранин) женился на русской, с которой у него были дети. Один из его сыновей, Максим, в 1889 г. тоже принял российское подданство.

Прусский подданный Андрей Кальдер приехал в Россию как акробат в 1867 г. В 1875 г. он жил в Томске, а с 1879 г. обосновался в Барнауле. Когда в 1886 г. он просил о принятии его в российское подданство – уже имел свой дом в Барнауле, содержал гостиницу и торговал пивом⁴⁴.

Австрийский подданный булочник Карл Ширц с женой и тремя детьми приехал в Барнаул в 1870-х гг. Здесь у него родилось еще четверо детей. Один из них, Эдуард Ширц, работал на золотых приисках Мальцева, и в 1885 г. они с отцом подавали прошения о принятии ими российского подданства⁴⁵.

Роберт Крюгер (прусский подданный, лютеранин) прибыл в Томск в 1887 г. из Перми⁴⁶. В 1890 г. он арендовал в Томске паровой пивоваренный завод, а в 1895 г. купил его. Он также имел квасное заведение и пивные лавки⁴⁷.

Прусский подданный Дитрих Фридрих Карл Мумме с 1878 г. находился в России, работал слесарем в Санкт-Петербурге. С 1881 г.

обосновался в Томске, где завел собственное механическое заведение, женился на крестьянке Степаниде (у них была дочь Мария) и в 1892 г. тоже принял российское подданство⁴⁸.

Несмотря на то, что вступление в российское подданство для иностранцев нередко осложнялось бумажной волокитой (пересылка документов, утеря их и пр.), им это в основном удавалось. У их детей такой проблемы не было, и по достижении 18 лет они обычно принимали русское подданство. Вероятно, принятие подданства было необходимо им для лучшего устройства своих торговых и промышленных дел в городах.

Прусский подданный Эрнест Густавович Фельзенмайер в 1888 г. писал, что он с женой: “Прибыл в пределы Российской империи в 1865 г., а в 1870 г. – в Троицко-Савск, в котором прожили десять лет, то есть до 1880 г. и занимались торговым делом и фабричным производством. А с 1880 г. переехали на постоянное жительство в Томск, в котором мы также занимаемся торговлею и фабрикацией консервов и разных в этом роде изделий. Теперь мы желаем вступить в Русское подданство, и причислиться в Томское купеческое сословие...”. Он также просил сохранить прусское подданство для удобства в торговых делах и в 1889 г. был приведен к присяге на верность императору⁴⁹. В 1898 г. Фельзенмайер был купцом 2-й гильдии и занимался виноторговлей, галантереей и имел бакалейные лавки.

Такие прошения следовали от французских, китайских, персидских и турецких подданных, наполнявших крупные города Западной Сибири, – ремесленников, торговцев, музыкантов и гувернанток, что свидетельствовало о наличии здесь условий для их интеграции в хозяйство региона и ко всему прочему обеспечивалось благоприятными межнациональными отношениями в городах Западной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 410. Л. 18.

² Там же. Оп. 3. Д. 4269. Л. 1–2.

³ Там же. Оп. 8. Д. 11887. Л. 2–2а.

⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8240. Л. 1–8. Оп. 9. Д. 25537. Л. 1–35; Оп. 6. Д. 9694. Л. 1–21.

⁵ *Патканов С.К.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Тобольская губерния. Тобольский округ. СПб., 1890. Вып. 10. С. 130.

⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1739. Л. 1–21.

⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2115. Л. 573–578.

⁸ *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб.: Лурье и К^о, 1911. С. 38–61.

⁹ *Савиных М.Н.* Евреи в Российской Империи: Дис. ... канд. ист. наук. Томск. 1999. Гл. 4. Евреи в Сибири.

¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 299. Л. 1–4.

¹¹ *Островский Ю.* Сибирские евреи. 1911. С. 21.

¹² ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 31. Д. 98. Л. 1.

¹³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6479. Л. 233–234.

¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2742. Л. 42–70.

¹⁵ Дело о погроме в Томске в 1905 г.: Отчет о заседании окружного суда. Томск, 1909; *Тихонов Т.И.* Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 279.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 240. Д. 44. Ч. 69. Л. 17–866.

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 280. Л. 644–653; *Роцевская Л.П.* Члены партии “Пролетариат” в западносибирской ссылке. // Советское славяноведение. 1976. № 6. С. 3–36; *Она же.* Участники польских гмин в русских колониях политических ссыльных Западной Сибири в 80-х гг. XIX века // Освободительное движение в России: Межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. Вып. 8. С. 75–78.

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1309. Л. 2; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–40; ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 10002. Л. 3–57.

¹⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6627. Л. 185–199.

²⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 315. Л. 266–267; 217–220; Ф. 2. Оп. 2. Д. 40. Л. 1–35. Д. 41. Л. 11–46.;

²¹ Там же. Д. 455. Л. 1–9.

²² Там же. Д. 527. Л. 64.

²³ Там же. Л. 4–75.

²⁴ *Костров Н.* Каннская Бараба. Томск, 1874. С. 58.

²⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6627. Л. 188.

²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 127. Л. 4–7; *Макаров А.* Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского // Ежегодник Тобольского музея. Тобольск, 1915. Вып. 26. С. 108.

²⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6867. Л. 2–6; Оп. 5. Д. 7727. Л. 1–6.

²⁸ Там же. Оп. 5. Д. 7724. Л. 1–10.

²⁹ Там же. Оп. 4. Д. 6333. Л. 1–6.

³⁰ Там же. Д. 6318. Л. 1–18.

³¹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 135. Л. 18 – 148.

³² Там же. Оп. 4. Д. 392. Л. 2–8.

³¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 527. Л. 9.

³⁴ Там же. Ф. 196. Оп. 4. Д. 34.

³⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 54. Д. 714. Л. 1–2.

³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1317. Л. 17.

³⁷ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX века. Томск, 1975. С. 70.

³⁸ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Нлука, 1998. С. 115, 152.

³⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5644. Л. 42. Д. 5643. Л. 5–6.

⁴⁰ Нам И.В. Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М.: Готика, 2000. С. 25–26.

⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 372. Ведомость № 8.

⁴² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2827. Л. 4.

⁴³ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь. СПб., 1898. С. 520.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2883. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 2524. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Д. 2396. Л. 23–25.

⁴⁷ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Наука, 1995. С. 112.

⁴⁸ ГАТО. Д. 2606. Л. 4.

⁴⁹ Там же. Д. 3136. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 2721. Л. 14.

⁵¹ Там же. Д. 2738. Л. 2–11.

В Западной Сибири в XIX – начале XX в. существенным фактором развития хозяйственной сферы жизнедеятельности были отношения этнокультурных групп коренного и пришлого населения. Их тесные экономические связи принимали разные формы: колониальные, симбиозные, консолидационные.

Активный рост численности населения региона (почти в 10 раз) в исследуемый период происходил за счет прироста пришлых этнических групп. Высокий естественный прирост (+ 21,2) дополнялся очень высоким механическим, особенно во второй половине XIX – начале XX в., когда в Западную Сибирь из Европейской России приехали более 2 млн человек.

Рост численности коренного населения зависел только от естественного прироста и ассимиляционных процессов. У большинства тюркских народов, живших оседло и занимавшихся сельским хозяйством, прирост был стабильным (тобольские татары, часть чулымцев, часть томских татар). Но некоторые народы уже к XIX в. ассимилировались с русскими (обские татары, часть томских татар). У ясколбинцев, барабинцев, шорцев, народов Севера, ведущих кочевой и полuosедлый образ жизни, занимавшихся в основном промыслами, рост численности был непостоянным. Прирост сменялся неожиданными спадами, и в конце XIX в. отмечалось как падение удельного веса этих коренных этносов среди населения, так и сокращение их абсолютной численности.

Этнический состав и характер расселения коренного населения региона в исследуемый период практически не изменился, но занимаемые

ими территории уменьшились, особенно существенно на Севере и Алтае. Среди пришлого населения произошло значительное расширение перечня этнических групп и увеличение занимаемых ими земель. Если в начале XIX в. расселение пришлого, в основном русского, населения происходило главным образом в центральных районах Западной Сибири, а на Севере и в южных районах оно было фрагментарным, то в течение XIX в. русские и другие пришлые народы расположились на Севере сплошными поселениями по берегам крупных рек, нередко попеременно с юртами аборигенов. Пришлые народы из Европейской России более плотно освоили центральные районы, а в конце XIX – начале XX в. стали активно заселять юг Западной Сибири.

Здесь они столкнулись с другими колонизаторами – кочевыми казаками. Рост численности казахов на юге Сибири не был постоянным. До середины XIX в. шло их постоянное увеличение, но оно было остановлено массовым аграрным переселением крестьян из-за Урала. Главным образом из Европейской России прибывали народы, родственные по языку и занятиям с русскими, но нередко имевшие общие корни и с коренными этносами Сибири. Увеличилось присутствие восточных славян (украинцев, белорусов), пришлых тюрков (башкир, чувашей, казанских татар), финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (зырян, пермяков, мордвы), а также немцев и выходцев из Прибалтики. Ссылка стала основной причиной появления и роста численности здесь поляков, евреев, цыган, выходцев с Кавказа.

Определить занятость этнокультурных групп населения в Западной Сибири и выявить межэтническое разделение труда можно только на конец XIX в. по переписи 1897 г. В общем-то, результаты не выглядят неожиданными. Коренное население Севера в конце XIX в. занималось традиционными видами хозяйственной деятельности: ханты, манси и селькупы – охотой и рыболовством; ненцы – оленеводством. Русские и зыряне здесь в силу природных условий также вынуждены были овладеть этими способами жизнеобеспечения. Но они на Севере занимались еще ремеслами, торговлей, лесными промыслами и даже земледелием.

Тюркское коренное население в центральных районах, так же как и пришлое, главным образом занималось земледелием. Но тюрки больше внимания, чем русские, уделяли промыслам (особенно шорцы), торговле и животноводству. Основным делом южных алтайцев, как и казахов, продолжало оставаться кочевое скотоводство, хотя часть их оседала и переходила к земледелию. В Tobольской губернии большинство казахов уже занималось хлебопашеством, а в Томской – половина их еще кочевала. В Омском округе кочевало большинство казахов.

Основным делом всех пришлых этнических групп: восточных славян, выходцев из Прибалтики, финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья – были земледелие, а также ремесла. Русские заметно доминировали в управлении и связи. Самыми значительными доходными статьями евреев и цыган были торговля и ремесло. Для поляков и немцев в первую очередь – ремесло и производство, а уже потом земледелие и торговля. Выходцы с Кавказа в основном отбывали здесь наказание, занимались земледелием, работали по найму.

Итак, межэтническое разделение труда в исследуемый период было обусловлено разным уровнем экономического развития этнокультурных групп региона, природными условиями и ходом событий: аграрным переселением из Европейской России, а также началом индустриального развития Сибири. Большой уровень экономического развития пришлых этнокультурных групп давал им возможность реализовать себя в более широком перечне видов деятельности. Ограниченный круг занятий аборигенов делал их уязвимее перед внешними факторами. Однако по переписи 1897 г. это невозможно проследить в полной мере, так же как невозможно представить себе социальный статус этнокультурных групп и характер отношений между ними. Для этого необходимо обратиться к другим источникам.

В ходе торгово-промышленного освоения Севера Западной Сибири в XIX – начале XX в. у пришлого (русского и зырянского) населения сформировались прочные хозяйственные связи с аборигенами края. Экономическая взаимозависимость с оленеводами края (ненцами, эвенками, частью манси и хантов) носила характер свободного торгового

обмена, а у зырян приняла форму конкуренции. Нестабильными были отношения русских и ненцев, когда любые слухи, прокатившиеся по тундре, могли их осложнить.

С охотниками и рыболовами Севера (хантами, манси, селькупам) хозяйственные связи имели форму кредитной системы. Особенно значительной была зависимость рыболовов, живших по реке Оби, которые даже не имели своих орудий труда и находились на почти полном содержании промышленников. Несмотря на недостатки этой системы, она помогала и тем и другим существовать. Пришлое население в экономическом смысле выглядело намного успешнее коренного, так как навыки метрополии позволяли им задействовать все возможные в крае виды деятельности и с выгодой проводить торговый обмен с аборигенами, в том числе и за счет их спаивания. Причем суть хозяйственных связей не зависела от того, к какому слою (классу) принадлежал представитель пришедшего этноса – крестьянин или промышленник – менялись только масштабы деятельности.

Коренное население не было подготовлено к интенсивному развитию края, набравшему обороты. Оно медленно адаптировалось, и прежде всего эта адаптация происходила в процессе взаимодействия с русскими и зырянами.

В центральной полосе в XIX – начале XX в. основным содержанием этнокультурного взаимодействия были поземельные отношения. Мирные арендные и договорные соглашения нарушались, как правило, заселявшимися переселенцами (русскими, украинцами, мордвой и пр.). В Тобольской губернии в первой половине XIX в. и в начале XX, а в Томской во второй половине XIX и в начале XX в.

Конфликты возникали, как правило, между народами, проживавшими совместно на одних землях: бухарцами и тобольскими татарами; русскими и томскими татарами, чулымцами, шорцами, барабинцами. Коренное население и тут стремилось сохранить свои права на землю как главный аргумент взаимоотношений с технически оснащенными, экономически более сильными и превосходящими численно пришлыми народами.

Самым уязвимым оказалось кочевое население, которое официально даже не было наделено землей. Значительная часть кочевого населения (шорцы, часть барабинцев), переходя к оседлости и осваивая производящие формы хозяйства, предпочитали селиться поблизости от русских поселков или в них, чтобы успешнее перенимать трудовые навыки.

На рубеже XIX–XX вв., когда правительство взяло курс на уравнение податного населения в правах и административном управлении, это вызвало возмущение аборигенов, не желавших растворяться в среде крестьянского населения. Хотя русских и других крестьян нередко возмущали льготы инородцам в пользовании промыслами и налогообложении, им удавалось легче договориться друг с другом, чем при посредничестве администрации, услуги которой стоили дороже.

В южной степной полосе Западной Сибири в XIX в. постепенно шел процесс проникновения и оседания кочевых казахов, чему способствовала и политика правительства. Однако в конце XIX – начале XX в. свободные земли были востребованы крестьянскими переселенцами из Европейской России. Началось вытеснение кочевников, уже обосновавшихся в регионе. Это привело к их массовому оседанию среди крестьянского населения.

Неодинаково складывались отношения казахов с разными группами русских, но почти всегда они сопровождались аккультурацией кочевников. С казаками это были колониальные отношения, с крестьянами – сначала враждебность и непонимание, сменившиеся экономическим сотрудничеством; с заводскими рабочими по мере проникновения казахов в производственные структуры Алтая возникла активная конкуренция. Непримируемыми оставались отношения кочевников и оседлого населения. В пограничных округах еще долго сохранялось конокрадство.

Коренное население Горного Алтая в исследуемый период переживало стремительную аккультурацию, которая была обусловлена масштабным переселением на Алтай крестьян из Европейской России и деятельностью Алтайской духовной миссии. В районах, пригодных для земледелия, население вынуждено было оседать и приспособливаться

к соседству крестьян, чем и были вызваны поземельные споры. Легче это восприняли северные алтайцы, уже знакомые с земледелием. Наиболее враждебно отнеслись к сокращению своих территорий кочевые скотоводы алтай-кижи и теленгиты. Большинству их удалось сохранить прежний образ жизни только в высокогорных пастбищах Алтая, где их потеснили кочевые казахи.

Администрация, заботившаяся об оседлом населении, почти ничего не делала для кочевников, протест которого выразился в конфессиональной форме. Кочевые казахи, вытесненные из степей крестьянской колонизацией, удачно обосновались в Чуйской степи и других малодоступных местах, подчинили себе теленгитов, и только мобилизация 1916 г. смогла побеспокоить их. Она дала им почувствовать, что они все же российские подданные.

По-разному сложились судьбы сегрегационных групп пришлого населения в Западной Сибири в XIX – начале XX в., но в основном они сумели адаптироваться к новым условиям. Большинство их сохранило хозяйственную специфику, образ жизни и сумело консолидироваться с основным населением края. Если отношение к цыганам и “черкесам” оставалось осторожным, то евреи, поляки и немцы стали неотъемлемой частью экономической жизни городов Западной Сибири.

В целом можно сделать заключение, что отношения между различными этносами, складывавшиеся в Западной Сибири в XIX – начале XX в., были преимущественно отношениями сотрудничества и взаимообогащения, способствовавшими аграрному и индустриальному освоению региона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Законы и административные акты

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1871–1880 гг.
Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. Положение об инородцах.

Дело о погроме в Томске в 1905 г.: (Отчет о заседании Томского окружного суда). Томск, 1909.

Обращение генерал-губернатора П.М. Капцевича к татарам Тобольской губернии по поводу перечисления их в разряд оседлых инородцев // Ежегодник Тобольского губернского музея. СПб., 1895. С. 1–11.

Статистические и справочные издания

Азиатская Россия. СПб.: Изд. переселенческого управления. Главное управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1.

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М.: Институт истории СССР. АН СССР, 1991. 239 с.

Историко-этнографический атлас Сибири. Л.: Изд. АН СССР, 1961. 498 с.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев. СПб.: Тип. Либермана. Тип. Безобразова, 1883–1893. Вып. 1–19; 22; 25.

Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул: Изд. статистического отдела при главном управлении Алтайского округа, 1899–1900. Т. 1–2.

Межов В.И. Сибирская библиография. СПб.: Сибиряков, 1891–1892. Т. 1–3.

Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М.: Ин-т антропологии и этнологии РАН, 1994. 272 с.

Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд. СО РАН, 1997.

Национальные отношения: Словарь. М.: Гуманит. изд. центр "Владос", 1997. 207 с.

Обзоры Акмолинской области за 1894 г., 1895 г., 1914 г. Акмолинск: Изд. Акмолинского областного правления. 1894–1914.

Обзоры Тобольской губернии за 1900 г., 1905 г., 1910 г., 1912 г., 1914 г. Тобольск: Изд. губернского статистического комитета. 1900–1914.

Обзоры Томской губернии за 1882 г., 1885 г., 1889 г., 1894 г., 1897 – 1899 гг., 1904 г., 1908–1912 г. Томск: Тип. губернского правления. 1884–1912

Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л.: АН СССР, 1929. 104 с.

Памятная книжка Тобольской губернии за 1884 г., 1909 г. Тобольск, 1884–1909.

Памятная книжка Семипалатинской губернии на 1902 г. Семипалатинск, 1903.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. Т. 81. Акмолинская область. Т. 78. Тобольская губерния. Т. 79. Томская губерния.

Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. Новосибирск: Типография газеты “Правда”, 1929–1930.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь. Томск: Изд. Романова, 1893–1905.

Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. Томская губерния. С. LXXI–LXXXII.

Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. СПб., 1871. Тобольская губерния. С. CLI–CLXXVIII.

Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из достоверных источников. СПб., 1810. 361 с.

Периодические издания

Ж у р н а л ы

Алтайский сборник. Барнаул: Изд. Алт. подотдела ЗСО ИРГО, 1907–1911.

Архив судебной медицины. СПб.: Изд. Мед. департамента МВД. 1897. № 2.

Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип. епархиального братства, 1895. Вып. 4.

Томские епархиальные ведомости. Томск. 1885, 1888.

Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск: Тип. окружного штаба, 1879–1893.

Г а з е т ы

Восточное обозрение. 1882–1887. Томск.

Томские губернские ведомости. Томск. 1858, 1863, 1866–1870, 1872, 1874, 1882, 1883, 1889.

Сибирские вопросы. СПб. 1905–1913 гг.

Сибирская жизнь. Томск. 1897–1910.

Сибирь. Томск. 1875–1878, 1887.

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ*Российский государственный исторический архив*

- Ф. 381. Департамент государственного земледелия.
- Ф. 383. 1-й Департамент министерства государственных имуществ.
- Ф. 391. Переселенческое управление Министерства земледелия.
- Ф. 468. Кабинет Его Императорского Величества.
- Ф. 1263. Комитет министров.
- Ф. 1264. Первый Сибирский комитет.
- Ф. 1265. Второй Сибирский комитет.
- Ф. 1282. Канцелярия министра внутренних дел.
- Ф. 1286. Департамент исполнительной полиции МВД.
- Ф. 1291. Земский отдел МВД.
- Ф. 1376. Ревизия сенаторов В.К. Безродного и Б.А. Куракина по Западной Сибири.
- Ф. 1405. Министерство юстиции.

Государственный архив Российской Федерации

- Ф. 102. Департамент полиции. Особый отдел.
Департамент полиции. Отдел № 4.

Государственный архив Новосибирской области

- Ф. 354. Сибирский комитет Севера.

Государственный архив Омской области

- Ф. 2. Главное управление Сибири.
- Ф. 3. Главное управление Западной Сибири.
- Ф. 67. Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска.
- Ф. 70. Тобольский губернский Евангелическо-лютеранский пастор.

Государственный архив Томской области

- Ф. 2. Канцелярия томского губернатора.
- Ф. 3. Томское губернское управление.
- Ф. 144. Чертежная Томского губернского управления.
- Ф. 184. Алтайская духовная миссия.
- Ф. 196. Томская губернская казенная палата.
- Ф. 234. Томский губернский статистический комитет.
- Ф. 240. Управление земледелия и государственных имуществ Томской губернии.

Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

- Ф. 152. Тобольское общее губерниское управление.
Ф. 185. Управление земледелия и государственных имуществ Тобольской губернии.
Ф. 329. Тобольское губерниское праавление.

Центр хранения архивного фонда Алтайского края

- Ф. 3. Главное управление Алтайского горного округа.
Ф. 4. Главное управление Алтайского округа.
Ф. 164. Алтайская духовная миссия.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулатипов Р.Г.* Природа и парадоксы национального "Я". М.: Мысль, 1991. 169 с.
- Абрамов Н.А.* Описание Березовского края. М.: Софтдизайн, 1993.
- Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.
- Американский и сибирский фронтир.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997.
- Андрианов Б.В.* Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. 280 с.
- Андронников И.А.* Материалы по землепользованию и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911.
- Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 243 с.
- Арутюнян С.М.* Нация и ее психологический склад. Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. пед. ун-та, 1966. 271 с.
- Бардина П.Е.* Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995, 223 с.
- Бартенева В.В.* На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. 154 с.
- Бахрушин С.В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский север. М., 1929. С. 67–98.
- Бекмаханов Е.Б.* Исторические корни дружбы казахского народа с великим русским народом. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во, 1950. 284 с.
- Белорусы в Сибири.* Новосибирск: СО РАН, 2000. Вып. 1. 146 с.
- Богатырев Н.* Об ореховом и зверовом промыслах кумандинских инородцев Бийского уезда // Алтайский сборник. Барнаул, 1908. -Т. 9. С. 1–31.
- Бойко В.П.* Томское купечество конца XVIII–XIX в.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 320 с.
- Бромлей Ю.В. Подольный Р.Г.* Человечество – это народы. М.: Мысль, 1990. 391 с.

Бузанова В.А. Волостное село // Средний Васюган. Томск: Изд-во Том ун-та, 2000. С. 23–40.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 294 с.

Валеев Ф. Т.-А. Западносибирские татары во II половине XIX – начале XX в. Казань, 1980. 232 с.

Валеев Ф. Т.-А. Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1996. 219 с.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1893. 272 с.

Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 5–58.

Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири при Сибирском статистическом комитете. СПб., 1854. Т. 1–3.

Геллер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1995. 320 с.

Гребенщиков Г.Д. Река Уба и Убинские люди // Алтайский сборник. Барнаул, 1911. С. 1–80.

Григоровский Н.П. Неведомые места и Васюганская тундра // Записки ЗСО ИРГО. Омск. 1884. Кн. 6. С. 10–25.

Он же. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки ЗСО ИРГО. СПб., 1879. Кн. 1. С. 1–28.

Данилин А.Г. Бурхаизм. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1993. 205 с.

Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 82 с.

Он же. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. 134 с.

Данковцева С.Г. Особенности быта обдорян в конце XIX – начале XX веков // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 63–74.

Демидов В.А. Демидов В.В. Познанский В.С. Народы Сибири на путях интернационализма. Новосибирск: СО РАН, 1990. 176 с.

Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии (до XVII века). СПб.; Барнаул, 1995. 196 с.

Дмитриенко Н.М. Евреи-предприниматели в дореволюционном Томске // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 40–45.

Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 269 с.

Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. 217 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб.: Мин. зем. и гос. имущ. Департамент земледелия, 1904. Т. 1. 281 с.; 1911. Т. 2. 353 с.

Он же. Особенности условий рыбопромышленности на р. Оби. СПб., 1904.

Ермекаев Ж.А. Российские казахи в составе РСФСР и СССР в 1917–1991 гг. Омск, 1999. 183 с.

Жерновков Г.И. Нарымский край // Сибирские вопросы. СПб. 1906. № 4. С. 74–83.

Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 204 с.

Зиновьев В.П. Казахи Чуйской долины (конец XIX – начало XX веков) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Барнаул, 1997. С. 27–31.

Он же. “Киргизский” вопрос на землях Алтайского округа Кабинета // Степной край – зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX). Омск, 1998. С. 65–68.

Он же. Нарымский край в XVI–XX веках // Нарымский край – мое отечество. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 6–10.

Он же. Нарымские рыбопромысловые пески // Земля каргасокская. Томск: Изд-во Том ун-та, 1996. С. 214–221.

Он же. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX века // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Вып. 1.

Он же. Определение южных границ Западной Сибири в XVIII–XX веках // Сибирь и Центральная Азия: Проблемы региональных связей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 5–10.

Он же. Промыслы населения Нижнего Притомья в XIX – начале XX века // Северск: История и современность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994.

Он же. Родюковы // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-экономическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 86–94.

Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: Фан, 1968. 73 с.

Замбарт В. Социализм и социальное движение в XIX столетии. Ростов н/Д: Тип. Н.Е. Парамонова “Донская речь”, 1905. 124 с.

Иванов И.Г. Татары среднего течения Чулыма. Томск: Томский краеведческий музей, 1929. 91 с.

Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. М.: Галарт, 1995. 192 с.

История Казахстана: Народы и культуры. Алматы: Дайк-пресс, 2001. Ч. 2. Гл. 1. Миграционные процессы на территории Казахстана в дореволюционный период. С. 191–256.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука, 1968. Т. 2–3.

История Сибири: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 469 с.

Инфантьев П.П. Этнографические рассказы из жизни татар, киргиз, калмыков, башкир, вогулов и самоедов. Л.: Девриен, 1928. 262 с.

Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX века: Численность и национальный состав. М.: Наука, 1992.

Он же. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–XX веках. М.: Наука, 1998. 269 с.

Канпелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.

Карих Е.В. Межэтнические отношения населения Томской губернии в хозяйственной сфере деятельности в XIX – начале XX века // Вопросы экономической истории России XVIII–XX веков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 100–106.

Она же. Межэтнические отношения в Алтайском округе в хозяйственной сфере в XIX – начале XX века // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 271–278.

Она же. Межэтнические контакты казахов на Алтае в хозяйственной сфере в XIX– начале XX века // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 15–22.

Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. Тюмень, 1991. Т. 2. 351 с.

Катанаяев Г.В. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб.: Изд-во Березовского, 1908. 115с.

Он же. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда. Омск, 1893. 24 с.

Касум-ех: Материалы для обоснования проекта этнического статуса территории. Тобольск, 1993.

Козьмин В.А. Оленеводство коми-ижемцев в Западной Сибири // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск, 1990. С. 73–80.

Козьмина О. Пучков П. Основы этнодемографии. М., 1994.

Колоткин М.И. Балтийская диаспора в Сибири. Новосибирск, 1994. 166 с.

Он же. Латгальские поселения в Сибири. Новосибирск, 1994. 67 с.

Коровушкин Д.Г. Чуваши Западной Сибири. Новосибирск, 1997. 93 с.

Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1869. 117 с.

Он же. Каинская Бараба. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1874. 69 с.

Он же. Нарымский край. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1872. 96 с.

Он же. Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1896. 117 с.

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1995–1999.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-Ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 224 с.

Они же. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. 135 с.

Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Черняк Э.И. Национальные меньшинства Томской губернии. 1885–1919 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995, 295 с.

Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Макет, 1956.

Леонов Н. На рыбной реке: Как живут и чем промышляют остяки-рыболовы. М.: Работник просвещения, 1927. 26 с.

Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспектпресс, 1997. 446 с.

Лященко Н.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. М.: Госполитиздат, 1956. 728 с.

Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1990. 200 с.

Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири во второй четверти XIX века. Новосибирск: Наука, 1987. 268 с.

Она же. Хозяйственное освоение южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. 239 с.

Материалы по юридической этнографии малых народов Севера. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 160 с.

Мархинин В.В. Удалова И.В. Межэтническое сообщество: Состояние, диалектика, взаимодействие культур. Новосибирск: Сибирская издательская фирма "Наука", 1996. 189 с.

Мархинин В.В. Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989.

Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского // Ежегодник Тобольского музея. Тобольск, 1915. Вып. 26. С. 81–124.

Максимов С. Сибирь и каторга: В 3 ч. Ч. 2. СПб.: Изд-во Н. Степанова, 1891. 367 с.

Малиновский Л.В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 202–213.

Межэтнические контакты и развитие национальных культур. М.: АН СССР. Институт Истории СССР. Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1985. 195 с.

Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. М.: Наука, 1966. 144 с.

Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. М.: МГИМО, 1998. 188 с.

Моисеев В.А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 171 с.

Миненко Н.А. Северо-западная Сибирь в XVII – первой половине XIX века. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.

Мучник Ю.М. Очерки из истории евреев в досоветской Сибири. Томск: Пиллад, 1997. 59 с.

Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. Томск, 2000. 128 с.

Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Томск: Том. губ. стат. бюро, 1927.

Он же. Томская губерния. Томск: Том. губ. стат. бюро, 1917. 31 с.

Он же. Экономическое положение населения Причулымского края бывшей Томской губернии. Томск: Том. губ. стат. бюро, 1927. 153 с.

Нам И.В. Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М.: Готика, 2000. С. 17–31.

Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 320 с.

Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. С. 9–199.

Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края: Этнографический очерк // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1903. Кн. 30. 29–236.

Немцы в Сибири. Омск, 1999. 360 с.

Носилов К.Д. У вогулов. СПб., 1904. 256 с.

Орлова Е.Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск: Наркомзем РСФСР. Сибирская рыбохозяйственная станция, 1928. 55 с.

Островский Л.К. Численность, состав и размещение польских политических ссыльных в Сибири (середина 90-х гг. XIX века – 1917 г.) // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 140–149.

Он же. Поляки в Сибири в первой трети XX века // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 188–193.

Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. 62 с.

Паалов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Тюмень: Изд-во И.И. Игнатова, 1878. 162 с.

Павловский В.Г. Вогулы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1907. 229 с.

Патканов С.К. Краткий очерк колонизации Сибири // Ежегодник России. 1907. СПб., 1908. 442 с.

Он же. О приросте инородческого населения Сибири. СПб.: Тип. Академии наук, 1910. 210 с.

Он же. По Демьянке. Омск, 1894. 64 с.

Он же. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Язык и роды инородцев // Записки ЗСО ИРГО. Отдел статистики: 1911–1912. Т. 1–3.

Пелих Г.Н. Происхождение и история селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 576 с.

Петрова В.П., Харючи П.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого Автономного округа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 221 с.

Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1901. 366 с.

Полферов Я.Я. Среди инородцев. Томск: Слово, 1889. 117 с.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. СПб.: Тип. Академии наук, 1877. 187 с.

Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири. СПб.: Русское слово, 1867. 26 с.

Он же. Бараба. Сибирские Казаки. Инородцы Алтая // Живописная Россия. СПб.: М.О. Вольф, 1884. Т. 11.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 145 с.

Поздняков Э.А. Нации. Национализм. Национальные интересы. М.: Прогресс-Культура, 1994. 125 с.

Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.

Попков Ю.В. Процесс интернационализации у народов Севера. Новосибирск: Наука, 1990. 200 с.

Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: история, опыт и современность. Тобольск, 1995.

Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 328 с.

Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 660 с.

Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 749 с.

Он же. Этнографический обзор тюркских племен южной Сибири и Джунгарии. Томск: Тип.-лит. Михайлова и Макушина, 1887. 26 с.

Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск: СО РАН, 1998.

Роцевская Л.П. Члены польской партии “Пролетариат” в западно-сибирской ссылке // Советское славяноведение. 1976. № 6. С. 31–42.

Она же. Участники польских гмин в русских колониях политических ссыльных Западной Сибири в 80-х гг. XIX в. // Освободительное движение в России: Межвузовский науч. сб.: Саратов, 1978. Вып. 8. С. 70–84.

Содохин А.П. Грушевицкая Т.Г. Этнология. М.: Академия, 2000. 303 с.

Сатлаев Т.А. Кумандинцы. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. 200 с.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии: Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск, 1913. Вып. 1. XXVIII, 115, 29 с.

Северная Сосьва: (Исторические и современные проблемы коренного населения). Шадринск, 1992.

Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.

Сергеев М.А. Народы Обского Севера. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1953. 148 с.

Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М.: Механик, 1996. 204 с.

Она же. Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. 202 с.

Симонова Л.Х. Ильдия. СПб.: Родник, 1886. 63 с.

Она же. Лаача. СПб.: Родник, 1887. 89 с.

Она же. Эзе. СПб.: Родник, 1887. 87 с.

Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 257 с.

Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 173 с.

Сно Е.Э. У ледовитого океана. Самоеды. СПб., 1904. 22 с.

Сосновская О.Н. Проблемы взаимоотношения русского и коренного населения Сибири в трудах Н.М. Ядринцева // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 107–116.

Старцев Г.А. Остяки: Социально-этнографический очерк. Л.: Прибой, 1928. 150 с.

Он же. Самоеды. Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1930.

Судьба народов Обь-Иртышского Севера: Сб. документов. Тюмень, 1994. С. 17–49.

Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 271–309.

Тамилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 216 с.

Он же. Проблемы реконструкции экономической истории юга Западной Сибири. Омск, 1987. 80 с.

Он же. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во Том ун-та, 1978. 208 с.

Туголуков В.А. Тунгусы Средней и Западной Сибири (эвены и эвейки). М.: Наука, 1985. С. 237–271.

Тюрки таежного Причулымья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 3–106.

Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

Феоктистов А. Русские, казахи и Алтай. Москва; Усть-Каменогорск: Альфа и Омега, 1992. 47 с.

Хазиахметови Э.Ш. Изучение в XX веке национального состава политических ссыльных Сибири 1905–1917 гг. // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 202–210.

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М., Л.: Наука, 1966. 329 с.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки. Томск, 1931. 175 с.

Он же. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района. Томск: Томский краеведческий музей, 1927.

Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Собрание сочинений. СПб.: Изд-во Попова, 1898. Т. 2. С. 548–632.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Барнаул: Главное управление Алтайского округа, 1900–1903. Т. 1, вып. 1–2; Т. 2; Т. 3, вып. 1, 3, 4; Т. 4, вып. 3.

Он же. Очерки Сургутского края // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1889. Кн. 10. С. 1–87.

Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 1999. 433 с.

Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. Население Сибирского края (русские и туземцы). Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. 105 с.

Шостакович Б. Промыслы Нарымского края // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1882. Кн. 4. С. 1–40.

Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века: Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 501 с.

Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 1998. 264 с.

Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. 269 с.

Этнические факторы в жизни общества. М.: АН СССР Институт антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1991. 218 с.

Юданов И.Г. Нарымский край. Красноярск, 1927. 22 с.

Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое население. СПб.: Исторический вестник, 1885.

Он же. Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884. 32 с.

Он же. Начало оседлости. СПб., 1894. 23 с.

Он же. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1891. 308 с.

Он же. Сибирь как колония. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892. 720 с.

Якобий А.И. Остяки северной части Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895. Вып. 4. С. 1–25.

Он же. Угасание инородческих племен Тобольского Севера. СПб., 1900.

Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. 238 с.

Авторефераты диссертаций

Алексеев Н.В. Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. 36 с.

Валеев Ф. Т.-А. Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1965. 16 с.

Головнев А.В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Западной Сибири XVII – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 19 с.

Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев в сельских районах Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993. 20 с.

Львова Э.Л. Чулымские тюрки. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 21 с.

Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. 18 с.

Ковалышкина Е.П. “Инородческий вопрос” в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 21 с.

Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае (конец XIX – начало XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 21 с.

Проваторова О.М. Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 19 с.

Савиных М.Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 22 с.

Томилов Н.А. Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1972. 20 с.

Функ Д.А. Бачатские телеуты в XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 19 с.

Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков южной Сибири в XVII–начале XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. 46 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

202

Таблица 24

Межэтническое разделение труда в Березовском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Ханты			Зыряне			Ненцы			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу хантов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу зырян	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу ненцев	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	3 739	100	—	11 095	100	—	2 017	100	—	4 433	100	—	21 411
В том числе:													
Администрация	161	4,3	95	4	—	2,4	1	—	0,6	—	—	—	169
Земледелие	72	1,9	61	27	0,2	22,9	18	0,9	15,3	1	—	—	118
Животноводство	3	—	—	1 836	16,5	31,4	721	35,7	12,3	3249	73	55,5	5 850
Лесные промыслы	12	0,3	52,2	3	—	13	7	0,3	30,4	1	—	—	23
Охота и рыболовство	2 306	61,7	17,8	8 752	78,8	67,5	871	40,7	6,7	993	22,4	7,6	12 957
Ремесло	133	3,6	40,5	52	0,5	15,8	96	4,8	29,3	44	1	13,4	328
Торговля	223	6	64,8	62	0,5	18	26	1,3	7,5	1	—	—	344

Таблица 25

Межэтническое разделение труда в Сургутском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Ханты			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Человек	В % к общему числу хантов	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	2 151	100	—	5 552	100	—	7 747
В том числе:							
Администрация	107	5	95,5	1	—	—	112
Лесные промыслы	443	2,06	98,9	4	—	0,9	448
Охота и рыболовство	946	44	14,8	542	97,8	84,9	6 394
Ремесло	85	4	97,7	—	—	—	87
Торговля	171	8	92,9	10	0,2	5,4	184

Приложение

Таблица 26

Межэтническое разделение труда в Нарымском крае в начале XX века

Население	Всего хозяйств	Хозяйства																	
		имеющие пашню			державшие скот			занятые ловлей рыбы			занятые охотой			торгующие			занимающиеся иными промыслами		
		Число хозяйств	В % к общему числу хозяйств	В % к хозяйствам с пашней	Число хозяйств	В % к общему числу хозяйств	В % к хозяйствам со скотом	Число хозяйств	В % к общему числу хозяйств	В % к хозяйствам, занятым рыболовством	Число хозяйств	В % к общему числу хозяйств	В % к хозяйствам, занятым охотой	Число хозяйств	В % к общему числу хозяйств	В % к торгующим хозяйствам	Число хозяйств	В % к общему числу хозяйств	В % к хозяйствам, занятым иными промыслами
Пришлые (в основном русские)	3 219	2 092	65	99	2969	92	81,2	2 340	72,7	74,5	1049	32,6	60,8	283	8,8	98	167	5,2	54,4
Коренные (в основном селькупы)	877	19	2,2	1	686	78	18,8	804	91,7	25,6	676	77	39,2	6	0,7	2	140	16	45,6
Всего	4 096	2 111	-	100	3 655	-	100	3 144	-	100	1725	-	100	289	-	100	307	-	100

Таблица 27

Межэтническое разделение труда в Туринском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Татары			Манси			Поляки			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу манси	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе В том числе:	64 927	100	-	234	100	-	3 504	100	-	140	100	-	68 698
Администрация	307	0,5	99,8	-	-	-	-	-	-	8	5,7	2,5	324
Земледелие	5 738	89,6	95	280	86,4	0,5	2 448	69,4	4	23	16,4	-	60 436
Охота и рыболовство	59	0,1	6,3	-	-	-	874	24,9	93,3	-	-	-	937
Ремесло	2 445	2,7	90,3	15	4,3	0,6	17	0,5	0,6	39	27,9	1,4	2 707
Торговля	493	0,8	88,8	10	3	1,8	1	-	-	11	7,9	13,5	555

Таблица 28

Межэтническое разделение труда в Тобольском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Татары			Манси			Евреи			Ханты			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу манси	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу хантов	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе В том числе:	9842	100	-	22563	100	-	1218	100	-	1248	100	-	2359	100	-	127860
Администрация	2355	2,4	93,6	7	-	0,3	3	-	-	22	1,8	0,9	3	-	-	23516
Земледелие	72268	73,4	78,8	18524	82	20,2	6	-	-	3	-	-	301	12,8	0,3	91704
Лесные промыслы	315	0,3	38,5	423	1,9	51,6	47	3,9	5,7	-	-	-	19	0,8	2,3	819
Рыболовство и охота	3963	4	47,5	1313	5,8	15,7	1128	96,6	13,5	-	-	-	1919	1,3	23	8337
Ремесло	4211	4,3	81,7	308	1,4	2	-	-	-	369	29,6	7,2	12	0,5	0,2	5144
Торговля	2629	2,7	71,8	331	1,5	9	20	-	0,5	457	36,6	12,5	29	1,2	0,8	3620

Межэтническое разделение труда в Тюменском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Татары			Поляки			Евреи			Зыряне			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу зырян	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	105981	100	-	12246	100	-	484	100	-	257	100	-	173	100	-	120959
В том числе:																
Администрация	1353	1,3	94,2	23	-	1,6	37	7,6	2,6	1	-	-	-	-	-	1437
Земледелие	64953	61,3	86,6	9382	76,6	12,5	36	7,4	-	3	-	-	28	16,2	-	74983
Лесные промыслы	641	0,6	73,8	183	1,5	21	5	-	-	-	-	-	18	10,4	4,2	427
Рыболовство и охота	176	0,2	27,2	465	3,8	72	-	-	-	-	-	-	-	-	-	646
Ремесло	14096	13,3	94,6	277	2,3	1,9	101	20,9	0,7	43	16,7	0,3	79	45,7	0,5	14902
Торговля	4139	3,9	85,1	417	3,4	8,6	42	8,7	0,9	84	32,7	1,7	2	-	-	4863

Таблица 30

Межэтническое разделение труда в Ялutorовском округе в 1897 г

Сфера занятости	Русские			Татары			Поляки			Евреи			Зыряне			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу зырян	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	178656	100	-	5445	100	-	288	100	-	111	100	-	2504	100	-	1884550
В том числе:																
Администрация	938	0,5	97	5	-	-	13	4,5	1,3	-	-	-	2	-	-	967
Земледелие	157807	88,3	95	4925	90,4	3	66	22,9	-	-	-	-	2329	93	1,4	166048
Рыболовство и охота	111	0,1	0,8	52	1	31,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	163
Ремесло	7527	4,2	94,7	103	1,3	1,9	76	26,5	1	37	33,3	0,5	72	2,7	0,9	7948
Торговля	1679	0,9	92,6	18	0,3	1	24	8,4	1,3	55	50	9	3	-	-	1813

Межэтническое разделение труда в Тарском округе в 1897 г.

Таблица 31

208

Сфера занятости	Русские			Татары			Поляки			Зыряне			Казахи			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу зырян	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе В том числе:	136883	100	-	14288	100	-	1091	100	-	338	100	-	333	100	-	159605
Администрация	949	0,7	94,1	24	0,2	2,4	19	1,7	1,9	-	-	-	-	-	-	1008
Земледелие	15596	84,4	87,3	10622	74,3	8	652	59,8	0,5	320	24,3	-	9	-	-	132433
Животноводство	395	0,3	47,9	72	0,5	8,6	10	0,9	-	-	-	-	309	92,8	37	833
Лесные промыслы	503	0,4	70,4	165	1,2	23,1	11	1	1,5	-	-	-	-	-	-	714
Рыболовство и охота	186	0,2	29,8	442	3	67,7	5	-	-	-	-	-	-	-	-	623
Ремесло	7077	5,2	85,7	514	3,6	6,2	149	13,6	1,8	15	4,4	-	-	-	-	8261
Торговля	1901	1,4	75,5	346	2,4	13,7	64	5,6	2,5	-	-	-	10	-	-	2517

Таблица 32

Межэтническое разделение труда в Томском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Татары			Поляки			Селькупы			Евреи			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу селькупов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе В том числе:	243255	100	-	12632	100	-	2678	100	-	4190	100	-	3487	100	-	277123
Администрация	3447	1,4	94,8	22	0,2	0,6	107	4	2,9	-	-	-	4	-	-	3637
Земледелие	131172	53,9	91	6351	50,3	4,4	538	20	0,4	5	-	-	51	1,5	-	144217
Лесные промыслы	5254	2,2	89	299	2,4	5	101	3,7	1,7	15	0,3	0,2	6	-	-	5899
Рыболовство и охота	10305	4,2	60	225	17,8	13,5	21	0,8	0,1	3904	93,2	22,7	-	-	-	17153
Ремесло	23305	9,5	88,5	503	4	1,9	469	17,5	1,8	95	2,3	0,4	1025	29,3	3,9	26342
Торговля	11779	4,8	79,5	1066	8,4	7,2	351	9,7	2,4	28	0,4	0,2	1108	31,8	-	14804

Межэтническое разделение труда в Кузнецком округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Татары			Поляки			Мордва			Пермяки			Общее число занятых в отраслях
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу мордвы	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу пермяков	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	132900	100	-	26041	100	-	131	100	-	907	100	-	241	100	-	161799
В том числе:																
Администрация	662	0,5	91,7	25	0,1	3,5	20	15,3	2,8	-	-	-	5	-	-	722
Земледелие	10078	75,3	86,7	13311	51,1	11,5	4	-	-	704	77,6	0,6	120	49,8	0,1	115423
Животноводство	903	0,7	-	163	0,6	-	-	-	-	79	8,7	-	-	-	-	1175
Лесные промыслы	2287	1,7	82	414	1,6	14,9	5	-	-	54	5,5	1,9	20	83	0,7	2786
Рыболовство и охота	353	0,3	3,4	10115	38,8	96,6	-	-	-	-	-	-	1	-	-	10471
Ремесло	12773	96	93,9	623	2,4	-	43	32,8	0,3	16	1,8	0,1	13	5,4	0,1	13609
Торговля	1703	1,3	8,4	280	1,1	13,8	18	13,7	0,9	-	-	-	-	-	-	2028

Таблица 34

Межэтническое разделение труда в Маринском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Татары			Поляки			Мордва			Евреи			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу мордвы	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	114031	100	-	6567	100	-	1248	100	-	1960	100	-	1590	100	-	137871
В том числе:																
Администрация	696	0,6	93,9	-	-	-	25	2	3,4	-	-	-	-	-	-	741
Земледелие	91078	79,9	83	4671	71,1	0,4	585	46,9	0,5	1899	96,9	1,7	34	2,1	-	109694
Животноводство	258	0,2	54,4	176	2,7	3,7	10	-	2,1	1	-	-	9	-	2	474
Рыболовство в охота	205	0,2	16,4	1037	15,8	83	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1248
Ремесло	8311	7,3	87,8	130	2	1,4	223	17,9	2,3	19	1	0,2	447	28,1	4,7	9534
Торговля	1767	1,6	59,9	120	1,8	4	167	13,4	5,7	2	-	-	782	49,2	26,5	2952

Таблица 35

Межэтническое разделение труда в Каинском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Татары			Поляки			Казахи			Евреи			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	157101	100	-	5797	100	-	1937	100	-	4477	100	-	2276	100	-	187079
В том числе:																
Администрация	831	0,5	90,7	12	0,2	1,3	30	1,5	3,3	-	-	-	20	0,9	2,2	916
Земледелие	137086	87,3	87	4848	83,6	3	1119	57,9	0,7	359	8	2,3	355	15,6	0,2	157653
Животноводство	1164	0,7	21,9	67	1,2	1,3	45	2,3	0,8	3941	88	74	20	0,9	0,4	5322
Рыболовство и охота	271	-	51,1	224	3,8	42,3	7	-	-	-	-	-	10	-	1,9	228
Ремесло	4979	3,2	81,3	102	1,8	1,7	243	12,5	4	22	0,5	0,4	375	16,5	6,7	6122
Торговля	1558	1	50,9	56	1	1,8	146	7,5	4,8	-	-	-	1065	46,8	34,8	3060

Таблица 36

Межэтническое разделение труда в Тюкалинском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Казахи			Поляки			Латыши			Евреи			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казаков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу латышей	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	170985	100	-	5148	100	-	1364	100	-	3000	100	-	355	100	-	208788
В том числе:																
Администрация	681	0,4	91,5	24	0,5	3,2	30	2,2	4	1	-	-	-	-	-	744
Земледелие	150056	87,8	81	4906	97	2,7	943	69,1	0,5	2798	93,3	1,5	66	18,6	-	185131
Животноводство	5784	3,4	99,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5786
Ремесло	4533	2,6	83,1	39	0,6	0,7	133	9,8	2,4	82	2,7	1,5	63	17,7	1,2	5454
Торговля	1486	0,9	7,5	4	-	-	92	6,7	-	6	-	-	173	48,7	8,7	1982

Таблица 37

Межэтническое разделение труда в Курганском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Казахи			Поляки			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе В том числе:	256942	100	-	363	100	-	427	100	-	260095
Администрация	1098	0,4	98	1	-	-	15	-	1,3	1120
Земледелие	232098	90,3	99,3	165	43,5	-	80	18,7	-	233773
Животноводство	744	2,9	99,7	-	-	-	1	-	-	746
Ремесло	6441	2,5	95,7	58	16	0,9	69	1,6	1	6729
Торговля	2759	1	88,5	32	8,8	1	40	9,4	1,3	3117

Таблица 38

Межэтническое разделение труда в Ишимском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Казахи			Поляки			Татары			Цыгане			Общее число занятых в отраслях
	Число занятых	% к общему числу русских	% к числу занятых в отрасли	Число занятых	% к общему числу казахов	% к числу занятых в отрасли	Число занятых	% к общему числу поляков	% к числу занятых в отрасли	Число занятых	% к общему числу татар	% к числу занятых в отрасли	Число занятых	% к общему числу цыган	% к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	252358	100	-	1502	100	-	1270	100	-	1614	100	-	316	100	-	269021
В том числе:																
Администрация	933	0,4	93,3	-	-	-	28	2,2	2,8	7	-	-	-	-	-	1000
Земледелие	230535	91,4	94,3	1201	80	0,5	681	53,6	0,3	1330	82,4	0,5	35	11	-	244566
Животноводство	1752	0,7	96,7	20	1,3	1,1	7	-	-	-	-	-	-	-	-	1812
Ремесло	5707	2,3	88,7	81	5,4	1,3	170	13,4	2,6	52	3,2	0,8	28	8,9	0,4	6432
Торговля	1838	0,7	77,5	37	2,5	1,6	146	5,5	6,2	54	3,3	2,3	137	43,4	5,8	2373

Таблица 39

Межэтническое разделение труда в Омском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Казахи			Поляки			Немцы			Евреи			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу немцев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	50775	100	-	38185	100	-	946	100	-	3315	100	-	1132	100	-	100538
В том числе:																
Администрация	2159	4,3	94,3	15	-	0,6	64	6,7	2,8	17	-	0,7	-	-	-	2290
Земледелие	15879	31,3	67,7	564	1,5	2,4	62	6,6	0,3	2710	81,7	11,5	4	-	-	23495
Животноводство	440	0,9	0,7	36196	94,8	99,2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	36487
Ремесло	5066	5	79,5	311	0,8	4,9	185	19,5	2,9	231	7	3,6	348	30,7	5,5	6369
Торговля	3886	7,7	79,6	120	0,3	2,5	132	14	2,7	39	1,2	2,8	447	39,5	9,2	4882

Таблица 40

Межэтническое разделение труда в Барнаульском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Казань			Татары			Зыряне			Мордва			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу зырян	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу мордвы	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	516880	100	-	4119	100	-	1943	100	-	717	100	-	6972	100	-	584041
В том числе:																
Администрация	2409	0,5	96,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2491
Земледелие	425286	82,3	87,7	1528	37	0,3	1480	76,2	0,3	243	34	-	6140	88	1,3	484886
Животноводство	2807	0,5	57,3	1886	45,8	38,5	56	2,9	1,1	16	2,2	-	16	0,2	-	4897
Ремесло	26641	5,2	94,7	149	3,6	0,5	113	5,8	0,4	172	24	0,6	212	3	0,8	28135
Торговля	8554	1,7	92,2	46	1,1	0,5	160	8,2	1,7	25	3,5	-	16	0,2	-	9282

Таблица 41

Межэтническое разделение труда в Змеиногорском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Казахи			Татары			Мордва			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу мордвы	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе	206505	100	-	13843	100	-	724	100	-	1709	100	-	242709
В том числе:													
Администрация	877	0,4	94,3	5	-	0,6	-	-	-	-	-	-	930
Земледелие	178505	86,4	87,8	3799	27,4	1,9	395	54,6	0,2	1556	9	0,8	203391
Животноводство	1098	0,5	12,3	7815	56,5	87,3	3	-	-	5	-	-	8950
Ремесло	10426	5	91,3	566	4	5	28	3,9	0,2	41	2,4	0,4	11414
Торговля	2026	1	82,2	95	0,7	3,9	213	29,4	12,6	-	-	-	2464

Межэтническое разделение труда в Бийском округе в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Татары (алтайцы)			Казахи			Мордва			Зыряне			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу мордвы	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу зырян	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в округе В том числе:	287468	100	-	41449	100	-	2060	100	-	1276	100	-	410	100	-	337007
Администрация	1159	0,4	93,5	56	0,1	4,5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	1238
Земледелие	244027	84,9	93,5	10412	25,1	4	942	45,7	0,4	1023	78,3	0,4	332	81	-	260406
Животноводство	5550	1,9	16,5	27386	66	81,4	675	32,8	2	18	1,4	-	-	-	-	33649
Лесные промыслы	2124	0,7	75,6	642	1,5	22,4	11	-	-	15	1,1	0,8	-	-	-	2809
Рыболовство и охота	336	0,1	26,1	950	2,3	73,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1286
Ремесло	12402	4,3	94,4	304	0,7	2,3	121	5,9	0,9	68	5,2	0,5	56	13,7	-	13132
Торговля	4433	1,5	90,8	214	0,5	4,4	25	1,2	0,5	3	-	-	5	-	-	4881

Таблица 43

Межэтническое разделение труда в Томске в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Евреи			Татары			Поляки			Немцы			Украинцы			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу немцев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу украинцев	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в городе	45106	100	-	3016	100	-	1624	100	-	1184	100	-	417	100	-	355	100	-	52210
В том числе:																			
Администрация	2424	5,4	94,7	4	-	-	12	-	-	84	7	3,3	6	-	-	24	6,8	0,9	2560
Свободные профессии	1685	3,7	83,9	108	3,6	5,4	36	2,2	1,8	89	7,5	4,4	58	14	2,9	17	-	0,8	2009
Ремесло	7991	17,7	83,3	923	30,6	9,6	213	13	2,2	217	18,3	2,3	103	24,7	1	48	13,5	-	9596
Строительство	3891	8,6	93	144	4,8	3,4	29	-	-	50	-	1,2	13	-	-	14	-	-	4185
Транспорт	2723	6	77,4	399	13,2	11,3	187	11,5	5,3	118	10	3,4	23	6,5	0,7	41	11,5	1,2	3516
Торговля	6383	14,2		905	30	11	589	36,3	7,1	158	13,3	2	63	15,1	0,8	48	13,5	0,6	8270

Таблица 44

Межэтническое разделение труда в Тобольске в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Евреи			Татары			Поляки			Немцы			Украинцы			Общее число занятых в отраслях
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу немцев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу украинцев	В % к числу занятых в отрасли	
Всего занятых в городе В том числе	17588	100	-	1227	100	-	411	100	-	586	100	-	99	100	-	210	100	-	20426
Администрация	2165	12,3	93,7	22	1,8	1	1	-	-	96	16,4	4,2	7	-	-	17	8	-	2310
Свободные профессии	573	3,3	87	19	-	2,9	6	-	0,9	25	4,3	3,8	9	9	1,4	6	-	0,9	662
Ремесло	2819	16	82,3	358	29,2	10,6	41	10	1,2	112	19,1	3,3	22	22,2	0,6	20	9,5	0,6	3393
Строительство	1214	6,9	90,2	80	6,5	6	21	-	1,6	9	-	0,7	7	-	-	8	-	-	1346
Транспорт	486	2,8	70,4	122	9,9	17,7	66	16	9,6	15	-	-	1	-	-	-	-	-	690
Торговля	2301	12,5	76,9	451	36,8	15,7	78	19	3	105	17,9	3,7	5	-	-	17	-	0,6	2864

Таблица 46

Межэтническое разделение труда в Омске в 1897 г.

Сферы занятости	Русские			Евреи			Татары			Поляки			Немцы			Казахи			Общее число занятых в отраслях
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отраслях	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отраслях	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отраслях	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отраслях	Число занятых	В % к общему числу немцев	В % к числу занятых в отраслях	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отраслях	
Всего занятых в городе В том числе:	32569	100	-	1127	100	-	769	100	-	785	100	-	437	100	-	505	100	-	37375
Администрация	2052	6,3	94,7	-	-	-	-	-	-	64	8,2	3	8	-	-	8	-	-	2167
Свободные профессии	1032	3,2	87,6	29	-	2,5	8	-	-	29	3,7	2,5	27	6,2	2,3	16	-	-	1178
Ремесло	4198	12,9	83,1	348	30,9	6,9	52	6,8	1	158	20,1	3	113	25,9	2,2	21	-	-	5049
Строительство	2422	7,4	88	64	5,7	2,3	129	16,8	4,7	40	-	1,5	14	-	-	4	-	-	2755
Транспорт	1807	5,5	89	6	-	-	25	-	1,2	68	8,7	3,4	34	7,8	1,7	39	7,4	2	2029
Торговля	3574	11	79,5	444	39,4	9,9	138	17,9	3	131	16,7	3	31	7,1	0,7	71	14	1,6	4494

Таблица 47

Межэтническое разделение труда в Западной Сибири в 1897 г.

Сферы занятости	Русские			Украинцы			Белорусы			Поляки			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу русских	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу украинцев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу белорусов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	
Администрация	21122	0,7	94,5	260	0,18	1,2	16	—	—	523	4	2,3	22363
Военные	9349	0,3	92,1	58	0,04	0,6	1	—	—	39	—	0,4	10149
Церковь	10969	0,4	91,1	48	—	0,4	17	—	—	30	—	0,3	11940
Свободные профессии	9890	0,3	84,5	138	0,09	1,2	17	—	—	327	2,5	2,8	11700
Работа по найму	101492	3,4	86,8	2247	1,6	1,9	126	1,4	0,1	1149	8,8	1	116909
Рантье и содержание	31357	1	90	420	0,3	1,2	30	0,3	—	521	4	1,5	34811
Земледелие	2403882	80,7	89,4	132083	93,4	4,9	8312	91,8	0,3	4922	37,6	0,2	2688386
Животноводство	23550	0,8	21,5	293	0,2	0,3	22	—	—	124	0,9	0,1	109335
Лесные промыслы	19057	0,6	85,5	174	0,1	0,8	26	—	—	172	1,4	0,8	22295
Рыболовство и охота	21961	0,7	34,5	45	—	—	6	—	—	47	—	—	63563
Ремесло и промышленность	152218	5,1	88,3	2847	2	1,6	252	2,8	0,1	2110	16,1	12	172366
Строительство	53501	1,8	92,2	695	0,5	1,2	104	1,1	1,8	340	2,6	0,6	58002
Транспорт	24504	0,8	84,6	665	0,5	2,3	44	0,5	—	1099	8,4	3,8	28943
Телефон, почта и т. д.	2454	0,08	94,7	10	—	0,4	2	—	—	57	—	2,2	2591
Торговля, коммерция	53030	1,8	80,5	581	0,4	0,9	46	0,5	—	1394	10,6	21	65852
Отбывание наказания	3627	0,12	75,4	262	0,2	5,4	5	—	—	177	1,4	37	4808
Прочие	31426	1	85	561	0,4	1,5	30	0,3	—	410	31	11	36983
Общая численность занятых	2978989	100	—	13843	100	—	9058	100	—	13078	100	—	3460996

Сфера занятости	Немцы			Евреи			Татары			Мордва			Цыгане			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу лицев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу мордвы	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу цыган	В % к числу занятых в отрасли	
Администрация	60	1	0,9	58	-	0,3	182	-	0,8	7	-	-	1	-	-	22363
Военные	22	-	-	49		0,5	424	0,3	4,2	37	-	-	5	-	-	10149
Церковь	6	-	-	145	1,3	1,2	563	0,4	4,7	12	-	-	-	-	-	11940
Свободные профессии	153	2,6	1,3	231	2	2	554	0,4	4,7	13	-	-	118	1,3	1	11700
Работа по найму	302	5	0,3	469	4,2	0,4	5555	3,6	4,8	724	4,4	0,6	219	2,4	0,2	116909
Рантье и содержание	123	2	0,4	442	4	1,3	1183	0,8	3,4	44	-	-	39	0,4	-	34811
Земледелие	3650	62,2	0,1	584	5,2	-	86803	56,7	3,2	14097	85,6	0,5	415	4,5	1,5	2688386
Животноводство	6	-	-	37	-	-	28239	18,5	25,8	122	0,7	0,1	21	0,2	-	109335
Лесные промыслы	27	-	-	19	-	-	2172	1,4	9,7	236	1,4	1	14	-	-	22295
Рыболовство и охота	7	-	-	11	-	-	16856	11	26,5	6	-	-	25	0,3	-	63563
Ремесло и промышленность	812	13,8	0,5	2916	26,2	1,7	3149	2	1,8	579	3,5	0,3	365	4	0,2	172366
Строительство	107	1,8	0,2	495	4,4	0,9	1305	0,9	2,2	364	2,2	0,6	116	1,3	0,2	58002
Транспорт	154	2,6	0,5	669	6	2,3	1450	0,9	5	63	-	-	16	-	-	28943
Телефон, почта и т.д.	46	0,8	1,8	-	-	-	2	-	-	4	-	-	-	-	-	2591
Торговля, коммерция	187	3,2	0,3	4483	40,3	6,8	3562	2,3	5,4	49	-	-	1529	16,7	2,3	65852
Отбивание наказавши	51	0,9	1	92	-	19	220	0,1	4,6	6	-	-	34	0,4	-	4808
Прочие	138	2,4	0,4	436	3,9	12	741	0,5	2	96	-	0,3	803	8,8	2,2	36983
Общая численность занятых	5865	100	-	11130	100	-	152961	100	-	16459	100	-	9137	100	-	3460996

Сфера занятости	Казахи			Зыряне			Латыши			Литовцы			Эсты			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу занятых	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу занятых	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу занятых	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу занятых	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу занятых	В % к числу занятых в отрасли	
Администрация	50	-	0,2	4	-	-	8	-	-	8	-	-	5	-	-	22363
Военные	6	-	-	3	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	10149
Церковь	86	-	0,7	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11940
Свободные профессии	120	0,2	1	12	-	-	27	-	0,2	19	-	-	10	-	-	11700
Работа по найму	2656	3,8	2,3	320	3,6	0,3	104	2,2	0,1	60	5,2	-	79	33	-	116909
Рантье и содержание	149	0,2	0,4	22	-	-	40	-	-	18	-	-	19	-	-	34811
Земледелие	13590	19,3	0,5	5716	63,9	0,2	4054	85,6	0,2	773	67,2	-	1927	80	-	2688386
Животноводство	50908	72,4	46,6	770	8,6	0,7	20	-	-	21	1,8	-	1	-	-	109335
Лесные промыслы	1408	2	6,3	68	-	-	20	-	-	13	-	-	6	-	-	22295
Рыболовство и охота	31	-	-	871	9,7	1,4	4	-	-	-	-	-	2	-	-	63563
Ремесло и промышленность	1422	2	0,8	621	7	0,4	243	5,1	0,1	101	8,8	-	185	7,7	-	172366
Строительство	121	0,2	-	370	4,1	0,6	72	1,5	-	10	-	-	68	2,8	-	58002
Транспорт	333	0,5	1,2	25	-	-	67	1,5	-	32	2,8	-	47	2	-	28943
Телефон, почта и т.д.	2	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	3	-	-	2591
Торговля, коммерция	376	0,5	0,6	77	1	-	27	-	-	33	2,9	-	12	-	-	65852
Отбывание наказания	56	-	1,2	3	-	-	15	-	-	13	-	-	15	-	-	4808
Прочие	254	0,4	0,7	50	-	-	34	-	-	36	3,1	-	29	-	-	36983
Общая численность занятых	70309	100	-	8943	100	-	4736	100	-	1150	100	-	2408	100	-	3460996

Продолжение табл. 47

Сфера занятости	Ханты			Манси			Самодийцы			Финны			Выходцы с Кавказа			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу хантов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу манси	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу самодийцев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу финнов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу выходцев с Кавказа	В % к числу занятых в отрасли	
Администрация	8	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	22363
Военные	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	10149
Церковь	13	-	-	10	-	-	-	-	-	3	-	-	1	-	-	11940
Свободные профессии	1	-	-	-	-	-	1	-	-	5	-	-	3	-	-	11700
Работа по найму	329	1,7	0,3	66	1,4	-	201	2,3	0,2	44	4	-	73	14,3	-	116909
Рантье и содержание	134	0,7	0,4	36	-	-	34	0,4	-	20	1,8	-	37	7,3	-	34811
Земледелие	353	1,8	-	2454	51,2	0,1	12	-	-	788	72,2	-	119	23,4	-	2688386
Животноводство	1841	9,4	1,7	42	-	-	3257	37,6	3	9	-	-	2	-	-	109335
Лесные промыслы	26	-	-	67	14	-	16	-	-	1	-	-	6	-	-	22295
Рыболовство и охота	16715	85	26,3	2027	42,3	32	4919	56,8	7,7	5	-	-	-	-	-	63563
Ремесло и промышленность	69	-	-	17	-	-	140	1,6	-	152	13,9	-	62	12,2	-	172366
Строительство	5	-	-	19	-	-	9	-	-	30	2,7	-	5	-	-	58002
Транспорт	17	-	-	-	-	-	10	-	-	6	-	-	20	4	-	28943
Телефон, почта и т.д.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	2591
Торговля, коммерция	101	0,5	0,2	21	-	-	30	0,3	-	6	-	-	31	6	-	65852
Отбывание наказания	3	-	-	-	-	-	3	-	-	3	-	-	90	17,7	1,9	4808
Прочие	43	-	-	18	-	-	23	-	-	16	-	-	3	-	-	36983
Общая численность занятых	19659	100	-	4791	100	-	8657	100	-	1091	100	-	509	100	-	3460996

Таблица 48

Межэтническое разделение труда в городах Западной Сибири в 1897 г.

Сфера занятости	Русские			Украинцы			Белорусы			Поляки			Немцы			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу занятых в отрасли	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу занятых в отрасли	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу белорусов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу поляков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу немцев	В % к числу занятых в отрасли	
Администрация	12631	5,6	94,8	128	4,8	1	4	3,3	-	391	8,9	2,9	34	2,6	-	13319
Военные	8274	3,6	91,4	53	2	0,6	1	-	-	34	0,8	0,4	19	1,4	0,2	9052
Церковь	2378	1	90,2	10	0,3	0,4	-	-	-	25	0,6	0,9	7	0,5	-	2635
Свободные профессии	5405	2,4	86,8	116	4,4	1,9	5	-	-	236	5,4	3,8	136	10,2	2,2	6226
Работа по найму	41949	18,5	91,1	602	22,8	1,3	24	19,5	-	734	16,7	1,6	205	15,4	0,4	46046
Рантье и содержание	17052	7,5	92	100	3,8	0,5	8	6,5	-	362	8,3	2	85	6,4	-	18527
Сельское хозяйство	18222	8	93,1	225	8,5	1,2	42	34,1	-	163	3,7	0,8	43	3,2	-	19563
Промыслы	4348	1,9	93	17	0,6	0,4	-	-	-	26	0,6	0,6	8	0,6	-	4676
Ремесло и промышленность	43751	19,3	89,4	461	17,5	0,9	19	15,4	-	808	18,4	1,7	346	26	0,7	48936
Строительство	18456	8,1	92,6	147	5,6	0,7	-	-	-	181	4,1	0,9	44	3,3	-	19944
Транспорт	11498	5	89	212	8	1,6	2	-	-	325	7,4	2,5	83	6,2	-	12912
Телефон, почта и т.д.	1898	0,8	94,8	9	0,3	0,4	2	-	-	48	1	2,4	34	2,6	1,7	2002
Торговля, коммерция	28234	12,5	82,9	263	10	0,8	6	-	-	677	15,4	2	146	11	-	34069
Отбывание наказания	3400	1,5	0,8	220	8,3	5	5	-	-	168	3,8	3,7	48	3,6	-	4482
Прочие	9229	4,3	90,8	77	2,9	0,8	5	-	-	290	6,8	2,9	91	6,9	0,9	10168
Общая численность занятых	226735	100	-	2640	100	-	123	100	-	4383	100	-	1329	100	-	252557

Продолжение табл. 48

Сфера занятости	Евреи			Татары			Казахи			Чуваши			Цыгане			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу евреев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу татар	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу казахов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу чувашей	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу цыган	В % к числу занятых в отрасли	
Администрация	40	0,5	0,3	32	0,7	—	8	1	—	—	—	—	1	—	—	13319
Военные	48	0,6	0,5	415	8,9	4,6	6	0,8	—	—	—	—	3	—	—	9052
Церковь	128	1,6	4,9	33	0,7	1,2	10	1,3	0,4	1	—	—	—	—	—	2635
Свободные профессии	193	2,4	3	74	1,6	1,2	16	2,1	—	—	—	—	27	6,4	0,4	6226
Работа по найму	343	4,3	0,7	773	16,6	1,7	171	22,4	0,4	8	17,4	—	68	16	0,3	46046
Рантье и содержание	403	5	2,2	334	7,2	1,8	39	5,1	—	—	—	—	11	2,6	—	18527
Сельское хозяйство	15	0,2	—	232	5	1,2	225	29,5	1,2	15	32,6	—	41	9,7	—	19563
Промыслы	1	—	—	62	1,3	1,3	7	0,9	—	—	—	—	5	—	—	4676
Ремесло и промышленность	2366	29,6	4,8	463	9,9	0,9	30	3,9	—	6	8,7	—	36	8,5	—	48936
Строительство	424	5,3	2,1	281	6	1,4	4	0,5	—	12	26	—	—	—	—	19944
Транспорт	592	7,4	45,9	424	9	3,3	59	7,7	—	1	—	—	10	2,4	—	12912
Телефон, почта и т.д.	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2002
Торговля, коммерция	2967	37,2	8,7	1278	27,4	3,8	116	15,2	0,3	2	—	—	184	43,4	0,5	34069
Отбывание наказания	91	1,1	—	188	4	4,2	54	7	—	—	—	—	6	—	—	4482
Прочие	359	4,9	3,5	73	2,4	0,7	16	2	—	1	—	—	32	7,5	—	10168
Общая численность занятых	7980	100	—	4663	100	—	763	100	—	46	100	—	424	100	—	252557

Продолжение табл. 48

Сфера занятости	Мордва			Латыши			Литовцы			Финны			Эсты			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу мордвы	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу латышей	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу литовцев	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу финнов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу эстов	В % к числу занятых в отрасли	
Администрация	-	-	-	10	5,8	-	1	-	-	-	-	-	4	3,4	-	13319
Военные	38	3,6	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9052
Церковь	8	0,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2635
Свободные профессии	5	0,5	-	9	5,2	-	7	12,5	-	1	-	-	9	7,7	-	6226
Работа по найму	313	30	2,2	41	23,8	-	15	26,8	-	1	-	-	22	18,8	-	46046
Рантье и содержание	15	1,4	-	10	5,8	-	1	-	-	1	-	-	13	11,1	-	18527
Сельское хозяйство	289	27,7	1,5	5	2,9	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	19563
Промыслы	41	3,9	-	3	-	-	2	-	-	1	-	-	-	-	-	4676
Ремесло и промышленность	218	20,9	0,4	41	23,8	-	14	25	-	5	-	-	30	25,6	-	48936
Строительство	55	5,3	-	21	12,2	-	2	-	-	-	-	-	8	6,8	-	19944
Транспорт	14	1,3	45,9	6	3,5	-	7	12,5	-	-	-	-	14	12	-	12912
Телефон, почта и т.д.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2002
Торговля, коммерция	30	2,9	-	9	5,2	-	4	7,1	-	-	-	-	1	-	-	34069
Отбывание наказания	6	0,6	-	11	6,4	-	-	-	-	2	-	-	14	12	-	4482
Прочие	13	1,6	-	6	3,5	-	1	-	-	2	-	-	2	-	-	10168
Общая численность занятых	1045	100	-	172	100	-	56	100	-	13	100	-	117	100	-	252557

Продолжение табл. 48

Сфера занятости	Зыряне			Пермяки			Ханты			Манси			Самодийцы			Общее число занятых в отрасли
	Число занятых	В % к общему числу зырян	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу пермяков	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу хантов	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу манси	В % к числу занятых в отрасли	Число занятых	В % к общему числу самодийцев	В % к числу занятых в отрасли	
Администрация	1	-	-	5	6,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13319
Военные	3	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	9052
Церковь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2635
Свободные профессии	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6226
Работа по найму	26	-	-	13	17,8	-	45	26,8	-	2	-	-	2	-	-	46046
Рантье и содержание	5	-	-	-	-	-	21	12,5	-	-	-	-	-	-	-	18527
Сельское хозяйство	11	-	-	4	5,5	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	19563
Промыслы	26	5,8	0,6	15	20,5	-	90	53,6	1,9	-	-	-	2	-	-	4676
Ремесло и промышленность	116	26	0,2	5	6,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	48936
Строительство	187	42	0,9	26	35,6	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	19944
Транспорт	1	-	-	5	6,8	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	12912
Телефон, почта и т.д.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2002
Торговля, коммерция	16	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	34069
Отбывание наказания	2	-	-	-	-	-	3	1,8	-	-	-	-	2	-	-	4482
Прочие	46	0,5	-	-	-	-	3	1,8	-	-	-	-	-	-	-	10168
Общая численность занятых	446	100	-	73	100	-	168	100	-	2	100	-	6	100	-	252557

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Этнодемографическая ситуация в Западной Сибири в XIX – начале XX в и ее влияние на межэтническое разделение труда	
1.1. Этнодемографическая ситуация в Западной Сибири в XIX – начале XX в.	38
1.2. Межэтническое разделение труда в Западной Сибири по данным переписи 1897 г.	76
Глава 2. Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Западной Сибири в XIX – начале XX в.	
2.1. Тобольский Север и Нарымский край	102
2.2. Центральные районы Западной Сибири	127
2.3. Южные степные районы Западной Сибири	145
2.4. Горный Алтай	160
2.5. Сегрегационные группы (ограниченные в правах) и их интеграция в хозяйственную сферу региона	170
Заключение	183
Источники и литература	189
Приложение	202

Научное издание

КАРИХ Елизавета Васильевна

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ
XIX – НАЧАЛО XX в.

Редактор *Т.В. Зелева*

Технический редактор *Р.М. Подгорбунская*

Оригинал-макет *А.М. Мороз*

Лицензия ИД 04617 от 24.04.2001 г.

Подписано в печать 02.09.2004 г. Формат 60x84^{1/16}.

Печ. л. 14,5; усл. печ. л. 13,5; уч.-изд. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 339.

ФГУП "Издательство ТГУ", 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ОАО "Асиновская типография", г. Асино, ул. Проектная, 22